

love_sf

Марина
Ефиминюк

Обреченные стать победителями

Мечта сбылась! Я поступила в лучшую академию королевства. Казалось бы, учись и радуйся. Постигай законы высшей магии, изучай тонкости мироустройства, а новые друзья не позволят заскучать. Они у меня такие замечательные... можно и врагов не заводить. Хотя один враг нашелся сам. Белобрысый столичный сноб. Бесит страшно! Постараться бы его не прикончить. И, главное, ни в коем случае не забыть, каким подчас коротким бывает шаг от ненависти до...

ru

Марина
Ефиминюк

FictionBook Editor Release 2.6.6
28.6.2019
78736a77-5ce1-4ffb-94f0-34fc4a0ff049
1.0

Марина Ефиминюк
Обреченные стать победителями

Глава 1. Закон возвращения пакостей

В восточных долинах королевства, где я выросла, в ходу нравоучительная поговорка: не плюй в колодезь, пригодится напиться. В моем случае она звучала иначе. Не подливай слабительные капли в кувшин с крепленным вином хамоватым столичным аристократам, пригодится... О чем вы подумали? Не напиться! А не нарываться на неприятности, когда через пару декад столкнешься с одним из них в академии магии Дартмурт. В тот вечер парни ввалились в теткину таверну и вели себя как полные кретины. Если бы я знала, что видела главного хама из трио папенькиных сынков не в последний раз, то не стала бы

опрокидывать в кувшин весь флакон снадобья. Ограничилась бы десятком капель. И нет, я не мстительная. Это они от души нарывались на чисто принципиальное гостеприимство. До сих пор передергивает, стоит вспомнить, как блондинистый придурок, сейчас сидящий на соседнем ряду, швырнул на стол пару медяков, и под смешки друзей-недоумков небрежно махнул рукой: – Обслужи нас!

Кто знал, что он окажется адептом первого года на факультете Хранителей магии, мы будем стоически сдерживать зевки на одной церемонии приветствия, а потом сидеть в одних лекционных? В общем, если узнает в лицо, то выйдет неловкость.

В реальность меня вернул звучный басовитый голос магистра, стоявшего у преподавательской кафедры:

– Кто перечислит три основных постулата мироустройства?

В полукруглой лекционной образовалась испуганная тишина. Народ перестал шуршать листами писчей бумаги.

– Ну же, господа адепты! Разве на факультет Хранителей принимают не лучших выпускников магических школ?

Что есть, то есть! Я пахала, как проклятая, чтобы получить стипендию в Дартмурте. Днем училась, вечеров убирала столы в таверне, по ночам зубрила, а единственный выходной проводила в школе, оттачивая заклятья. Оплачивать высшее образование тетка Надин, моя опекушка, не собиралась, о чем недвусмысленно объявила, когда подписывала прошение в самую престижную академию в королевстве. Но я поступила на бесплатное место и собиралась начать жить с чистого листа.

– Господа, не стесняйтесь показаться умными! – увещевал магистр аудиторию.

– Параллельных миров бесчисленное множество, – заговорил кудрявый худой парень, сидевший на другом конце зала.

– Верно! – указал в него пальцем преподаватель. – Как вас зовут?

– Флемминг Квинстад, магистр, – бодренько представился он.

– Продолжайте, адепт Квинстад...

Он называл постулаты, известные любому школьнику, и на учебной доске сами собой появлялись строки, написанные размашистым, видимо, преподавательским почерком:

Параллельных вселенных бесконечное множество.

Наверняка миров огромное количество, но пока мы знакомы только с одним соседом – диким миром Рейнсвер, населенным демоническими существами. Из чего философы лет двести назад сделали странный вывод: наш мир первый в цепочке бесконечности, а остальные являются слепками, в смысле копиями. Самонадеянное утверждение всем льстило. Объяснить, почему у соседа не совпали континенты с нашим, ни у кого за прошедшие два века не вышло, сколько не пыжились. Интересно, что случится, если к нам постучатся еще с какой-нибудь стороны, кроме Рейнсвера? Например, снизу. Уф! Представить страшно, какой поднимется переполох.

Кстати, еще утверждалось, будто в мире за «гранью» из разумных жили только исследователи и ссыльные преступники (за здравый рассудок тех и других никто не ручался), а остальные – драконы, грифоны, горгульи и прочие твари, которых мне предстояло изучать в течение всего первого года, пусть одомашнивались, но признаков интеллекта не проявляли.

Впрочем, некоторые из находящихся в аудитории – лень показывать пальцем в белобрысого придурка из таверны – тоже не проявляли особенных признаков интеллекта, но почему-то учились в лучшей академии королевства. Наверное родители таким образом пытались их приучить и одомашнить.

Магия и ее сила не зависят от происхождения.

Капризный магический дар всегда стремился затухнуть, как любой талант, который не раскрыли или по какой-то причине – и, поверьте, таких людей имелось не мало – не хотели развивать. Но если способности, например, к рисованию, с возрастом не исчезали, то заснувший колдовской дар больше не пробуждался. Никогда, ни при каких обстоятельствах, ни по чьему желанию или велению.

Магия обязана служить во благо мира.

Конечно, маги обязаны помогать людям! Кто бы утверждал обратное? Но понимание о добре и зле у всех разное. Некоторые причиняли такое «торжественное благо», что лучше бы мирно отдохнули в сторонке. Начудивших магов – в смысле, совершивших какое-нибудь разрушительно-злодейское «чудо» – объявляли преступниками и проговаривали к ссылке в Рейнсвер.

Но если адепт Креммлиг (так ведь его зовут?) и разделял мое мнение касательно мироустройства, то вслух об этом, конечно, не объявлял. Просто перечислил постулаты, за что немедленно получил похвалу.

– Прекрасно... – развел руками магистр, мол, учитесь, господа первогодки, смелости, и немедленно переспросил:

– Как еще раз ваше имя?

– Ботаник, – прозвучал сверху издевательский голос придурка из таверны.

По рядам прошелестели сдавленные смешки, мгновенно утихшие под осуждающим преподавательским взглядом. Однако адепт с непроницаемым видом напомнил:

– Флемминг Квинстад.

Ой! В уголке листа я накарябала правильное имя сокурсника с аристократической фамилией.

Станный поступок, если честно. Ведь имя преподавателя прослушала и не записала.

– Точно-точно. – Магистр тоже что-то чиркнул в блокноте. Наверняка внес Квинстада в список умников и любимчиков. Уверена половина аудитории была готова до самого выпуска ходить с гордым прозвищем Ботаник, я в том числе, лишь бы свезло оказаться в том же списке.

– А ваше? – поднял профессор глаза на наш ряд. Чуть не указала пальцем на себя, но обращались к разговорчивому крестину.

– Илай Форстад, господин магистр, – прозвучала знакомая фамилия.

Постойте! Он из тех самых Форстадов, которые уже четверть века хороводят в королевском совете магов? Не зря говорят, что на потомках великих людей боги отдыхают!

Судя по тому, с какой поспешностью магистр сделал в блокноте очередную пометку, в предположении я не ошиблась.

– Итак, господа адепты, – начал он, уставившись на меня (вернее, на потомка древнего магического рода, сидевшего сверху, но выглядело, будто на меня – неловко-то как), – уверен, вы все знакомы с постулатами, однако на вводной лекции мы обязаны разобрать их подробно. Это экзаменационная тема.

В мироустройстве имелась еще одна неприятная деталь. Помимо той, что именно Форстады выделяли стипендии на обучение в Дартмурте, а магистр облизывал нежным взглядом их отпрыска, словно тот уже замолвил за него словечко перед известными родственниками. И вряд ли этим вредоносным знанием кто-нибудь щегольнет перед экзаменационной комиссией. Однако, поделюсь, чтобы не держать в себе. Если граница с Рейнсвером или любым другим миром, будь он сверху, снизу, сбоку или по диагонали, когда-нибудь сотрется, то у нас вообще-то случится конец света. Не дайте боги накаркать!

С непривычки я едва успевала за лектором, рука ныла. В академии, в отличие от школы, никто не ждал и не переспрашивал, все ли записали материал. Страницы испещряли диагональные строки с сокращенными словами – враг не расшифрует, заклятье не поможет. Ни одной схемы из тех, что покрывали доску, перерисовать не успела. А в песочных часах, стоящих на преподавательской кафедре и отмеряющих время занятия, постепенно истекал мерцающий песок. Кошмар!

Магистр громко объявил:

– На этом тема постулатов переустройства закрыта.

До конца лекции оставалось еще несколько минут, и я принялась наспех карябать на листе схему «множественности вселенной по Крауту», но рисунки выходили не только кривыми, но и бледными – в самописном пере заканчивались чернила... Неожиданно схемы на моих глазах начали растворяться! Меловые линии, нанесенные с помощью колдовства, исчезли, и доска засияла первозданной чистотой.

Не поняла, простите. Как так-то?!

– Все материалы по лекции вы можете найти в методическом пособии по моему курсу, – между тем с жизненным видом заметил магистр. – Там же подробно разобраны ответы на

экзаменационные вопросы, поэтому, если радуете за высокие баллы, то от души рекомендую изучить его.

Я призадумалась. Вчера в книжном хранилище мне выдали даже не стопку, а гору книг, обязательных к изучению на первом году обучения. Старых, прошедших огонь, воду и академическую столовую: с истрепанными углами, подчеркнутыми строками, жирными пятнами и прочими прелестями фолиантов, передаваемых из поколения в поколение тех адептов, кому было не по карману выложить кругленькую сумму на покупку собственных учебников. Но не помню, чтобы к двум толстым томам по мироустройству прилагались какие-то дополнительные книжные «изыски».

– У нас осталась пара минут. Задавайте вопросы, – предложил он, опершись ладонью о кафедру. Мы находились, признаться в единодушном недоумении. Не по поводу мироустройства, конечно, а из-за методички. Подозреваю, абсолютно все ломали голову, где бы добыть волшебную книжечку, даже без заклинаний способную повысить балл на экзамене.

Наконец руку подняла девушка на первом ряду. Лица я ее видеть не могла, только узкие плечи, спрятанные под черной учебной мантией, да две косички, перекинута на спину.

– Магистр Хилдис, могу я узнать о методическом пособии? Его не было в списке обязательной литературы. – Голос у девчонки оказался пронзительный и высокий.

– Какой хороший вопрос! – шелкнул тот пальцами, а на доске на долю секунды снова мелькнули надписи, но мгновенно исчезли. – Как ваше имя?

– Матильда Юри, – с готовностью отрапортовала она и оговорила:

– В фамилии ударение на второй слог.

– Итак, госпожа Юри и все остальные, методическое пособие, автором которого является ваш покорный слуга, можно купить у меня лично. Стоит недорого, всего семь соримов.

Я чуть не поперхнулась на вздохе. Семь? И это недорого? Обалдеть! Ровно столько стоили приличные осенние сапоги.

Вот как всегда! Только решишь начать жизнь с «чистого листа», как натыкаешься на извечный вопрос: важнее добротная обувь на промозглую погоду или хорошая успеваемость? Может, удастся перекопировать методичку, у меня даже заклятье имелось, или купить у ребят второго года?

– Чтобы адептам, честно приобретшим материалы, не было обидно, пособие заговаривается от незаконного копирования и прочтения. Другими словами, никто, кроме владельца, не сможет воспользоваться книгой, – рассказал о подленьком «сюрпризе» преподаватель. – Думаю, что это честно.

Нет, положительно – это не магистр, призванные сеять вечное с прекрасным и взращивать в неофитах желание приобщиться к знаниям, а затрапезный торгаш! Разве что одет в темно-синюю учительскую мантию, а не в грязный фартук. Даже имя его не запишу – не заслужил! Может быть, на следующей лекции, если заработает.

Время занятия закончилось вместе с последней песчинкой, перекатившейся по узкому горлышку часов, и аудитория наполнилась переливчатым перезвоном невидимых колокольчиков. Народ моментально встал со своих мест. Пространство взорвалось голосами.

– Встретимся утром четвертого дня! – стараясь перекрыть шум, снова объявил магистр Хилдис.

Прижимая к груди папку с листами писчей бумаги и стопку учебников, я выбралась в бурлящий коридор. Семинар по высшей магии проходил на другом этаже, но лестницу-то еще надо было найти, а перерыв длился жалких десять минут. Попробуй, доскачи вслепую!

В Дартмурт я приехала только вчера утром, проведя почти сутки в почтовой карете.

Попыталась заикнуться о воздушном корабле, долетавшим из восточных долин до центра королевства всего-то за шесть часов, но тетка Надин посчитала меня полоумной, о чем немедленно и объявила. В общем, осмотреться я током не успела. Пришлось действовать, как обычно – следовать за толпой в надежде, что народ выведет в нужном направлении. К счастью, метод заплутавшего в столице провинциала не подвел и в этот раз: впереди замаячил широкий лестничный пролет.

Вдруг гудящее пространство взорвалось гогом. Мимо, как взбесившиеся буйволы, проскакали парни. Я не успела отскочить с дороги и заработала ощутимый толчок крепким плечом. Папка с конспектами и книги немедленно свалились на пол. Удивительно, как меня саму не сверзили туда же. С уст почти сорвалось ядреное ругательство, но правила Дартмурта запрещали

сквернословить, по крайней мере, в голос, но тихонечко отвесить бранное словцо никто не возбранял...

Бурча под нос проклятья, я опустилась на корточки, чтобы собрать выроненные вещи. Только потянувшись за папкой, как пальцы едва не оказались прищемленными мужским ботинком. Еле успела руку отдернуть!

– Привычная поза на коленях? – раздался сверху мужской голос, и его обладатель как ни в чем не бывало пошагал дальше в компании друзей.

Я резко выпрямилась и рявкнула ему в спину:

– Эй!

Он помедлил и с деланным недоумением оглянулся. Высокий, широкоплечий, чего даже мешковатая мантия не скрывала. Светлые волосы завязаны в хвост, глаза синие, наглые. В уголках капризного рта складочка затаенной усмешки. Другими словами, я нос к носу столкнулась с белобрысым придурком. Ладно, буду надеяться, что он не имеет привычки запоминать подавальщиц.

– Эй? – изогнул он бровь.

– Не хочешь извиниться?

– Перед тобой?

– А ты кому-то еще чуть пальцы не отдал? – вопросом на вопрос ответила я.

Неожиданно стало ясно, что мы стали центром всеобщего внимания. Народ шушукался, хихикал и ждал шумного скандала. Может быть, даже надеялся, что меня доведут до слез. Что сказать? Явно на жизнь с чистого листа, в которой я, Аниса Эден, не вязывалась в потасовки с аристократическими крестинами, не тянуло.

– Не заметил, – нахально отбрил он меня.

– В таком случае, носи с собой подзорную трубу!

– Не страдаю плохим зрением.

– Похоже, ты о себе не все знаешь, Илай Форстад.

Боги, зачем я назвала его по имени? Вряд ли он когда-нибудь заслужит такую привилегию.

– То есть ты в курсе, что меня зовут не «эй»? – немедленно уцепился он за оговорку.

– Ну да, – ловко выкрутилась я. – Во время лекции ты так громко представился, что даже в коридоре услышали. У меня, как назло, отличная память на дурацкие имена, а не на лица. Сразу не признала.

Мы встретились глазами. Последовала странная пауза. Время перемены неуклонно подходило к концу. Больше всего хотелось поскорее поднять учебники, папку и броситься в кабинет на соседний этаж, но нагибаться или снова присаживаться под насмешливым взглядом белобрысого придурка и его верных прихлебателей не возникало никакого желания.

– Ладно, провинция, ты победила. Извини меня. – Особым сожалением он, естественно, не лучился, да и не упустил момента покрасоваться:

– Народ, драки не будет, расходитесь. Провинция уложила меня на лопатки.

Бросив последний, исключительно внимательный, а потому нервирующий взгляд, вместе с приятелями он направился к лестнице. Толпа вдруг вспомнила, что до начала занятия осталась жалкая пара минут, и принялась спешно разбредаться по коридорам.

Кабинет высшей магии представлял собой просторный зал с деревянными партами, в шахматном порядке выставленными перед преподавательской кафедрой. Стены подпирали шкафы с учебниками и подсобными материалами. Судя по расписанию, здесь проводили и практические, и теоретические занятия.

Я обожала высшую магию! Наука была точной и скрупулезной. Она подчинялась строгим законам. Изучала заклятья, требующие мастерства, аккуратности и внимательности, а не свободного пространства. Да и сногсшибательных (зачастую в прямом смысле слова) эффектов, как в боевой магии, не имела.

И в этом «святотерии» тишины, спокойствия и собранности, однокурсники устроили громкие дебаты.

– Натуральный шантаж! – громко высказался Флемминг Квинстад. – Они не имеют права заставлять нас покупать учебники сверх списка! Между прочим, я получил золотую медаль на конкурсе по мироустройству. Знаю его не хуже этого магистра! Зачем мне, спрашивается, его паршивая методичка?

Видимо, он совершенно не дорожил местом в списке преподавательских любимчиков. Ничего, пусть вылетает. Умные люди говорят, что на теплую кочку всегда найдется резвая лягушка. Не то чтобы я собиралась квакать ради попадания в «белый» список.

– Ботаник, так не бери, если не хочется! – высказался кто-то недовольно.

Не обращая внимания на всеобщий гвалт, я спокойно зашагала к свободному столу, но меня остановили:

– А ты?

Народ даже притих.

– Еще не решила, – дернула я плечом и положила вещи на расцарапанную парту с черными выжженными кляксами от заклятий. Белобрысый придурок, сидевший от меня через стол, как-то гаденько хмыкнул.

Зуб даю, что вспомнил! Вспомнил: где, когда и при каких обстоятельствах мы встретились. С непроницаемым видом я опустилась на добротный, но жесткий стул с деревянной спинкой, а однокурсники продолжали спорить. Хотя было очевидно, что все, кто имеет возможность выложить семь соримов, непременно купят методичку ради положительной оценки на экзамене.

– Ребята, давайте соберем деньги все вместе, – предложила ярко-рыжая девица с противоположного конца кабинета. Она повертела головой, словно присматривая жертву, а потом обратилась к Матильде Юри, которая, как оказалось, носила не только две длинные худые косицы, но и круглые очки в черепашьей оправе. – Тильда, отдадим деньги тебе!

– Мне? – воскликнула та и даже ткнула пальцем себе в грудь. – Почему я должна собирать деньги?

– Ну... – рыжая замялась.

– Это потому что я в очках? – пронзительно взвизгнула Матильда, и от возмущения затопорщились косы. – Да? Скажи, да?!

– Магистр тебя уже запомнил!

Подозреваю, что активистка уже осознала, как чувствует себя доброхот, попытавшийся остановить трактирную драку, но подло получивший обидный фингал под глазом.

– Хочешь сказать, что очкастых всегда первыми запоминают?!

– А хочешь сказать, что только рыжие должны быть крайними? – огрызнулась она.

Возможно разругавшиеся в «хлам» девчонки в конечном итоге вцепились бы друг другу в волосы на радость парням (я-то помню воодушевление завсегдатаев таверны, когда в непримиримой схватке сходились чьи-нибудь жены), но появился магистр Армас, преподаватель по высшей магии. Еще он был куратором нашего года и, главное, умопомрачительно привлекательным мужчиной. Честное слово, без преувеличений! Он напрочь ломал расхожее мнение, что красавчик, не достигший печального возраста, когда зубы становятся фарфоровыми, животы – объемными, а принципы – гибкими, не имел право носить преподавательскую мантию.

– Тишина! – рявкнул магистр, и народ мгновенно притих. – Всем сесть!

Подчиняясь приказу, adeпты моментально притаились за партами, словно надеясь, что преграда задержит волну преподавательского гнева, и никто не окажется снесенным на другой конец аудитории. В кабинете наступила дивная тишина, даже в ушах зазвенело. Мы с опаской следили, как уверенной походкой Армас подошел к кафедре, перевернул песочные часы. Артефакт вспыхнул золотистым свечением, мерцающий песок медленно посыпался по узкому горлышку, начав отсчет времени.

– Господа будущие хранители, почему вы устроили кудяхтанье, достойное adeптов факультета бытовой магии? – магистр обвел нас грозным взглядом.

– Магистр Армас! – немедленно поднял руку Квинстад. – Нас заставляют покупать дополнительные материалы по мироустройству, но по закону об образовании номер...

От запальчивой тирады меня отвлекли. В центре чистого листа, приготовленного для занятия, вдруг вспыхнул магический знак. По краям замерцал контур. Сероватая бумага превратилась в белую и гладкую, проявились тонкие, едва заметные, строки, словно передо мной лежали чужие конспекты. Собственно, так оно и было. Хозяин этого самого конспекта начал выводить быструю, летящую строчку с витиеватыми хвостиками:

«Сиротка из таверны, я знаю, что ты делала прошлым летом».

Я оглянулась к белобрысому придурку, и он немедленно глумливо подмигнул. Мол, твой позорный секрет раскрыт! Надо же, какой наивный, хуже девочки-провинциалки, ей-богу. Но он же не догадывался, что я никогда не стеснялась работы подавальщицей в таверне. Конечно, с первой минуты знакомства однокурсникам рассказывать не собиралась, но и скрывать тоже не планировала. Стыдится-то нечего. По сравнению с монастырским приютом жизнь в доме тетки Надин – небесные кущи. Недолго думая, я вывела:

«Подливала разным недоумкам в крепленое вино слабительные капли?»

Усилием воли я не позволила себе глянуть на Форстада, чтобы проверить реакцию на провокационное заявление. Продержалась целых три секунды и все-таки повернула голову. Согласно, терпение в скудный список моих добродетелей не входило. Белобрысый придурок с каменным лицом изучал раскрытый перед ним блокнот в кожаной обложке. Переваривал новости, что ли?

Пока мы обменивались колкостями, в кабинете опять начался базарный гвалт. Сведенные у переносицы брови магистра никого не смущали и не пугали, но лично мне было очевидным, что Армас особенным терпением не отличался. И сейчас бабахнет.

– Почему меня заставляют собирать деньги? Я что староста? – пронзительным голосом возмущалась Матильда, обращаясь к учителю, и ткнула пальцем в рыжую:

– Староста она.

– Зачем вообще покупать методичку? – немедленно огрызнулся Квинстад.

А на листке появилась новая запись от Форстада:

«Осторожно! У сироток жизнь в Дартмурте может быть полна задорных сюрпризов».

«Задорнее тех, что ждали тебя после винишка?»

– не без ехидства вывела я почти иссякшим самописным пером.

Послание ушло к противнику...

Секунду спустя лист бумаги, аккуратно уложенный на папку, взорвался черным пеплом и брызнул мне в лицо удушливым фонтаном. Машинально я прикрыла глаза, но во рту все равно появился мерзостный привкус. На кабинет, словно каменная глыба, обрушилась тяжелая тишина. Кое-кто, особенно смелый, не исключая, что приятели Форстада, пытались несмело похихикать.

– Адептка Эден, встаньте! – рявкнул магистр, выказывая неожиданно прекрасную память на лица и имена, ведь впервые мы встретились только вчера на церемонии приветствия, когда нам всем наносили на запястье магический знак Дартмурта.

Встать было проблематичным. Я восседала в персональном облаке пепла, больше похожего на прах. Он ложился на мантию, оседал на волосах и вызывал позорное желание расчихаться.

Заклятье, которым придурок взорвал записи, казалось столь великолепным в своей мерзости, что даже злиться не хотелось. Правда подняться-то все равно пришлось.

– Вы с таким усердием конспектировали непотребный диспут, что бумага не выдержала? – с сарказмом спросил он.

Только открыла рот, чтобы сказать какую-нибудь умную вещь, хотя не придумала какую именно, как меня настиг позорный чих, звонкий, жизнерадостный и исключительно неуместный.

– Извините, – пробормотала я. – Можно выйти?

– Непременно, – охотно согласился Армас. – Выйдите. С вещами.

Чего? Я оцепенела. Он что, выставляет меня с урока высшей магии?! Зашибись успешное начало учебы! Особенно, если учитывать, что по слухам именно куратор курса занимался распределением адептов на команды, в которых нам предстояло каждый месяц проходить проверочные испытания.

– Форстад, вы тоже, – кивнул магистр.

– Да я даже пальцем не пошевелил! – фальшиво возмутился папенькин сынок.

– Насколько мне известно, вы второй адепт в этой аудитории, способный создать заклятье разрушения, не пошевелив даже пальцем, но вряд ли Эден его использовала, чтобы покрыть себя пеплом.

Я снова громко чихнула, словно соглашаясь с магистром, видимо, неплохо изучившим свитки с достижениями подопечных. Ответственность впечатляет! Одного не понимаю, как можно наказывать пострадавшую сторону? Справедливость из нашего мира утекла в Рейнсвер через разломы в грани? И даже то, что белобрысого придурка выставили следом, являлось малым утешением. Лучше бы не стала сдерживаться и тоже взорвала ему блокнот. Все равно бы оказалась в коридоре, но, по крайней мере, с фанфарами. Пусть эти фанфары и трубили только у меня в душе.

– Квинстад, Юри! – указал магистр на притихшую парочку скандалистов. – За дверь!

Судя по вытянутым лицам спорщиков, они тоже выступили в позорной роли тех, кому дали пинка под зад.

– После занятий принесете в мой кабинет свиток от кастеляна замка об отработке прогула. А теперь все вон! – прозвучал в испуганном молчании спокойный приказ. – Адепт Бади, ради всех святых, вы-то куда собрались?!

Невольно я обернулась. В проходе возвышался (именно возвышался, иначе не скажешь) крупный парень с коротким ежиком на голове и недоумением в гладко выбритом лице с квадратным подбородком. Вот уж кому имя подходило! В переводе с эртонского, который мне пришлось зубрить в школе, слово «бади» означало презрительное «качок».

– Всем приказали выйти, – не понимая претензии, прогудел качок.

– Вас это... – магистр запнулся и махнул рукой. – А знаете, адепт Бади? Убирайтесь!

– Где?

– Куда! К кастеляну! – рявкнул Армас и обвел аудиторию спокойным взглядом. – Кто еще желает приобщиться к физическому труду?

Адепты съежились, как гвоздики поздней осенью, и кажется коллективно пожелали забраться под парты. Кто бы знал, что под маской приятного лошеного мужика скрывался натуральный зверь!

Провожали нас пятерых гробовым молчанием. Честное слово, как в последний путь. В смысле, в кабинет ректора, откуда, как ходили слухи, всех первоодков отправляли прямой вытоптанной дорогой домой.

И в самый разгар эпичной драмы дверь тихонечко и очень смущенно приоткрылась. В аудиторию бочком втиснулась невысокая девушка с короткими волосами, собранными под скромный ободок. Она практически столкнулась с Илаем, самым первым покидавшим аудиторию, и пролепетала тихим голосом, обращаясь к нему, а вовсе не к тирану у преподавательской кафедры:

– Можно?

– Нет! – взбеленился разозленный Армас. – В эту аудиторию заходят до преподавателя! Ни секундой позже!

В коридор я выбралась сразу следом за белобрысым придурком. Честно говоря, даже проталкиваться не пришлось – ребята шустренько разошлись, боясь оказаться обсыпанными сероватым пеплом. Кожа начала страшно зудеть и до зубного скрежета хотелось умыться. Еще, конечно, убить Форстада, но пока умыться больше. Повезло, что на этаже имелась уборная. Когда мы, то есть я, мантия и мое чувство собственного достоинства, попранное первым в жизни изгнанием с занятий, приобрели сносный вид (последнее для чужих глаз, конечно, было незаметно), однокурсники уже испарились. Подсказать, где находился кастелян, в пустом коридоре было решительно некому. Нет, конечно, всем первоодкам выдавали схему замка, но кто в своем уме станет бродить по учебному крылу, сверяя повороты по карте? Оставалось спуститься в холл и посмотреть на поэтажном плане, висевшем возле доски объявлений. Кастелян, неприятный взлохмаченный старик в заношенной мантии, встретил меня ехидной улыбкой и со словами, мол, труд облагораживает даже рейсверских игуанодонов, а уж адептов-неучей – подавно, отправил в архив, который, если верить все тому же поэтажному плану, находился на чердаке хозяйственной башни... Другими словами, процесс облагораживания начинался с того, что мне пришлось, невольно считая про себя каменные ступеньки, подниматься по бесконечно убегающей вверх винтовой лестнице.

Сквозь стрельчатые пыльные окна проникал солнечный свет, и было видно, что на каменных подоконниках нахохлились голуби. У меня дома считалось, что если птицы стучались в окно, то надо ждать беды.

И ведь люди не вдали!

Сначала в холодном воздухе повеяло резким запахом табака, а потом обнаружился белокрысый придурок, с непроницаемым видом подпиравший стену под раскрытым окном и пыхтевший самокруткой.

Сделав вид, будто он прозрачный, я попыталась пройти мимо, но Форстад нахально выпустил в мою сторону облако вонючего дыма.

– Если это – приглашение составить тебе компанию, то не имею привычки травить себя всякой гадостью. – Я специально помахала рукой перед лицом.

– То есть ты травишь только других? – изогнул он брови и снова затаился.

Вспыхнул кончик стремительно тлеющей самокрутки. Еще чуть-чуть и кретин обожжет губы. По крайней мере, я на это искренне рассчитываю.

– Пока ты и сам неплохо справляешься, – намекнула на дурную привычку. – Кстати, на территории Дартмурта табак запрещен.

– Хочешь заложить? – нехорошо усмехнулся он.

– Много чести, – дернула плечом. – Но, к слову, на твоём месте я бы извинилась.

– И за что же?

– Из-за твоего идиотского колдовства меня выставили с занятия. Несправедливо как-то.

Он резко отделился от стены и перегородил дорогу. От неожиданности я отступила, но тут же пожалела. Теперь приходилось заирать голову, чтобы пронзять придурка высокомерным взглядом. Немедленно шагнула обратно, едва не втиснувшись носом в его грудь. Но кретин все равно возвышался на полголовы, а мне грозило кувырнуться спиной на каменные ступеньки. Что за напасть?

Пока я туда-сюда танцевала, пытаюсь найти выгодную позицию, и утверждалась на лестнице, он швырнул под ноги тлеющий окурочок и тихо с угрозой произнес:

– На моём месте, Аниса Эден, ты бы свернула шею подавальщице трапезной таверны, которая отравила нас с друзьями.

– Постой-постой! – категорично перебила я. – Давай-ка сразу внесем ясность! Это был не яд, а всего лишь аптекарское снадобье. Оно гуманнее.

– Да неужели? – сузил он глаза.

– Конечно. Не убивает, но взгляд на жизнь пересмотреть помогает. Хотя тебе, похоже, вообще не помогло.

Белокрысого мстителя перекосило. Наверное, он бы предпочел яд – быстрее бы отмучился и никакого позора. Почти благородная смерть.

– Вы двое! – раздался сверху резкий голос.

По инерции я отступила и выглянула из-за Форстада, пытаюсь посмотреть, кого принесло в самый разгар задорного скандала. С недовольной миной, подперев бока руками, на лестнице стоял старшекурсник, судя по зеленому цвету герба Дартмурта, пришитого на мантию, с факультета общей магии. – На отработку?

Я кивнула.

– Тогда поднимайтесь! – рявкнул он, развернулся и даже занес ногу над ступенькой, но бросил через плечо:

– В академии курить запрещено.

– Неудачник, – буркнул едва слышно Форстад. Учтя, что отработка ждала именно нас, я была готова поспорить с утверждением, кто здесь больший неудачник, но только издевательски закатил глаза.

Честно говоря, думала, что сейчас придурок с презрительным видом направится в противоположную сторону, мол, не для мальчиков с золотыми ложками в зубах и громкими фамилиями следовать правилам, будто простым смертным, но он с мрачным видом начал подниматься следом за архивариусом. В общем, удивил неимоверно.

Размер архива, спрятанного за деревянной дверью с металлическими заклепками, заставил меня присвистнуть. Двухъярусные стеллажи, заставленные бесчисленными папками с дипломными работами, тянулись на несколько ярусов вверх и практически упирались в толстые балки

перекрытий. До верхних полок можно было достать, лишь вскарабкавшись на длинную лестницу на колесиках.

В центре стоял массивный стол, заваленный все теми же папками, и однокурсники уже их перебирали. На столе пересыпали мерцающий песок часы, отмеряющие время каторги. Учítывая, что по расписанию высшей магии было три часа, всем предстояло урботаться в «хлам».

Флемминг недовольно зыркнул в нашу сторону и пробормотал под нос:

– Явились, не запылились.

Еще одно спорное утверждение. Я как раз запылилась еще на занятии. Заклятье конечно отчистило мантию, но ткань выглядела посеревшей, словно ею протерли пыльный пол. К сожалению, еще не придумали заклатье чистоты, превосходящего банальный мыльный щелок.

– Соскучился, Ботаник? – немедленно парировал Форстад.

Между тем старшекурсник выдрал из рук Тильды папку и швырнул в одну из неустойчивых стопок.

– Объясняю еще раз для опоздавших и непонятливых. Нужно рассортировывать по алфавиту и расставлять по номерам на стеллажи. – Он кивнул на нас с Илаем, распределяя обязанности:

– Вы двое! Ты вытираешь полки, ты расставляешь. Начинайте со второго яруса.

Невольно я перевела взгляд на ведро с водой и мокрую ветошь, свисающую с края.

– Привычная работенка? – тихо промурлыкал Форстад.

– Свали за грань, – огрызнулась я.

Он стянул мантию, оставшись в черных брюках и таком же черном свитере, как-то по-особенному ладно облегающем широкие плечи. Сразу видно, что подлец не гнушался тренировок. Конечно на фоне здоровяка Бади, у которого крепкие мускулы при любом движении натягивали ткань опрятной рубашки, он выглядел бледновато, но по сравнению с низкорослым субтильным Ботаником – проклятие! – Флеммингом казался внушительным.

Невольно я заметила, как замерли девчонки, когда придурок задрал рукава, открыв крепкие красивые предплечья. Тильда даже очки поправила. Видимо, чтобы получше разглядеть.

– Чего застыли? – рявкнул старшекурсник. – Хотите получить отработку за саботаж отработки? Божечки, такое тоже бывает?! Я немедленно принялась расстегивать мантию, но потом передумала. Белая блузка не заслужила испытание архивной пылью, а ученическую форму все равно придется стирать. Пусть послужит хозяйственным халатом, простите меня академические боги, если вы существуете.

Учебники пристроила на видное место – водился за мной грешок забывать вещи везде, где ни попадя. Подхватив тяжелое ведро, я взяла штурмом крутые деревянные ступеньки. Правда, на последней ноша едва не перевесила. Вода выплеснулась на мантию, моментально прилипшую к ноге.

– Да что б тебя! – выругалась сквозь зубы.

В проход между стеллажами и деревянным ограждением я забралась едва не на карачках.

Вообще после покорения, так сказать, лестничной вершины с тяжеленным ведром наперевес тянуло чуточку полежать на полу, но подняться и дотащить воду до нужного стеллажа все-таки пришлось.

Начать решила с верхних полок. На всякий случай проверила упоры на колесиках приставной лестницы, чтобы часом не откатиться, и с опаской начала подниматься, ощущая, как под ногами неприятно поскрипывают перекладыны. Утвердившись на вершине, почти под потолочными балками, я тяжело вздохнула. В последний раз стеллажи мыли в то время, когда... Короче, никогда.

Только начала, так сказать, превращаться из рейнсверского игуанодона в человека путем уничтожения пыли, как лестница подо мной истерично закачалась. От страха забыв взвизгнуть, я вцепилась в полку обеими руками и с ненавистью глянула вниз. С кипой папок в руках, запрокинув голову, мне скалился белообрый придурок, и я с трудом подавила позорное желание зажать широкий подол юбки между коленок. Надеюсь, он там не пялится.

– Поставишь? – спросил он, намекая на стопку.

– Прополощешь? – без колебаний я уронила на него грязную тряпку. К сожалению, в глумливую физиономию не попала – с меткостью у меня всегда имелись досадные проблемы, но ветошь живописно плюхнулась белообрису придурку на плечо и так красиво повисла, просто загляденье!

– Ты бессмертная что ли? – рявкнул Илай и с брезгливостью повел плечом, сбрасывая тряпку.
– Тогда сам расставляй папки, – отозвалась я и слезла с верхотуры, стараясь не думать, какой замечательный вид открывался снизу. Попыталась протиснуться к ведру между Форстадом и ограждением, но он даже с места не сдвинулся.

– Ты статуя? – буркнула я.

– Свитер постираешь, – спокойно заявил он.

– Тогда ты, может, мою мантию постираешь? – парировала я.

Мы работали молча, стараясь по возможности друг друга не задевать. Во всех отношениях. И если угроза скандала решилась гробовым молчанием да натужным сопением (моим), то избежать случайных неловких прикосновений в узком пространстве оказалось чрезвычайно сложно. Клянусь, я показывала волшебство телесной гибкости, лишь бы случайно не столкнуться с напарником. Вдруг захочется двинуть локтем ему под ребра? Потом выслушивать замучаешься.

Но все хорошее быстро заканчивается. Мирный совместный труд, призванный пробудить в нас сознательность, особенно в белобрысом придурке, тоже.

Я выжимала тряпку, когда Форстад очередной раз спустился с лестницы. Грязные брызги случайно попали ему на штаны.

– Извини, – по привычке сказала я, напрочь забыв, с кем имею дело.

– Брюки тоже постираешь, – спокойно объявил он.

– Давай тогда уж и туфли почищу! – в сердцах я швырнула тряпку ему на чистенькую туфлю их формованной кожи. Грязная ветошь плюхнулась на обувку, поди, сделанную в лучшей сапожной мастерской столицы, с замечательным чмокающим звуком. Это стоило проверить только ради того, чтобы увидеть, как белобрысого придурка перекосило.

Скрипнув зубами и пробормотав неразборчивое ругательство, он тряхнул ногой, пытаясь скинуть тряпку, но та дорогой обуви покидать не собиралась, прикипев к ней со всей невозможной страстью. Форстаду пришлось нагнуться. Клянусь, это была маленькая победа! Держа ветошь двумя пальцами и рассматривая меня немигающим злобным взглядом, он уронил ее обратно в ведро. Поднялся фонтан брызг. Я-то успела отскочить, только едва-едва испачкав краешек и без того изгвазданной мантии, а вот ему прилетело на туфлю, все еще остававшуюся чистой.

– Похоже, обувь тебе все-таки самому мыть, – немедленно прокомментировала я.

Он свалил обратно на нижний ярус, откуда доносился пронзительно громкий голос Тильды, а меня ждали средние полки. Честно говоря, даже думать не хотелось, насколько длинные хвосты и большие размеры у мышей, бегавших по этим стеллажам до генеральной уборки. Стараясь перебороть брезгливость, я смахнула тряпкой мусор и немедленно услышала вопль:

– Да ты, демоны дери, издеваешься!

Прижимая кипу папок одной рукой, другой – Форстад пытался смахнуть с заметно растрепанной шевелюры грязь. Пожалуй, теперь моя душенька была спокойна. Он, конечно, выглядел почище меня после взрыва конспекта, но, по крайней мере, я точно знала, что именно налипло тогда на волосы.

– Клянусь, я случайно.

– Случайно?! – в ярости задрал он голову и ловко подставил колено, когда чужие дипломные работы едва не посыпались на пол.

– Значит, тебя мне тоже надо постирать? – съехидничала я.

– Эден! Твою... Просто слезь оттуда, – он запнулся, глубоко вздохнул, видимо, пытаясь сдержать поток брани, но злость победила:

– И дай мне наконец поставить эти треклятые папки!

Вернее, он сказал вовсе не «треклятые», а кое-что покрепче, но в приличном обществе адепки, облагороженные генеральной уборкой архивов, такие слова не произносятся. Точно не в ученической мантии. Даже если она выглядит, как половая тряпка, а не сакральный наряд, в котором получаю академические знания.

– Божечки, зачем так орать? Можно просто попросить, – фальшиво охнула я и, спустившись, махнула рукой:

– Милости просим. Поклониться не надо?

Он смерил меня нарочито высокомерным взглядом, специально останавливаясь то на грязном пятне, украшавшем вымазанную одежду, то на кое-как завязанной лентой косе. Многозначительно изучил пыльные туфли и вдруг спросил:

– И что я хочу от провинциальной подавальщицы?

– Действительно, что может хотеть папенькин сынок с золотой ложкой во рту от подавальщицы, всю жизнь себя содержавшей, – протянула я, когда он уже начал подниматься к полке.

Форстад на мгновение замер и вдруг с такой яростью запихнул папки, что они посыпались на пол. Пришлось прижаться спиной к стеллажу, чтобы сверху не прихлопнуло чужой дипломной работой. И все равно прилетело. Острым углом по темечку, даже в глазах потемнело.

– Извини, – сверху бросил кретин. – Соскользнуло.

– Ты специально! – взвилась я, потирая ушибленное место.

– Руки совсем не слушаются, – ухмыльнулся он.

От злости я пнула лестницу. Та истерично затряслась, и сверху донесся сдавленный поток брани.

– Рехнулась?!

– Извини, нога соскользнула! Такая непослушная! – объявила я.

– Вы двое! – завопил снизу архивариус:

– Что у вас происходит?!

– Трудимся на благо империи! – отрапортовал Илай. Он ловко спрыгнул с лестницы, отряхнул руки, свитер и небрежно бросил:

– Приберись здесь. Я заплачу.

И вдруг стало очень-очень обидно! Честное слово, никогда не считала себя нежной фиалкой с тонкой душевной организацией, чтобы докопаться – надо постараться, но кретин как-то ловко умел находить болевые точки.

– Заплатишь? – тихо повторила я, мысленно представляя, как выплескиваю на него ведро грязной воды.

– Семь соримов хватит? Как раз методичку купишь.

Пока соображала, чем парировать, он, наступив на папку и оставив на обложке пыльный фигурный отпечаток, направился к лестнице на первый ярус.

– Столичная принцесса! – бросила я в сердцах.

Форстад резко остановился и оглянулся:

– Как ты меня назвала?

– Ну... приятно познакомиться, – с трудом сдержав ехидный смешок, развела я руками. – Почему-то думала, что ты только на имя отзывается, но, если настаиваешь, могу называть тебя Принцессой. К слову, тебе подходит.

– Эден... – с предупреждением проскрипел он.

– Это, конечно, ужасно странно, но, если тебе нравится...

– Смотрю, ты знаешь толк, как нажать себе врагов, – нехорошо усмехнулся он.

– А ты что, хотел подружиться?

Форстад просто ушел. Под его ногами завибрировал пол, проскрипели крутые ступеньки на деревянной лестнице, ведущей на нижний ярус. И вроде он оставил последнее слово за мной, а почему-то я чувствовала себя оплеванной. Даже шею как-то странно защемило.

Глава 2. Инструкция по доведению принцесс

Измученные и усталые, впятером мы стояли в гулком холле с высокими потолками и до конца не верили, что каторга в архиве закончилась. Вокруг царил вокзальный гвалт, туда-сюда шныряли адепты, заставляющие нас сжиматься кольцом. Вернее, Бади не двигался с места (да и попробуй его сдвинь), а остальные тихонечко теснились к нему. В воздухе носились наколдованные кем-то из старшекурсников светящиеся птицы. Они устроили бой, сыпля затухающими искрами слабеющей магии, и с балкона с массивными

балясинами неслись возбужденные выкрики. Неожиданно летунии испарились, голоса примолкли – похоже, игроков разогнал кто-то из преподавателей.

– Надо отнести свиток к Армасу, – напомнил Флемминг и тут же добавил:

– У меня через пять минут первое собрание в историческом клубе. А у вас?

А у нас ножки, ручки да лапки! У кого-то, правда, копытца, но он уже успел слинять, слава богам, и не светить своей физиономией в коллективе приличных людей.

Занятия на сегодня закончились и тащиться в преподавательскую башню на другом конце замка совершенно не хотелось. Это ж сколько коридоров и лестничных пролетов надо преодолеть? Я за последние три часа так напрыгалась вверх-вниз, туда-сюда, что мечтала вытянуть гудящие свинцовые ноги. Вытянуть, в смысле, не издохнуть, а просто передохнуть. Хотя – нет – издохнуть тоже неплохой вариант.

– Почему ты смотришь на меня? – немедленно ошетичилась Тильда на умника. – Если я в очках, то крайняя, что ли?

– Что ты привязалась со своими очками? Я вообще смотрел на Бади! – огрызнулся он, не желая связываться со скандалисткой.

Здоровяк, кажется, глухой к неожиданной разборке, стоял навтыжку, расставив ноги на ширине плеч и спрятав руки за спину. Как на построении, право слово.

– Тренировка, – коротко объявил он, давая понять, что поход в преподавательскую башню в его планы не входил.

– Когда? – уточнила Матильда, видимо, все еще пытаясь надавить Бади на совесть.

– Сейчас.

Спорить с серьезным накаченным парнем ростом почти шесть с половиной футов никто не решился. Меня в расчет тоже не брали. Подозреваю, что, сговариваясь, сошлись во мнении, что человек, полдня цапавшийся с Илаем Форстадом, недовспыхнувшей звездой Дартмурта, уже достаточно настрадался, чтобы идти на ковер к магистру-тирану. Или, может быть, у меня был такой измочаленный вид, что дураку становилось ясно – на этом самом ковре я способна разве что тихонечко лежать, но никак не стоять.

Но посмотрела бы я на вас после суток в почтовой карете, заполошного дня, почти бессонной ночи, а потом трехчасовой отработки из-за какого-то идиота, решившего, что взорвать конспект в лицо только из-за паршивого характера – отличная идея. Сама не понимаю, почему мысли всегда сворачивали к белокрысому придурку. Надо отомстить и выкинуть из головы!

– В таком случае, предлагаю отнести тому, кто забрал свиток, – немедленно нашел альтернативу Флемминг.

Невольно мы все оглянулись к миниатюрной девушке, выставленную Армасом за опоздание, которую, как выяснилось во время уборки, звали Марлис. Разумеется, выяснилось не само по себе. Тильда спросила напрямую, когда они дружно складывали в алфавитном порядке папки, а я драила грязные полки и откровенно ненавидела белокрысого придурка. В тишине архива громкий пронзительный голос однокурсницы, всегда говорившей с необъяснимой претензией, было слышно даже на втором ярусе.

Подписанный свиток кастелян отдал именно Марлис. Теперь она нервно мяла свернутую трубочку, скромно молчала, но, судя по всему, после опоздания появляться пред очи злобного тирана не горела особенным желанием, а заявить об этом вслух стеснялась.

– Все согласны? – воинственно подняла подбородок Тильда.

– Вы еще проголосуйте, – буркнула я и протянула руку:

– Давай отнесу... Кстати, куда идти?

К счастью, кабинет куратора находился на втором этаже преподавательской башни и забираться до самого чердака не пришлось. Перед дверь с табличкой, на которой золотыми буквами было выбито «магистр высшей магии В. Армас», я быстренько стянула замусоленную мантию, поправила выбившуюся из-за пояса юбки белую блузку и осторожно постучалась. Никакого ответа не последовало.

Оказалось, что за дверью скрывалась тесная приемная с пустующим столом. Судя по всему, у магистра имелся помощник, и успей я его застать, не пришлось бы идти на поклон лично к тирану. Какая досада!

На окне, невольно притягивая взгляд, развела ярко-фиолетовые зубастые головки рейнсверская мухоловка.

Выглядел плотоядный цветок здоровым и крепким: верхушку длинного мясистого стебля, длинным указующим перстом торчащего из гущи ловушек, усеивали мелкие пятнистые цветочки. Тетка Надин как-то попыталась завести пяток местных росянок, рассчитывая избавиться от надоедливых насекомых в обеденном зале таверны, но выпившие посетители вечно подливали в горшки имбирное пиво и «хищницы» издохли быстрее, чем переловили несметные полчища мух.

Коротко вздохнув, я едва слышно постучалась к магистру и немедленно заглянула в кабинет. Армас сидел за массивным письменным столом и, хмурясь, изучал какие-то бумаги. Он перевел на меня быстрый взгляд.

– Можно?

– Проходите, Эден. – Он снова вернулся к чтению.

Я бочком, очень неловко втянулась внутрь и замерла на пороге, быстрым взглядом окинула неожиданно старомодный кабинет. Мебель была громоздкой и строгой, словно бы вывезенной из особняка разоренных аристократов, хотя фамилия магистра непрозрачно намекала на скромное происхождение. На окнах висели бутыльно-зеленые портьеры, а на стене – многочисленные дипломы в золоченных рамках. В воздухе витал пряный запах высшей магии.

Преподавательская мантия висела на деревянной вешалке и отчего-то казалась инородной обстановке. Я тоже казалась ужасно инородной в этом кабинете, особенно с грязной ученической формой, перекинутой через локоть, и со стопкой учебников, прилично оттянувшей руки.

– Я принесла свиток от кастеляна, – произнесла тихо, стараясь не пялиться на куратора.

Не пялиться получалось плохо. Он сидел в белой рубашке из тонкого материала, обтягивающей плечи. Неформальная одежда совершенно не вязалась с образом строго преподавателя по сложнейшему предмету, зато подчеркивала, насколько В. Армас хорош собой. Хотя не спорю, может, у меня не очень притязательный вкус.

– Почему вы в гордом одиночестве? – не отрываясь от чтения, уточнил этот самый привлекательный мужчина менторским тоном. – Где остальные?

– У них заседание исторического клуба, – выпалила я первое, что пришло в голову. В конце концов это же почти правда. Ботаник точно отправился заседать на этом своем собрании умников, разбиравшихся в мироустройстве без методичек за семь соримов.

– У всех сразу? – спросил Армас и отложил бумаги.

Лучше бы он продолжал делать вид, что перед ним невидимка! Не пришлось бы переживать ехидный взгляд. В ответ у меня запылали щеки, уши, и наверняка на шее расцвели красные нервные пятна. Раньше, конечно, не страдала, но ведь все случается в первый раз. Отчего бы не перед магистром высшей магии?

– Ну... у всех, кроме Бади, – нашла я. – Он опаздывал на тренировку.

– А вас, выходит, не взяли?

– Я не увлекаюсь историей и не хожу на тренировки.

– А чем же вы увлекаетесь?

– Высшей магией, – не удержалась я.

– Ясно. – Магистр кивнул на стол, мол, положи грамоту и отчаливай, а сам снова взялся за бумаги, потеряв ко мне интерес.

Решив, что мне страшно повезло, я быстренько пристроила свиток на стопку книжек, но помятая бумажная трубочка, вдруг обретя подвижность, начала скатываться с края стола. Еде успела поймать! Выиграв бой с норовистой бумаженцией, с чувством выполненного долга я заторопилась смыться из кабинета.

– Адептка Эден, – вдруг донеслось в спину.

Я испуганно оглянулась.

– Считаете наказание несправедливым? – изогнул Армас одну бровь. Правую. На мой скромный взгляд, подобную мимику преподавателям, не впавшим в старческий маразм, вообще следовало запретить приказом ректора.

– Да! – неожиданно даже для себя высказала я и очумела от собственного нахальства. Кто меня вечно за язык тянет ей-богу?

– Значит, не понимаете, почему вы оказались за дверью? – Он откинулся в кресле. – Скоро у вас начнутся проверочные испытания в команде из шести человек. Вы же в курсе?

– Конечно, магистр.

Странный вопрос, честное слово. Разве найдется на факультете хранителей первогодка, не знающий о зачетных испытаниях в закрытых магических комнатах? Между собой adeпты называли их на новомодный эртонский манер «квестами» – «развлечением» в дословном переводе. Подозреваю, что это все-таки ирония. За невинные (да и не очень) игры из магических школ обычно не выгоняли! Притом настолько безжалостно, что к выпуску от потока, принятого на факультет, народу оставалось раз-два и обчелся.

– От командных испытаний зависит средний балл, – вычитывал куратор. – Другими словами, еще пять человек будут влиять на то, сумеете ли вы успешно закончить учебу. И если вы не готовы отвечать за ошибки людей рядом, то стоит задуматься о смене факультета и перейти на общую магию. Оттуда редко кого отчисляют.

Казалось, что он отвесил мне знатный подзатыльник, даже в ушах зазвенело.

– Это совершенно невозможно, магистр, – стараясь говорить ровно, не показывая, насколько задета, произнесла я, и во взгляде Армаса промелькнуло любопытство. – Там не преподают высшую магию.

На долю секунды показалось, что сейчас куратор улыбнется – уголки губ почти дрогнули, но он только сухо ответил:

– Хорошо. – И кивнул в сторону двери. – Вы свободны.

К рейнсверским демонам хорошее поведение! Уходить так с фанфарами! Для начала я не сдвинулась с места, хотя фанфары в голове уже трубили. Видимо, все-таки тревогу, а не победный клич.

– Мы закончили, – напомнил Армас.

– А разве вы не дадите материалы по сегодняшнему занятию? – нахально спросила я.

На некоторое время в кабинете повисла изумленная тишина. Думала, что он выставит меня взашей и даже глазом не моргнет, но куратор полез в верхний ящик и молча вытащил стопку исписанных листов. Не иначе как под впечатлением от ученического рвения потерял дар речи. Не сводя с меня ироничного взгляда, Армас небрежно бросил записи на стол, и волна взъерошенного воздуха снесла свиток кастеляна на пол. Поднимать я его не стала.

– А вы умеете вежливо просить, адептка Эден, – все-таки отвесил язвительный комментарий, когда со словами благодарности, едва не роняя учебники и мантию, я забрала стопку, и добавил:

– Завтра.

– Простите?

– Вернете завтра перед занятиями. Вместе с решениями задач.

А вы умеете вежливо поставить на место, магистр Армас...

– Как скажете, – в предчувствии бессонной ночи буркнула я.

–

Как скажете?

– насмешливо переспросил он, давая понять, что один из нас явно переборщил с дерзостью.

– А вы занимательная девушка, Аниса Эден.

– Как рейнсверская мухоловка? – вырвалось у меня.

– Идите, пока еще что-нибудь... не сказали, – ухмыльнулся магистр.

Оставалось чопорно кивнуть, развернуться и, задрав нос, гордо удалиться. Хотя стоило бы посмотреть под ноги, тогда бы не споткнулась на пороге, как последняя неловкая ослица. Странно, что ничего из рук не посыпалось.

Почерк у тирана оказался... тиранический. Иначе не скажешь! Он не писал, а путал строчки, закручивал мелкие литеры, покрывая ими ни в чем неповинные листы дорого бархатистой бумаги кипенно-белого цвета. А формулы! В неразберихе значков, щедро рассыпанных по страницам, не разобрался бы даже профессор, что говорить о вчерашней школьнице. И это меня учитель по чистописанию клеймил позором за то, что я левша? Да он просто никогда не держал в руках лекции магистра Армаса! Он точно пишет левой... ногой.

– Да демон тебя дерь, каллиграф рейнсверский! – выругалась я, запнувшись на очередном неразборчивом абзаце.

Самописное перо, само собой летающее по странице, послушно законспектировало длинное ругательство. Надо сказать, не самое крепкое из тех, что у меня вырвались. Вообще чернильные перья и грифельные карандаши, заговоренные заклинанием копирования, adeptам использовать запрещали, но я-то сидела не в лекционной и даже не в библиотеке, а в гомонящей столовой и диктовала лекцию, в промежутках пытаюсь запихнуть в себя кое-какую еду.

Кормили в академии паршивенько, особенно в сравнении со стряпней Бринни, поварахи в теткиной таверне. Лучше бы слопала булку с маслом и запила травяным напитком, по вкусу отдаленно напоминавшим кофе. Хотя пойлом я уже нахлебалась до ушей! Есть у меня дурацкая привычка запивать раздражение травяным чаем.

– Аниса, привет! – раздался где-то над головой пронзительный голос Матильды Юри, который, по-моему, было невозможно спутать ни с чьим другим. Я не донесла до рта вилку с насаженным кусочком вареного брокколи и подняла голову. Одетая в аккуратное платье с белым воротничком Тильда держала в руках поднос с едой, а позади нее переминалась с ноги на ногу тихоня Марлис.

– Привет, – ответила я. Самописное перо, встрепенувшись, моментально запачкало и без того необремененный аккуратностью конспект лишним словом. Пришлось хулиганку сжать в кулаке и потушить магию, пока она не принялась конспектировать столовский треп, вместо сложных формул высшей магии.

– Мы к тебе, – заявила Тильда и немедленно подставила поднос, словно не заметив, как я ловким жестом рыночного фокусника-афериста вытащила листы с лекцией. – Ты в курсе, что экзамены только в конце полугодия?

– Кажется, где-то такое упоминалось, – фыркнула я, аккуратно складывая конспект в стопку. Марлис осторожно присела рядом со мной, неслышно поставила поднос с едой.

– Приятного аппетита, – тихим голосом проговорила она.

– Он был бы приятнее, если бы здесь прилично готовили. Я уже подумываю сказать папочке, чтобы он не оплачивал питание на следующее полугодие. Буду есть в городской таверне, – заворчали Тильда и, сморщив нос, через очки внимательно присмотрелась к кусочку вареной морковки у себя на вилке. – А ты, Аниса?

– У меня стипендия.

Стипендия покрывала обучение, полный пансион и даже небольшое денежное довольствие, которое, к слову, быстренько отнимали, если средний балл опускался ниже четверки.

Приходилось есть, что давали, жить в той комнате, куда селили (подозреваю, раньше там был чулан) и тихо радоваться, а не капризно кривить физиономию.

– Ты, значит, из умников, – протянула Тильда и куда-то кивнула:

– Квинстад вон тоже.

Мы дружно оглянулись. Зал столовой представлял собой огромное помещение с оштукатуренными прямо по каменной кладке стены, массивными деревянными столпами-колоннами и с разновеликими столами. За одним из общих столов в большой компании, видимо, приятелей по историческому клубу, ужинал Ботаник. Поодаль в гордом одиночестве ел Бади-Качок. Он работал ложкой с хмурым упорством, не обращая внимания на царящий вокруг гвалт.

Ни одного белобрысого придурка отдельно или в компании замечено не было. Поди, с приятелями заседали в какой-нибудь из городских таверн и портили настроение очередной подавальщице. Надеюсь, им попадется непрошибаемая тетка и, не накормив, выставит придурков пинками на улицу.

– Как прошла встреча с Армасом? – наконец спросила Тильда. Подозреваю, что причиной, почему девчонки решили помешать мне переписывать высшую магию, крылась именно в походе к куратору. Видимо, заговорить с разбегу все-таки было неудобно.

– Он спросил, почему я появилась одна.

Соседки испуганно переглянулись.

– И что ты ответила? – потребовала рассказать Матильда.

– Что все ушли на собрание исторического клуба, – с ехидцей оповестила я. – Надеюсь, что вы любите историю магии.

– Угу, чуть больше физкультуры, – вздохнула Матильда. – Я тут навела справки об Армасе... В общем, он не человек, а зверь в человеческом облике. Говорят, если попадешь в опальный список, то проще сразу перевестись на общую магию. Жизни не даст!

Во мне немедленно разгорелось желание решить все задачи, написанные в конце лекции. Да так, чтобы придрататься оказалось не к чему.

– А мне он показался симпатичным, – вдруг произнесла Марлис, не поднимая взгляда от тарелки, будто за три секунды, что находилась в аудитории, действительно успела рассмотреть демона в преподавательской мантии.

Мы с Тильдой одарили тихоню одинаково возмущенными взглядами. Конечно, глупо спорить, куратор был необычайно хорош собой и дал бы фору любому красавчику-лицедею в королевском театре. Хоть портретную карточку под рамку зеркала засовывай и любуйся, пока глаза не заслезятся. Однако, если подумать, рейнсверская мухоловка тоже отличалась удивительным окрасом, притягивающим взгляд, и вызывала искреннее восхищение, но оставалась хищницей, безжалостно жрущей комариков. Подозреваю, что с таким плотоядным жильцом на подоконнике в кабинете магистра даже пыль боялась летать, не то что мухи.

– Посмотрим, как ты запоешь, когда он на следующем семинаре вызовет нас всех к доске и заставит тремя способами решать уравнения по разрушению, а потом еще демонстрацию прикажет устроить, – фыркнула Тильда и тут же поежилась:

– Ненавижу демонстрации. Для высшей магии у меня слишком неповоротливые пальцы.

– Он дает только два способа, – заметила я.

– Целых два?! – истерично взвизгнула Матильда. – Нам точно конец! Жизнь – боль! Надо думать, куда переводиться...

– Разве два не лучше трех? – не поняла я логики.

– Ну да... – она шмыгнула носом и поправила очки. – Кстати, откуда ты знаешь?

– Из лекции, – намекнула я на стопочку листиков, аккуратно сложенную на соседний стул. Чтобы, не дай боги, ни одна капля от томатного соуса не запятнала идеально белую бумагу. Умру же от позора, если буду возвращать записи, замаранные каким-нибудь жирным непотребством.

– У тебя есть сегодняшняя лекция? – Девчонки невольно навалились на стол, точно старались оказаться ко мне поближе. – Кто дал?

– Армас.

– Сам?! – завопила Тильда с такой громкостью, что парни за соседним столом принялись затравлено озираться, пытаясь отыскать источник пронзительного звука.

– Вроде того... – поморщилась я, не горя желанием рассказывать, как по личной инициативе, исключительно из желания что-то (сама не в курсе, что именно) доказать придирчивому магистру, попала в большую – как бы по приличней выразиться-то? – яму. А теперь пыталась оттуда безуспешно выбраться и собиралась предпринимать попытки до самого утра, пока не придет время вернуть записи.

– Перепишем вместе! – взмолилась Тильда.

– Расшифровывать умеешь? – вздохнула я.

Быстро закончив ужин, втроем мы отправились в зал для самостоятельных занятий. Он пустовал, что совершенно не удивляло. Только на столе дежурного была раскрыта толстая книга, и горела магическая лампа, но самого дежурного тоже не было. Мы почему-то долго выбирали место, хотя добротные столы, пережившие не одно поколение адептов, отличались разве что надписями, выжженными на деревянных столешницах.

Встряхнув шар с живыми светляками, я вернула его на подставку. Пробужденные магические мушки бились о стеклянные стенки, набирая яркость и силу, и пока лампа разгоралась, мы разложились. Одно лишь самописное перо я носила в напоясном кожаном кошелье, второй Тильда тихонечко стянула со стола дежурного. И в гробовом молчании мы склонились над преподавательскими записями. Пауза затянулась.

– Я почему-то решила, что слово «расшифровать» – это замысловатая фигура речи, – вздохнула она.

– Замысловатый здесь только почерк у Армаса, – фыркнула я.

– Приступим. – Приятельница закатала рукава коричневого платья, решительно отбросила за спину длинные косы, случайно заехав мне по носу, и объявила:

– Перепишем то, что ты уже переписала!

Кто бы сомневался, что все равно мучиться придется мне одной. Да еще проклятые задачки решать!

Мы трудились, не покладая рук. Вернее, руки были заняты у девчонок, скрупулезно переписывающих мои невнятные конспекты, а я, бубня себе под нос, диктовала лекцию самописному перу, шустренько егозвившему по бумаге.

Все равно дежурный в зале не появился, так кого стесняться?

– Аниса, вы с Форстадом вроде того... – Тильда многозначительно примолкла, хищно блеснули стеклышки очков.

– Вроде чего?

– Ну, того... – Она потерла между собой указательные пальцы, перепачканные чернилами, как у первоклашки. Видимо, жест имел особый сакраментальный смысл, но в наших восточных провинциях, знаете ли, предпочитали объясняться словами.

– Не поняла.

– Вы парочка?

– Мы? – с ужасом охнула я. – Со столичной принцессой?! Чур меня!

Еле сдержалась, чтобы не осенить себя божественным знамением. Вдруг накарают? Надо бы в библиотеке почитать какой-нибудь фолиант про изготовление амулетов от сглаза. Конечно, шаманство не признано официальной магической наукой, но, если дело касается белобрысого придурка, я готова и через левое плечо поплевать, и вокруг своей оси три раза обернуться, и даже по деревяшке постучать. Что там еще советуют делать от наговоров?

– Это хорошо... – она навалилась на стол, чтобы оказаться ко мне чуточку ближе, и громко зашептала:

– Он встречался с тремя девчонками из моей магической школы... Ну, вы понимаете, что я имею в виду?

– Нет, – отозвалась Марлис.

– Боги, откуда ты такая наивная? Прелюбодействовали они!

– Сейчас так никто не говорит, – фыркнула я.

– У меня каноническое воспитание, – отмахнулась Тильда и разъяснила для непонятливых:

– Спал он с ними. С тремя. Понимаете?

– Со всеми вместе? – охнула Марлис.

– Да нет. Отдельно. Иначе они не подрались бы в столовой. Одной даже клок волос выдрали.

– Бедняжки, – насмешливо отозвалась я.

– Но вы-то откуда друг друга знаете? – любопытствовала Тильда. – Не хочу обидеть, ты, конечно, симпатичная, но видно, что не из столицы.

– А ты умеешь хвалить людей, – хмыкнула я, решив, что разговор закончен, но девчонки смотрели с горящими любопытством глазами, пришлось ответить:

– Встретились случайно однажды. Не в столице.

От расспросов меня спасло заговоренное перо, которое услужливо записывало каждое сказанное слово. По листу тянулась длинная похожая на гусеницу строка. Она уже переметнулась на парту, где остались несколько чернильных закорючек.

– Проклятье! – ругнулась я.

Надпись потянулась к краю стола.

– Демон подери! Пр-р-ру, идиотка! Остановись ты! Стоп!

Восторженное перо, оставив для будущих поколений поток моего сознания, настороженно замерло в самый последний момент, уткнувшись острием в столешницу, и мелко затряслось.

– Аниса... – тихо, и это по-настоящему удивляло, позвала Тильда. – У меня тут закралось кое-какое сомнение. У Армаса в лекции ведь нет ругательств?

– А их вы тоже переписываете? – охнула я и сжала в кулаке немедленно встрепенувшееся перо. От прикосновения магия в нем на время задремала.

– Ну, сначала они были вообще-то в тему, но тут такое образное словцо попало...

– Пропусти, – сердито буркнула я.

– И следующее?

– Все! Пропускайте все, что не относится к высшей магии!

– Ладно, зачем так возмущаться? – резко развела она руками и немедленно снесла с подставки шар со светящимися мушками. Тот ослепительно вспыхнул.

Девчонки тарасили глаза, как совы в ясный полдень, а во мне совершенно неожиданно проснулся инстинкт подавальщицы, готовой подхватить все, что было уронено, лишь бы оно не разбилось. Знаете, тетка Надин, конечно, была мне родной, но за расколотые глиняные кружки

вычитала медяшки из жалования, как у работника, нанятого с улицы. С рвением, явно достойным лучшего применения, например, решения задач по «вышке», я попыталась поймать истерично мерцавший светильник... Но треклятый шар, разбрызгивая в разные стороны яркие лучи, словно упругий мяч, отскочил от подставленных ладоней и отпрыгнул на пол.

Дзинь!

Стекло категорично расколосось на равные половинки, светляки погасли, а в воздухе завился печальный жиденький дымок. Как тут промолчать? Я выразила отношение к шару одним емким словом, самым хлестким в богатом словаре ругательств из восточных долин, и потеряла глаза, чтобы погасить пляшущие звездочки.

Оцепенелые, с вытянутыми лицами подружки таращились на лекцию, словно узрели в ней нечто ужасное. Например, высшую магию. Но когда я глянула сама, желание ехидничать мгновенно пропало. Даже схватила лампу с соседнего стола, чтобы при свете проверить наверняка – не привиделось ли? Но нет, никаких галлюцинаций, хотя лучше бы случились именно они.

На верхнем листе, прорвав белую бумагу острым концом, поперек строчек Армаса, веско и крупно, выроненное перо вывело то самое залихватское ругательство, что сорвалось с моих уст. Оставалось неясным одно... Почему печатными буквами, демон дери высшую магию?! Чтобы магистр лучше рассмотрел?

Боясь открыть рот, я сжала в кулаке перо. Из-под пальцев брызнула вспышка. Магия, чувствительно ударив в ладонь, погасла. Теперь можно было схватиться за голову, но я разглядывала неприличное слово и не шевелилась. И ведь сама виновата! У кого-то все проблемы от большого ума, а у меня из-за длинного языка, который не удастся своевременно прикусить.

– Я знаю, как ее убрать, – Тильда указала пальцем на надпись.

– Как?

– Каучуковым ластиком.

– Чернила-то? – скептически изогнула я брови.

– К-хм... – глубокомысленно промычала та. На некоторое время мы погрузились в обоюдное молчание. – Тогда, может, используем заклятье, которым папочкин секретарь стирает суммы в учетных книгах? Только не думайте о папочке плохо. В нашем королевстве такие налоги, что проще убрать лишние циферки.

– Но ты ведь пробовала что-нибудь стирать? – осторожно уточнила я.

– Ну... мы же ничего не теряем, – невпопад проговорила она. – В крайнем случае, останется как есть.

С дурным предчувствием я следила, как она разминает пальцы, с самым серьезным видом укладывает ладонь на страницу и закатывает глаза. Вернее, прикрывает, но почему-то выглядело так, будто закатывает.

– Сотрись! – рявкнула Тильда на первородном магическом языке.

Брызнула вспышка, нас дружно ослепившая. И наступила испуганная тишина. Когда мы коллективно проморгались, то обнаружили, что надпись никуда не делась.

– Не получилось, – пробормотала колдунья. Она взяла страницу и приблизила к глазам, чтобы проверить получше. Видимо, надеясь, что какая-нибудь черточка побледнела.

– Что это? – с трудом шевеля языком, промычала я, узрев на втором листе нецензурное слово, нарисованное печатными буквами.

– Ой! – прокомментировала Тильда.

В животе вдруг стало по-сиротски холодно. Стараясь не впасть в панику, я схватила стопку и начала лихорадочно перебирать страницы. К сожалению, в панику впасть стоило! На каждом листе – демон меня дери! – точно издеваясь, литера в литеру отпечаталось ругательство.

– Все-таки не дается мне высшая магия... – пробормотала подружка, явно озадаченная результатом. – Я даже правильное слово в кои веки сказала.

Мне тоже хотелось что-нибудь сказать и много, но куда-то подевался дар речи.

– Ты ведь сможешь заговорить перо на почерк Армаса? – осторожно спросила она.

Я обреченно покачала головой.

– Мы перепишем набело, и ты отдашь ее без этой... кхм... позорной метки! – выдвинула

Тильда новый план, не включавшей магию. Разве что трудовую, когда корпишь над лекцией, не поднимая головы и не откладывая обычных, а не заговоренных перьев.

– Я точно попаду в опальный список, – угрюмо резюмировала я.
– Ну, на общей магии, говорят, легче учиться и квесты не заставляют проходить, – заметила Матильда, но под гнетом гневного взгляда оговорила:
– Да я так... к слову. Поделит лекцию на части?
– Ой, девочки, я вспомнила, что у меня дела, – тихонечко поднялась из-за стола Марлис, аккуратно стуча стопочкой своих листиков с опрятными записями. – Я побежала, да? Мы не нашли чем возразить. Она же не сыпала ругательствами на весь зал и не пыталась криво колдовать. По идее расплачиваться не должна, но все равно как-то обидно. А как же командный дух? Где женская солидарность?
– Ну, пока.
– Слабачка, – презрительно буркнула Матильда, провожая девчонку презрительным взглядом. Через час стало ясно, что новая подружка тоже не сильна командным духом. Вернее, может, и сильна, но безудержный сон не позволял его проявить. Сначала она широко зевала, потом терла глаза, сдвигая очки, и в конечном итоге принялась клевать носом. Когда голова оказалась тяжелее желания поддержать товарища по несчастью, особенно учитывая, что немалая часть этого самого «несчастья» лежала и на ее совести, Тильда бухнулась лбом в стол. Раздался глухой стук. Думала проснется, но не тут-то было! Она счастливо всхрапнула.
– Матильда, – позвала я, мечтая следом за подружкой улечься на стол и сладко подремать хотя бы полчаса. Если бы не боялась проспять всю ночь напролет, любовно прижимаясь щекой к лекции Армаса, так и поступила бы.
– Я не сплю! – Тильда резко выпрямилась, поправила скособоженные очки и, подвывая, широко зевнула.
– Иди, – отослала я подружку, с трудом сдерживая ответный зев.
– А ты?
– Допишу сама.

В общем, с командным духом у нас всех имелись явные проблемы. Я осталась корпеть над копией в гордом одиночестве. Время незаметно приближалось к одиннадцати вечера, а в полночь жилое крыло закрывали. Пришлось поторопиться, чтобы не остаться ночевать в продуваемом всеми замковыми сквозняками зале. Страницы лекции радовали глаз потрясающей воображение кривизной и неопрятностью. К последнему второпях решенному уравнению меня окончательно покинуло желание доказывать магистру необъятную любовь к высшей магии, тем более, что я сама уже не была в ней уверена.

В жилое крыло влетела за десять минут до того, как смотритель запер двери. Комнатки в общежитии были маленькими, в них едва-едва помещался минимум мебели, зато селили по одному, что с лихвой, по моему мнению, оккупало тесноту. Не надо ни под кого подстраиваться, смиряться с чужими привычками, например, разбрасывать вещи, или до хрипоты в голосе делить полки в стенной нише, заменявшей в комнатах шкаф.

Из-за тетки-скупердяйки, не захотевшей оплатить билет подороже, я появилась в академии перед самым началом занятий, когда этаж уже заселили, и оказалась сосланной в конец коридора, в дальнюю каморку за поворотом (и это не фигура речи). Не комната, а обитель для отшельника, ей-богу! Наверняка еще в прошлом году здесь находился хозяйственный чулан. Рядом с дверью не было светильника, а на самой двери – номера. Смотритель, конечно, пообещал позаботиться, но пока из стены удручающе торчал пустой крюк, а каморка оставалась неподсчитанной, словно новую жилищку мысленно относили в общественному инвентарю. Не удивлюсь, если каким-нибудь ясным утречком придут с кастеляном и попытаются меня посчитать, как метлу или тумбочку.

На женской половине было безлюдно. Тетка Надин, считавшая общежитие рассадником разврата, упала бы в обморок от разочарования. Она предполагала, что народ в академии не спал сутками и устраивал безудержные гулянки, наплевав на правила, а тут такая благопристойная тишина, достойная пансиона благородных девиц! Даже слышно, как в купальне из плохо завернутого крана в каменную раковину звонко капала вода.

Я пересекла длинный коридор и, широко, до хуста в челюсти зевая, завернула в свой темный угол. Первое, что бросилось в глаза – нет, не долгожданный светильник, – висящая на дверной ручке матерчатая торба. На проверку оказалось, что внутри лежали небрежно свернутые черные

брюки и свитер Илая Форстада. Белобрысый придурок действительно предлагал постирать ему одежду! Хорошо туфли не запихнул.

– Да ты шутишь, принцесса! – не веря собственным глазам, пробормотала я.

Если он хотел поиздеваться, то, надеюсь, в полной мере осознал, что никогда не вернет вещи целенькими, а только по частям. В лучшем случае. Одежду можно было сжечь, а если станет лень искать место для ритуального костра, то отдать привратнику. Крепко пьющему мужичку явно не помешает парочка дорогих шмоток, и вряд ли его смутит некоторая запыленность подарка. Или испортить заклятьем клейкости! Белобрысый придурок натянет штанишки, а обратно – только отдирает кусками. Глядишь, кое-какие лоскуты пристанут к телу намертво. Замечательно-пакостная магия! Когда еще появится повод испытать в деле?

В общем от открывшихся перспектив голова шла кругом и, чего следовало ожидать, случился паралич фантазии. Решив, что завтра на свежую голову подумаю, как распорядиться щедро предоставленной возможностью, я ввалилась в комнату. Дверь ребром стукнулась об открытый дорожный сундук, по-прежнему перегораживающий проход. За два суматошных дня после приезда у меня не хватило времени нормально разложиться. Разве что учебники расставила на полке в стенной нише, но книги, в отличие от одежды, я всегда причисляла к разряду святого. Желание завалиться на кровать победило трудовой запал на полпути к магической лампе на широком подоконнике. Вещи прекрасно полежат в сундуке до завтра (благословите, боги, того, кто придумал расселять адептов в отдельные комнаты). Не зажигая свет, я пристроила папку на полку в стенной нише и бухнулась на жесткую узкую койку. Снимала туфли и отстегивала от пояса кожаный кошель уже с закрытыми глазами. Последняя мысль, посетившая меня прежде, чем сознание накрыл сон, что надо бы сходить в купальню. Или хотя бы стянуть платье...

Под дверью кто-то шуршал и очень подозрительно скребся. Несмотря на нечеловеческую усталость, шорохи меня разбудили. Комната была погружена в темноту – ни скупой луны, ни проблеска фонаря за окном, только тонкая яркая полоска света под дверью. Я приподнялась на кровати и прислушалась, но в коридоре наступила зловещая тишина. Может, конечно, измученный совестью и бессонницей смотритель далеко за полночь надумал повесить обещанную лампу, но здравый смысл подсказывал, что мне следовало придержать буйную фантазию. Вряд ли он знал значение слова «совесть» и бессонницей не мучился, а наслаждался в компании какой-нибудь дивной настойки собственного изготовления.

В тишине тревожно звякнул о каменный пол выбитый из замочной скважины ключ. Я резко села на кровати и замерла от неожиданности. Божечки, не как вломиться решили?!

На церемонии принятия в адепты народ шептался, что старшекурсники обязательно устраивали первогодками какие-нибудь каверзы. Не то чтобы я всерьез думала, будто какой-нибудь кретин доберется до закутка, но мало ли... Наплевав на запрет огораживать комнаты магией, я наложила на ручку звуковое проклятие. Если бы кто-нибудь попытался проникнуть в каморку, то женский визг, достойный Матильды Юри, поднял бы на ноги половину жилого крыла. Ночь прошла спокойно, я утратила бдительность и забыла опечататься, а голубчики явились не запылились разыгрывать. Даже обидно!

Судя по звукам, с другой стороны двери топталось не «мало ли», а очень даже «много ли». Я сидела на кровати и напряженно слушала, решая, как поступить. Конечно, пока оно не предпринимало активных попыток сломать замок, пусть бы и топталось. Я не жадная, а закуток все-таки общий. Не хотят спать – знамя академии им в руки, перо в зад и попутный ветер в спину. Пока не шумят, пусть живут. Но сохранять тишину, как предписывали хороший тон, правила проживания в общежитии и инстинкт самосохранения, ночные гости не планировали.

– Там темно, как в могиле, – объявили снаружи, ничегошеньки не рассмотрев в замочную скважину.

– А что ты хотел? – не таясь, ответили ему. – Это же обитель тьмы!

Терпение лопнуло! В потемках я нащупала ногами обувь и кое-как натянула, сначала перепутав левую и правую туфлю. Только разобралась с неразберихой и сделала шаг к двери, как по ее центру, обозначив ровный большой круг, пробежала яркая искра. Мгновением позже появилась сквозная ровная дыра со светящимися краями. Из коридора, подсвечивая лампой, с суеверным страхом и одинаково вытянутыми лицами на меня вытаращились четверо парней. Некоторое время, обалдевшие от неожиданной встречи, мы молчали. Кому-то следовало начать диалог.

– Так, – глубококомысленно произнесла я и уперла руки в бока.

– Мать моя женщина, она шевелиться! – тоненько взвизгнул квартет и дружно отпрянул от двери.

– А вы здесь неподвижное тело рассчитывали обнаружить? – сквозь зубы процедила я. – Зачем дверь испортили, бесстрашные?

– Ты кто? – мелко моргая, спросил у меня один.

– Ведьма темной башни, блин! – рявкнула я. – Мне интересно, кто вы?

– Мы братья, – проскулил он, но смущенно покосился на парней и исправился:

– Ну... будущие братья.

– Ох, будущие братья? – издевательски протянула я. – Это, конечно, многое объясняет!

Я вдруг почувствовала почти непреодолимое желание кого-нибудь укокошить. Просто так, ради разрядки после тяжелого дня и профилактики мужского идиотизма у некоторых представителей этого рода, сейчас тарашившихся сквозь дыру в моей двери! Да они вообще в курсе, какой штраф прописан в правилах за порчу общежитского имущества?!

– И что вам надо в моей комнате, будущие братья? – все пуще злилась я.

Парни переглянулись. Один громким шепотом спросил у приятелей:

– Я что-то не пойму, это загадка? Мы должны кодовое слово сказать, чтобы она дала новое задание?

Божечки, что эти странные люди ели на ужин, если так задорно бредят? Не зря мне гарнир показался странным на вкус. Хорошо, что не налегала! Сейчас бы тоже поймала какую-нибудь забавную галлюцинацию, начала бродить по коридорам и нести бред под чужими дверьми.

– Ведьма, может, уже дашь подсказку? – Тот, что был поплечистее остальных, посмел сунуться поближе к дыре. – Честное слово, мы за последние два часа всю общагу облазили, пока поняли, где находится эта твоя темная башня с ключом от дверей братства.

– Какое еще братство, юродивый? – тихо переспросила я. Похоже, с разгадками головоломок у парней имелись большие проблемы. Не знаю, куда они рассчитывали на самом деле добраться, но в какой-то момент что-то пошло не так и путь свернул. А где-то их ждет ключ и страдает.

– Мужское братство «Хранители академии», само собой, – осмелев, поддакнул второй, самый мелкий из квартета.

– Само собой, – согласилась вкрадчиво.

Видимо, что-то в моем тоне подсказало, что ведьма темной башни настолько раздражена, что сейчас начнет сыпать проклятиями. Мало никому не покажется. Возможно даже самой ведьме, а дверь уж точно не устоит...

– Ты нам просто скажи, что делать, и мы пойдем, а то от ваших ребусов уже тошнит, – пообещал здоровяк, видимо, выступавший в компашке за главного.

Я была готова послать будущих братьев куда подальше, в смысле, дальше лазать по замку и искать подсказки, но от пришедшей в голову идеи, едва не подпрыгнула на месте.

– Задание без ребусов, значит? Ладно.

– Правда? – оживились парни.

– Ага. Один момент.

С недоумением они следили, как я просовываю в дыру матерчатую торбу с одеждой.

– Там лежат штаны и свитер. Повесьте их вместо академического знамени.

– На центральной площади? – испугались претенденты в братья. – Как?

– Ну, извернитесь как-нибудь. Задание не я придумывала, – соврала, не дернув глазом. – И, кстати, на брюках напишите «штанишки столичной принцессы». Все ясно? Тогда действуйте.

Удачи, будущие братья!

– Нет, ясно-то конечно все, но чем написать? – последовал очередной вопрос с заметной ноткой истерики.

– Слушайте, это квест! Я вам вообще все должна рассказывать? Краску белую найдите в обители художественного монстра, – на ходу сочинила я.

– Что еще за обитель? – толкнул один «брат» другого локтем в бок.

– Да в чулане на шестом этаже смотритель побелку хранит, – пробормотал тот в ответ.

– А магией можно? – спросил тихонечко самый молчаливый. Видимо из квартета он лучше всех колдовал.

– Да хоть высшей! – фыркнула я.

– Спасибо тебе, ведьма темной башни, – благодарно кивнул здоровяк, заглядывая в сумку.

– Не за что, – махнула я рукой. – И кусок двери мне верните. Иначе прокляну.

– Чем? – испугался один из парней.

– Штрафом от зрителя.

Под моим придирчивым взглядом по краю круга пробежала искра, и из воздуха соткалась исчезнувшая часть двери. Комната вновь погрузилась в темноту. Наступил долгожданный покой.

– Божечки, цирк свернули, а клоунов забрать забыли... – покачала я головой и начала стягивать платье. Раз уж все равно разбудили изверги, так неплохо бы переодеться в теплую ночную сорочку, а то к середине ночи комната заметно остыла. Недолго с утра проснуться не только разбитой, но и бесповоротно простуженной.

Неожиданно раздался осторожный стук. Я замерла на секунду, а потом с молниеносной скоростью начала натягивать платье обратно. Естественно волосы зацепились за пуговицы, а дорожный сундук подло подставил окованный угол под коленку.

– Ведьма темной башни, ты здесь? – жалобно позвали из коридора.

Нет, проклятье! На метле в другую академию улетела!

– Да что вам еще?! – взвыла я, не понимая, что сделать первым: распутать волосы или потереть ушибленную ногу.

– Мы тут с парнями... в смысле, братьями посоветовались. И это... может, флажок на полигоне для состязаний подойдет?

Да какая разница? Главное, чтобы штанишки столичной принцессы красиво реяли на ветру.

Хотя, если будут просто уныло свисать, как грязная тряпка, меня тоже вполне устроит.

– Благословляю! – прикрикнула и добавила едва слышно:

– Демон вас всех раздери.

Утро пришло поразительно быстро, отвратительно рано и выдалось неприятно дождливым. В комнате царили грязно-серые сумерки, по оконному стеклу змеились дорожки воды, и на подоконник натекли холодные лужицы. С наступлением дурной погоды в замке враз похолодало. В купальне, где стоял запах тяжелой влажности, и вовсе хотелось закутаться в одеяло.

Закрывшись к кабинке, я досчитала до десяти, шустро скинула одежду и привесила на гвоздик. Охалка немедленно упала на каменный пол. Пришлось, сжав зубы, привесить заново. И так три раза. Почти утренняя зарядка для ленивых, зато почти согрелась. Справившись с непослушными шмотками, я повернула кран, готовая к водопаду, но из лейки в стене потек скудный ручеек воды, назвать горячей которую можно было с большой натяжкой, скорее бодрящей. Она придавала мытью задорной проворности и начисто выбивала из сознания остатки дремы. Наскоро вытершись, я натянула на влажное тело платье. От холода зуб на зуб не попадал.

Общежитие еще досматривало последние сны. Без спешки я постирала мантию и кое-какую одежду, повесила на перекладины в сушильный шкаф с поддоном на дне и круглыми отверстиями в деревянных стенках, через которые с помощью магии дул горячий воздух. Вообще, для адептов в хозяйственном крыле имелась прачечная, но она стоила четверть сорима за стирку, а денег у меня было в обрез. Да и обслуживать себя я была приучена с детства. У тетки Надин особенно не забалуешься! Хочешь кашу, а не остатки вчерашнего жирного рагу из таверны – свари, желаешь опрятное платье – постирай и погладь.

Когда в младшей школе у нас начались уроки по бытовой магии, первым делом я освоила заклятье немнущейся ткани. По какой-то мне совершенно непонятной причине его считают несерьезным и детским, но оно нечеловечески облегчает взрослую жизнь! По сей день активно пользуюсь и при случае всем советую.

Пока я разбиралась с вещами и сушила полотенцем волосы, этаж начал неохотно просыпаться. В коридоре за скрипели двери, в купальню потянулись сонные девицы разной степени растрепанности и ооченелости.

– Они обязаны пробудить в стенах живое тепло! Иначе мы все переселимся в лечебницу, – ворчала одна, зябко ежась перед каменной раковиной и пальчиком проверяя воду, текущую из крана – не обмораживает ли.

– Ага, жди! – недовольно отозвалась другая. – Забыла, что в прошлом году дотянули до первых заморозков?

Купальню заполнял народ. Я вытащила из шкафа охапку еще сыроватой одежды, подхватила неприятно звякающую корзинку с косметическими флакончиками и ретировалась в комнату, немедленно превращенную в сушильную.

До начала занятий доставалось достаточно времени, но на поклон к Армасу решила идти после завтрака, чтобы не портить аппетит. Всегда считала, что переживать даже десять минут нестерпимого позора, которые меня, без сомнений, ждали в кабинете магистра, лучше на сытый желудок. Иначе отобьет аппетит этой своей невыносимой иронией, и я начну давиться куском булки, рыдая в похлебку.

Крепко прижимая к груди папку с лекцией, в самом мрачном настроении я спускалась по лестнице в холл. От мысленной проникновенной речи, отчего записи магистра обрели свежий вид, меня отвлекло шумное столпотворение между этажами. Народ теснился возле большого окна и над чем-то откровенно потешался.

– Что происходит? – остановила я парня, выбравшегося из толкучки.

– Штаны пытаются снять, – хмыкнул он.

Штаны?! Батюшки, «братья» действительно сумели выполнить задание ведьмы из темной башни? О-бал-деть!

Встав на цыпочки, я попыталась разглядеть, что там, в окне, происходит. Из него открывался прекрасный вид на учебный полигон, представлявший собой огороженную просторную площадку с полосой препятствий и размякшей от дождя глинистой дорожкой для бега. На вершине длинного флагштока сурово, словно раздвоенный указатель, торчали одеревеневшие черные брюки. На каждой штанине ярко светились нанесенные побелкой и зачарованные магией надписи:

«Штанишки принцессы»

С чувством юмора у будущих «братьев» явно был полный порядок!

Под флагштоком, поскальзываясь в грязи, вытанцовывали кастелян и незнакомый преподаватель, одетые в непромокаемые плащи. Они задирали головы, поспешно поправляли капюшоны и, определенно, оба бесились. Скорее всего, громко, но нам было не слышно. Понятия не имею, как парни приделали штаны, но те сдаваться и спустаться вниз не торопились.

Кастелян схватился за шест и принялся его истерично трясти. Штанишки болтались туда-сюда, но позиций не сдавали, по-прежнему окаменело, являя миру издевательскую надпись. Жестом преподаватель отодвинул старика в сторону, сам отошел на шаг и сложил руки. Между ладоней засветился голубоватый шар... Хозяинственный принял что-то высказывать, поди, пытался отговорить напарника от запуска боевого заклятья во флагшток, но маг оказался непреклонен. Видимо, он настроился на решительную борьбу со штанами.

– Спорим на сорим, что как всегда промахнется, – начали делать ставки ребята рядом.

Шар сорвался с преподавательских ладоней и, подобно молнии, разгоня влажную завесу, вонзился в цель. Раскоряченные брюки охватило синее пламя и в мгновение ока они превратились в черный пепел, немедленно прибитый дождем к земле.

– Ничего себе, Косоглазый попал! – закудахтали парни. Ладно, кому я вру? Они сыпали издевательскими шуточками, в которых печатными были только междометья и предлоги, но со вчерашнего вечера я дала строгий зарок не произносить даже детских ругательств, поэтому не хочу передавать непередаваемое.

В общем, месть белобрысому придурку свершилась! Даже в самых смелых фантазиях я не придумала бы столь издевательской кончины штанов. Мало что они торжественно светились вместо флага на радость всей академии, еще подверглись казни через сожжение. А мне даже палец о палец не пришлось ударить! Надеюсь, что Форстад стоял в толпе возле какого-нибудь другого окна, следил, как одежда превращается в пепел, и пускал скупую мужскую слезу, пусть у столичных принцесс ничего мужского-то и не имелось. Ну, кроме того отличительного признака, которым природа по ошибке их награждает.

А напарники между тем недоуменно таращились наверх, прикладывая ко лбам ладони, чтобы дождь не заливал в глаза, и словно бы молились дождливому низкому небу...

Только они развернулись, чтобы с видом усталых победителей спрятаться под крышей, как флагшток без предупредительного покачивания сам собой плашмя рухнул на землю, подняв фонтан грязных брызг. Под издевательский гогот адептов незадачливые напарники бросились обратно восстанавливать шест, несущий гордость академии. В смысле, флаг.

Досматривать, чем закончилось дело, я не стала. Наверняка теперь по всему замку начнут искать вандалов, подвесивших штаны, но сомневаюсь, чтобы братья академического общества выдавали своих. Скорее всего, дело быстренько замнут, поставят новый флагшток, а свежее знамя заколдуют, чтобы ни одна адептская сволочь не покушалась на святое, и не заставляла основателей Дартмурта переворачиваться в гробах.

В столовой, как и следовало ожидать, царило нехарактерное для раннего завтрака оживление. Адепты вовсю обсуждали инцидент со флагштоком. Над головами, оставляя золотистый магический след, мельтешили крошечные бумажные птички – записки.

– Аниса! – громко позвала меня Матильда, когда я замерла с подносом в руках, пытаясь найти свободное место. Она сидела за столом в углу зала и махала мне рукой.

– Тебя искал Форстад, – прозвучало торжественное объявление, стоило устроиться напротив подружки.

– Меня? – изобразила я фальшивое удивление. – Зачем?

Тильда, конечно, не догадывалась, что мы со столичной принцессой вели непримиримую тайную войну, и затараторила этим своим пронзительным голосом:

– Может, лекцию по вышке хотел? Влетел в столовую и такой мрачно: «Где она?!» Я пока пыталась понять, кто «она», развернулся и ушел. – Девушка кивнула в сторону каменной арки в коридор:

– Вы с ним в дверях разминулись. Кстати, ты это... лекцию дописала?

– Ага, дописала, – приподнятое настроение при мысли о магистре Армасе моментально ухнуло ближе к уровню подземелья.

– Хочешь, я с тобой схожу? – осторожно предложила Тильда, хотя по лицу было видно, что она лучше заберется на флагшток под дождем и изобразит знамя Дартмурта, чем с утра пораньше явится в логово тирана.

Поймать болтушку на слове я не успела – перед лицом запорхала бумажная птичка, рассыпая с крыльев золотую пыльцу, на мгновение зависла перед носом и плюхнулась в тарелку с кашей. Осторожно двумя пальцами я вытащила записку и покрутила головой, пытаясь понять, не ошибся ли кто-нибудь с адресатом. Кому надо отправлять мне послание? Может, конечно, Форстад решил вызвать на разговор?

Мудрено сложенное послание удалось развернуть не сразу, пару раз надорвав.

«Происками конкурентов мы перепутали этажи и провалили квест, но штаны принцессы нас спасли! Мир и покой темной башне, ведьма!»

Едва успела прочитать, как чернила побледнели и строчки испарились. В руках остался бесполезный клочок, хоть вместо салфетки используй. Я поймала себя на том, что ухмыляюсь. Похоже, с магией у братьев, как и с юмором, тоже был полный порядок. Таких в мужское общество надо отдира́ть с руками и ногами, без Форстадовских штанов на полигоне.

– Кто пишет? – Матильда с разочарованием обнаружила, что на стол легла пустая бумажка.

– Да так.

Я принялась есть вязкую кашу, приправленную маслом и медом. На вкус было отвратительно. На пятой ложке запал кончился, а волнение все-таки победило. Бесполезно оттягивать неизбежные минуты унижения, лекцию все равно придется возвращать.

– Ты со мной идешь к Армасу? – поднялась я из-за стола.

– Иду-иду... – нервно пробормотала Тильда. – Только в уборную сбегаю.

Зачем ей резко понадобилось в дамскую комнату я предпочла не узнавать и махнула рукой:

– Ладно, завтракай.

– Расскажи потом, как все прошло! – крикнула она мне в спину.

С замирающим сердцем я робко постучалась в дверь с именной табличкой и заглянула в приемную. За секретарским столом сидел худой бледный парень с натянутыми до локтей черными нарукавниками и с измученным видом перематывал полоской перевязочной ленты палец. Последний из десяти, который еще оставался не перемотанным. Похоже, хищная рейнсверская мухоловка, разевающая игольчатые пасти, лопала не только комариков, но и изредка пыталась закусить бедным помощником, однако двуногая добыча пока ей была не по зубам. Какое счастье, что плотоядные цветы просто сидели в горшках и не умели передвигаться. Бр-р! Как представляю, поежиться хочется.

– Доброе утро, – тихо позвала я.

– Угу, доброе, – буркнул он.

Пальцы у бедняги, похоже, болели, и он жаждал кого-нибудь с утречка пораньше покусать, как рейнсверский травяной хищник. В переносном смысле, конечно. Впрочем, я так сильно нервничала, что отдалась бы на растерзание без особого сопротивления, лишь бы к Армасу не ходить.

А что? Уважительная причина, почему лекции не вернулись: в приемной посыльную загрыз преподавательский помощник! Задорно звучит. Может, даже в академическом газетном листке напечатают.

– Я тут лекции магистру принесла.

Боги, как же хотелось надеяться, что Армас еще не появился, но подручный кивнул:

– Он у себя.

– Ага...

– Только постучись, – проворчал он и начал с большим аппетитом, словно не завтракал, пытаться зубами отодрать нитку, торчащую на перевязанном большом пальце.

Постучалась. Дождалась, когда в кабинете прозвучит приглушенный голос Армаса:

– Войдите.

Приоткрыв дверь, я неслышно проникла в кабинет. На столе горела магическая лампа, мягкий желтоватый свет деликатно озарял документы и раскрытые фолианты. Магистр, как всегда, что-то быстро писал, сверяясь с книгой, а в воздухе, неспешно и важно, вращалась полупрозрачная сфера, внутри которой поблескивал странный знак, напоминавший лабиринт. В жизни ничего подобного не видела! Точно высшая магия, без преувеличений. Мне до такой еще лет десять, а то и больше, учиться.

– Я хотела вернуть лекцию, – голос прозвучал ужасно слабо и даже жалобно.

Армас мазнул по мне пустым холодным взглядом, словно не мог вспомнить ни меня, ни лекцию, о которой шла речь.

– Хорошо.

Все! Пришел час расплаты!

– Магистр Армас, вчера, когда я работала с материалом... кхм... эм-м...

Я вдруг поймала себя на том, что, как маленькая, ковыряю носом туфли паркетный пол и, мысленно ужаснувшись, моментально замерла.

– В общем, произошел один неприятный инцидент! – вздохнула я. В этом месте следовало начать исповедь, полную боли, страданий и моральных метаний, но от нервов в голове варилась вязкая каша похлеще той, чем кормили на завтрак, и прочувственная речь забылась.

– Ясно, – сухо отозвался магистр.

– Мне пришлось чуточку поработать над вашими записями.

– Я понял, – в тоне Армаса прозвучало раздражение. – Все?

– Да! Совершенно точно все! – встрепелась я, быстро оставила папку на столе и, больше не произнеся ни слова, слиняла из кабинета.

Божечки, надо же быть такой непонятливой! Он же занят и плевать хотел с хозяйственной башни Дартмурта на ученические грехи адептов. Может, мне вообще повезет, и магистр не развяжет ленты папки до следующего учебного года, когда на пытки ему дадут новых первогодок?

С Илаем Форстадом мы встретились в коридоре: заприметили друг друга издали и начали неуклонно сближаться. Должна признать, что выглядел он неплохо, особенно для человека, пережившего казнь собственных штанов. Лощеный, одетый по последней столичной моде, одна рука в кармане, волосы забраны под тонкий ободок. На фоне белобрысого придурка любая

девушка из восточных долин выглядела простушкой, даже дочь губернатора, а она, между прочим, тоже не пальцем рисована – в Эртонии училась. По слухам, за счет королевской казны. Эпохальное столкновение, если верить латунной табличке на двери, произошло напротив кабинета философии. Спорим, сейчас все решили, будто мы замерли на расстоянии трех шагов, окатили друг друга тяжелыми взглядами и немедленно назначили магическую дуэль во второй половине дня. Прямо тут же, у всех на виду. Да ничего подобного!

Я вообще не собиралась останавливаться и терять время на разъяренных принцесс

. С чего бы? До начала занятий надо было успеть зайти в общежитие за мантией и учебниками. В отличие от сыновей высокопоставленных магов, стипендиаткам из простых смертных опозданий не прощают. Фамилия Эден уже венчала опальный список Армаса, не хватало разозлить профессора по истории королевства. Два черных списка в первую учебную декаду – это лишку! Но Форстад серьезно надумал поругаться и преградил дорогу, притворившись передвижным штaketником. Шагнула вправо – он переместился вправо, попыталась обойти его слева – немедленно передвинулся влево. Этаким смешной танец маленьких утят. И нет, мы не крякали.

– Что? – потеряла терпение я.

– Попалась, – тихо произнес он.

– Да я и не убегала.

– А стоило бы, – отозвался Илай и совершил немыслимую вещь: крепко сжал мое запястье. Из-под его пальцев брызнула вспышка света от невидимого знака Дартмурта на руке.

– Ты берега не попутал, ушибленный?! – от удивления я забыла, что надо отдавать нахалу каблуком туфлю, чтобы в следующий раз хорошо подумал, прежде чем бесцеремонно хватать девушек и тревожить магические метки.

– Выйдем, – коротко объявил он.

– Куда? – вырвался у меня смешок. – В окно?

– Только после тебя!

Он ловко завел меня в аудиторию по философии – большой светлый зал с преподавательской кафедрой, восходящими рядами деревянных столов и длинными занавесями на окнах. Со стен на нас с неммым укором смотрели портреты магов, придумавших и записавших законы мироустройства. И теперь Форстад действительно замер в трех шагах, словно намеревался бросить вызов на магическую дуэль.

– Полагаешь, что это забавно? – вкрадчиво спросил он.

– То, что ты затащил меня в пустую аудиторию? – Я нарочито обвела просторное помещение выразительным взглядом. – Ну, так себе шутка.

– Не делай вид, что не понимаешь, – мягко, от чего стало чуточку не по себе, улыбнулся он. – Ты повесила их на флагшток?

– Боюсь уточнять, но под «их» что именно ты имеешь в виду?

– Брюки.

– Так это были твои брюки?! – фальшиво охнула я. – С ума сойти, как они там оказались?

– Не знаю, как ты это провернула, – словно не услышав меня, обманчиво-вкрадчивым голосом проговорил Форстад, – но все утро пытаюсь понять: бешусь или восхищаюсь.

– Ты меня, что ли, обвиняешь? Исходя из чего?

С мрачной усмешкой, нарочито глядя себе под ноги, Илай начал приближаться. Один шаг, второй. Расстояние между нами сузилось настолько, что я могла почувствовать едва заметный цитрусовый запах одеколона. Мужчины часто проворачивали подобный финт – пытались испугать девушку за счет физического превосходства. Форстад действительно превосходил меня ростом, весом и, подозреваю, силой магии, но меня звали бы не Анисой Эден, если бы я попятилась. Он поднял голову и посмотрел мне в лицо.

– Как у тебя с памятью, провинция?

– С утра не жаловалась, – кивнула я.

– Значит, сумку на двери должна помнить.

– Но сумку не припомню, – изобразила я искреннее недоумение. – Ты уверен, что не ошибся дверью? Просто понимаешь... оставить сумку с одеждой, одну, посреди общаги? Да ты рискованный парень. Надеюсь, в карманах денег не было?

– В ней еще лежал свитер, – напомнил он.

– Ты весь гардероб, что ли, в сумку запихнул?

Он усмехнулся:

– А у тебя железные нервы, провинция.

– Нервы обычные, – дернула я плечом. – И у меня назрел вопрос...

Копируя противника, я сделала к нему шаг и практически уткнулась в грудь. Форстад стоял, как монолитная стена, не шелохнувшись.

– Ты, выходит, перепутал мою комнату с прачечной и отбортывал грязные тряпки?

– Я не путал, – спокойно опроверг он.

– Ты точно бессмертный!

Вообще, это была ужасно занимательная игра, в жизни так не развлекалась! Мы оба знали, что штаны оказались на погребальном костре с моей подачи, но доказать Илай ничего не мог, а я признаваться не планировала. Разве что в помутнении рассудка или под действием запрещенного зелья правды, но вряд ли принцесса решит пойти на преступление только ради того, чтобы доказать виновность раздражающей девицы.

Некоторое время он молчал, рассматривал меня сверху-вниз, а потом тихо произнес:

– Не в моих правилах воевать с девушками, провинция, или грозить им...

– Так не грози, – дернула я плечом. – Зачем поступаться жизненными принципами ради подавальщицы из трапезной таверны?

– Как же ты меня бесишь! – пробормотал он, словно не верил, что попал в нелепую ситуацию, когда не сумел прижать к стене девчонку. Фигурально выражаясь, конечно.

– Ты меня тоже! И что? – фыркнула я. – Слушай, Форстад, странный у нас разговор выходит: ни о чем. Может, давай закончим и разбежимся, а то скоро занятия начинаются, а мне еще в общагу надо завернуть. Ну что? До встречи на лекции по истории.

Я хлопнула его по плечу, сделав вид, будто не заметила, каким тяжелым, почти осязаемым взглядом он проследил за моей рукой, и как на его холемом, по-особенному выразительном лице столь же выразительно заходили желваки. В общем, на реакцию любо-дорого посмотреть.

– Целую, принцесса! – мило улыбнулась я и, прежде чем Илай успел ответить, улизнула из аудитории.

Народу в коридоре прибавилось. Адепты уже облачились в мантии, вооружились учебниками и торопились в нужные аудитории. Боясь опоздать к началу лекции, я прибавила скорости.

Сбежала по лестнице в главный холл замка, но тут услышала, как меня окликнули:

– Эден!

С ума сойти! Неужели я заслужила честь зваться по имени? Невольно оглянулась и обнаружила Форстада буквально в нескольких шагах.

– Что еще?

Все случилось быстро и сумбурно. Он налетел, сжал мое лицо большими теплыми ладонями.

– Привет, – пробормотал он с шальной улыбкой.

В голову пришла мысль, что пора волноваться, но ничего предпринять я уже не успела. Форстад меня поцеловал на глазах у целой толпы адептов! Быстро, жестко, с открытыми глазами.

Кто-то одобрительно засвистел. С балкона рукоплескали два придурковатых приятеля Илая, с которыми у нас совпадали занятия по высшей магии.

– Ты что творишь?! – оттолкнула я его

– Возвращаю поцелуй. – На губах парня играла подлая усмешка, но в глазах плескалась ярость.

– Тебе явно не мешает подучиться, – процедила я и, стараясь его задеть, с показной безразличностью вытерла горячие губы ладонью. Правда, рука предательски дрожала.

– Я просто не старался, – отозвался он.

Народ оборачивался с веселым любопытством, а в нашу сторону прорывался возмущенный кастелян, вопя, мол, молодежь совсем приличий не знает, превратили академию в публичный дом с цирком шапито на заднем дворе: то штаны вешают на флагшток, то лобзаются посреди холла. Только опасность, что меня вместо учебной аудитории опять будет ждать пыльный архив, спасло Форстада от магической драки.

Смирив желание вцепиться в нахальную физиономию, я развернулась к Илаю спиной и начала поспешно удаляться к переходу в жилое крыло. Смотреть по сторонам было стыдно – таранилась в пол, словно ужасно заинтересовалась расцветкой плиток. В горле стоял горький комок, на глазах закипали злые слезы. Я старалась дышать через нос и даже краем взлохмаченного сознания удивлялась, почему из ноздрей не идет пар, будто у взбешенного рейнсверского дракона. Как вышло, что самый первый в моей жизни поцелуй с женщиной достался не принцу на белом крылатом коне, а белокрысому придурку без коня и крыльев, но с огромным самомнением? Ненавижу!

Глава 3. Синдром ведьмы

Дни стояли теплые и сухие. Небо над академией было чистым, высоким, а солнце ласковым. Осень щедрыми мазками раскрашивала окрестности в золотистые, багровые, красноватые оттенки – глаза разбегались от буйства красок. Ветер гонял по главной площади Дартмурта опавшие листья, а преподаватель по боевой магии Гариф гонял по полигону нас. Нещадно, без жалости.

Пока мы носились, словно взбесившиеся пони, магистр стоял в сторонке и для остротки перебрасывал из руки в руку пульсар, словно безбидный мяч. Один раз энергетический шар выпал и завис в воздухе на уровне пояса. Гариф отшатнулся, всего на секунду прикрыв причинное место, но тут же сжал пульсар ладонями и потушил. Он огляделся, проверяя, не заметил ли кто оплошности и немедленно сорвал злость на сублимном Ботанике, которого невзлюбил с первого занятия и шпынял по любому поводу:

– Квинстад, не ковылять, а бегать! Или нужен стимул?

Шар он потушил, но вполне мог метнуть какую-нибудь молнию, и мы с девочками, не сговариваясь, прибавили скорости, хотя лично у меня горело в груди, в висках стучала кровь, а перед глазами темнело. За две учебные декады я пробежала миль больше, чем за всю жизнь. Всегда предпочитала по улицам ходить, а не носиться с выпученными глазами и не испытывала по этому поводу никаких комплексов. А тут – каждый третий день тренировки с обязательной отработкой бега по кругу. Готова поспорить, расписание составлял тиран Армас, горящий идеей естественного отбора адептов-первогодок.

– Одно радует, – прохрипела Тильда, – если я издохну на полигоне, папочка засудит и Косоглазого, и академию.

– Эден, Юри и ты, третья, как там тебя зовут! – Магистр всегда забывал имена миниатюрных девушек, Марлис в том числе. – Вдыхаем через нос, выдыхаем через рот! Слышите? Выдыхаем, а не треплемся! Берите пример с Бади. Вон как красиво бежит!

Молчун Джер Бади был способен по полтора часа гонять по полигону, не сбавляя темпа, и даже не запыхаться. Но он поступил в академию по направлению из училища боевых магов! Может они ежедневно совершали марш-броски по пересеченной местности?

– Последний круг! – соизволил остановить коллективные мучения Гариф и тут же выкрикнул:

– Форстад, прибавляй! Не позорь знаменитую фамилию!

Думаю, не стоит упоминать, что «представитель знаменитой фамилии» ходил у магистра в любимчиках и никогда не рисковал получить энергетическим шаром в зад.

Когда мы втроем пересекли невидимую финишную линию возле магистра, он рывкнул:

– Не смейте сразу приземлять задницы! Полкруга шагом – восстанавливать дыхание!

Полкруга мы не осилили, прошли пару десятков шагов и рухнули на островке жесткой желтеющей травы, чудом выжившей посреди полигона.

– Когда боевую магию переведут в факультативы, то обязательно от нее откажусь! – простонала Матильда. – Если раньше не помру.

– Меня с собой возьми, – с трудом проговорила я.

– Помирать?

– Отказываться! Официально заявляю, что ненавижу тренироваться!

Смертельно хотелось пить, но подниматься на трясущиеся от усталости ноги и ковылять к фонтанчикам, расположенным у ворот полигона, сил не было.

– Хотя кое-что в боевой магии мне, конечно, нравится, – протянула Тильда.

– Что в ней может нравиться? – не поняла я, и подруга кивнула куда-то в сторону.

Собравшиеся возле «водопоя» парни устроили коллективное купание.

– Снимающий рубашку Качок, – мечтательно вздохнула Тильда, когда Бади, одним резким движением стянув рубашку, щедро продемонстрировал скульптурное натренированное тело с блеснувшим на груди, под сердцем, знаком боевого мага.

– Осторожно! – в притворном ужасе воскликнула я.

– Что? – испугалась подруга.

– У тебя очки запотели.

– Поэтому тебя все называют Ведьмой! – беззлобно огрызнулась Тильда. – Добрее надо относиться к слабостям ближних.

– Да я сама доброта! – возмутилась я.

– Ага, когда спишь за опечатанной снаружи дверью. – Она резко поднялась, отряхнула штаны от сухих травинки и спросила у Марлис:

– Пойдешь со мной попить?

Тихоня, отчего-то беспрекословно подчинявшаяся нашей очкастой подружке с неизменными двумя косичками, послушно поднялась. Я почти решила найти силы и поползти к фонтанчикам, но в ту же сторону, на ходу стягивая через голову рубашку, прогарцевал Форстад, а следом за ним, словно королевские телохранители, бодрой рысцой последовали два придурковатых приятеля.

Не хватало еще наблюдать, как он светит бледными тощими телесами. Ладно, может, далеко не тощими, а весьма подтянутыми, с тонко намеченными кубиками в том месте, где они должны быть у парней, но все равно бледными! И нет, я вовсе не следила за аристократическим белокрысым придурком, презирающим загар. Больно надо! Просто он смел попадаться мне на глаза.

После того как на три
очень

долгих дня он превратил меня в главную сплетню академической столовой, мы друг друга подчеркнуто игнорировали. Безусловно, распылять на белокрысого придурка фантазию и энергию было слишком, но если я не отомщу, то буду даже в старости досадовать.

– Вставать неохота, – моментально отказалась я.

Подружки сбежали, а мне оставалось проследить, как бедняга Флемминг Квинстад, к которому намертво приклеилось прозвище Ботаник, как ко мне – Ведьма, на последнем издыхании под издевательские комментарии магистра заканчивал финальный круг. На самом деле, он погибал на беговой дорожке с целой компанией приятелей по историческому клубу, но другие «бегуны» нездорового интереса у преподавателя не вызывали.

Когда пытка разминкой окончательно завершилась, криками и угрозами магистр собрал народ. Расставив ноги на ширину плеч и сложив руки за спиной, он объявил:

– На сегодня мы закончили отработку бега по кругу! Поздравляю!

– Спасибо вам, добрые боги, – на выдохе пробормотала Тильда.

– И начинаем отработку защиты и нападения! – бодро добавил Гариф.

– Боги, как я люблю бег по кругу, – простонала она.

– Юри! – ткнул он пальцем в сторону Матильды. – Ты идешь в пару к Бади!

– Спасибо, боги! – едва слышно, но с восторгом поблагодарила подружка высшие силы за привлекательного партнера и немедленно протиснулась сквозь струсившихся адептов поближе к Качку.

– Эден с Остадом. – Он указал на одного из приятелей белокрысого придурка, будущий партнер скривился, словно в рот залетела горькая муха.

– Магистр Гариф, почему именно меня с Ведьмой?

– Боишься оказаться на лопатках? – рявкнул тот.

– Она вроде как... девчонка.

Простите,
вроде
как?! Вообще, магистр не делал различий между девицами и парнями, гонял всех
одинаково нещадно. Недовольный тем, что кто-то посмел оспорить его решение, он сузил
глаза и нехорошо улыбнулся:

– Господин аристократ, а я для вас достойный партнер?

Парень замялся, неуверенно глянул на приятелей и пожал плечами. Самоубийца! Поверьте на
слово, магистр заслуженно носил прозвище Косоглазый.

– Эден – к Форстаду, – бабахнул приказ. – Не переживай, он тебя не зашибет.

Мы обменялись мрачными взглядами. Честное слово, очень сильно сомневаюсь!

– Смотрим все сюда! – когда пары были поделены, махнул рукой Гариф. – Показываю один раз.
Он резко вытянул руку с раскрытой ладонью, и в грудь Остада влетела заметная даже
невооруженным глазом волна воздуха. Оторопевший от внезапной атаки парень еще пытался
вернуть дыхание, когда оказался стремительно переброшенным через преподавательское плечо
и грохнулся на вытопанную лысую землю. Судя по скорченной болезненной мине, приложили
его порядочно.

В прошлый раз Гариф демонстрировал приемы защиты на Ботанике, раз за разом выпуская в
жертву сшибавшие с ног магические тычки. Если бы в ажитации магистр случайно не смел с
забора ворону, со страшным карканьем отлетевшую к окну ректора и живописно
распластавшуюся по цветному витражу, то Флемминг уползал бы с полигона на карачках, но
занятие пришлось свернуть. Жаль, преподавателей не заставляли отрабатывать провинности у
кастеляна, а было бы забавно посмотреть на Гарифа, махающего метелкой на главной
академической площади. Пожалуй, веселее, чем следить, как он сжигает кое-чьи штаны.

– Всем ясно? Приступаем! – прозвучал приказ.

Форстад стоял в расслабленной позе, сунув руки в карманы, и поглядывал на меня то ли с
затаенной жалостью, то ли с откровенным высокомерием – по его противной роже прочесть не
выходило.

– Дамы вперед. – Он махнул головой, убирая с глаз длинную белобрысую челку, выбившуюся
из того, что, наверное, можно было назвать «дулечка из волосенок на растрепанной
головушке».

Не произнося ни слова, я сделала резкий выпад рукой, заставляя воздух оттолкнуться от
раскрытой ладони, словно тяжелый шар. Удар пришелся в живот, Форстад от неожиданности
охнул и пошатнулся:

– Полегче, Эден.

Я ловко подскочила к нему, схватила за руку, прижалась спиной к груди, чтобы опрокинуть, как
завещал великий и ужасный магистр Гариф, и... ничего. Белобрысый придурок оказался
настолько придурковат, что послушно перекидываться через хрупкое девичье плечико не
пожелал. Стараясь не замечать ни жара, идущего от его крепкого тела, ни мускусного,
исключительно мужского запаха, я сжала зубы и дернула еще разок.

– Никак? – хмыкнул он над самым ухом.

Та-дам! Сначала я оказалась к нему лицом к лицу, вернее, как всегда, носом к кадыку, а
секундой позже была подло опрокинута. Полетела назад, толком ничего не соображая! За
мгновение до оглушительного падения Форстад ловко перехватил меня за руки, заставил
застыть в воздухе и оценить унижительность позы, а потом театральным жестом опустил.

Валялась я на земле и тихо его ненавидела, хотя хотелось ненавидеть громко и очень цветисто.

– Помочь подняться? – склонился он с глумливой ухмылкой.

– Спасибо, – нежно улыбнулась я.

– Надо же, ты все-таки не разучилась говорить, – съехидничал он.

– Это плохая новость. – Я намертво вцепилась в любезно протянутую ладонь и выпустила
магический разряд. Сильный, обжигающий, чтобы Форстад перестал ерничать.

Не ожидавший поистине ведьмовской хитрости, противник болезненно сморщился. Мне,
конечно, пришлось вывернуться и прилично потянуть поясницу, но он оказался отброшенным
на лопатки. Тяжело дыша, я оседлала его и с победным рыком (сама не знала, что умею) сжала
запястья, из-под пальцев вырвался свет от возмущенного знака Дартмурта, потревоженного
моим прикосновением... И вдруг запоздало пришло осознание, что вообще-то он не

сопротивлялся. Пока меня разрывало от гнева, паршивый придурок расслабленно валялся на земле, как на перинке, и издевательски ржал! Единорог недоделанный!

– Привыкла быть сверху, Эден?

– Свали за грань! – рявкнула я.

Кувырок. И он уже вдавливал меня в пыль, крепко стискивая коленями, чтобы не пинаясь.

Какая – к собачим демонам – боевая магия? Я была готова его покусать!

Сопя, выкручивалась, пыталась освободиться, но тщетно – Форстад был тяжелее и брал физическим превосходством. Заломил руки за голову, чтобы не царапалась, склонился низко-низко: кончики светлых волос почти щекотали мое лицо. Отлично! Как сейчас цапну за аристократический нос!

– Ты проиграла, – улыбнулся он и одним гибким движением поднялся. Пока я сгребала себя с земли и вставала, ощущая каждую мышцу, как древняя старуха, он спокойно отряхнул штаны от налипшего мусора и с нарочито любезным видом предложил:

– Попробуешь еще раз?

– Конечно, – отозвалась я и без пауз, не давая ему оценить обстановку, со всей возможной силой пихнула в его сторону мощную волну воздуха. Удар попал в грудь, заставил насмешливого противника закашляться. Я проворно подскочила и сделала идеально красивый бросок через плечо, в котором немедленно что-то хрустнуло (надеюсь, не кости). Илай распластался на лопатках и изумленно уставился на меня снизу-вверх.

– Превосходно, Эден! – раздалась похвала магистра. – Я-то думал, вы так и будете обжиматься. Форстад, как лежится? Земля на задницу не давит?

Сомнение ему давит! На мозг.

– Готов продолжить? – вежливо спросила я, склонившись к поверженному противнику. – Или нужно к лекарю?

– Ведьма! – почти восхищенно усмехнулся он.

– Придурок.

Дружеский обмен «любезностями» остановил переливчатый сигнал, который ненавязчиво разлетелся по полигону и оповестил о завершении занятия.

Но победу под звучащие в голове фанфары я праздновала не долго. Ближе к вечеру стало ясно, что к лекарю надо бы мне самой. Плечо, не выдержавшее веса Форстада, нешуточно разболелось. Мысленно проклиная ненавистную боевую магию, вместо столовой, где меня уже поджидали занявшие столик девчонки, я поплелась к лекарю.

В лазарете оказалось неожиданнолюдно. Раздраженная сестра милосердия, в съехавшем на затылок чепце, пыталась выставить в коридор взволнованных старшекурсников:

– Господа алхимики, покиньте помещение!

Господа алхимики стояли стеной и позволяли прорваться к лекарю. Видимо, судьба приятеля их ужасно волновала. Тут сестра заметила меня, скромно трущуюся возле каменной побеленной стены, и немедленно спросила, видимо, воспользовавшись шансом спастись от навязчивых посетителей:

– А у вас что?

– У меня плечо, – немедленно выступила я вперед.

– Боевая магия? – выказала женщина поразительную осведомленность. – Идем!

Она вела меня по длинному коридору, сочно пахнущему валериановым корнем и притирками от боли, и беспрестанно ворчала:

– Наварят на своих атанорах всякой гадости, налагаются все вместе... Каждый божий день кого-нибудь под локотки приводят, а потом ходят проверять – не издох ли? Отчислять таких надо! Так ведь нет, декан застывает. Говорит, алхимики учатся на своих ошибках. А нам что делать? У этого, который на ошибке сейчас поучился, половину лица перекосило, и язык почернел...

Я мудро помалкивала, давая сестре выплеснуть раздражение, и скромно семенила рядышком, но мысленно решила, что когда-то ее выперли с факультета алхимии Дартмурта. Она против желания поступила в лекарское училище, а теперь ненавидела всех алхимиков разом, даже если бедняги из любви к науке и алкоголю (никаких сомнений, что в продегустированном эликсире он имелся) страдали в лазарете.

– Ждите здесь, – сестра указала на раскрытую дверь. – Господин лекарь сейчас подойдет.

Поблагодарив, я вошла в тесную палату с четырьмя узкими койками, разделенными пологам из длинных белых простыней. Все занавески, кроме скрывавшей кровать возле стены, были аккуратно подвязаны полосами перевязочной ткани. Видимо, с палате лежал пациент. Стараясь его не потревожить, я тихонечко присела на одну из коек со сложенным постельным бельем в изножье и принялась ждать лекаря.

В глухой тишине было слышно, как в коридоре что-то разбилось. Мимо открытой двери на костылях проковылял бледный тип с перебинтованной ногой. Неожиданно за занавеской раздались подозрительные звуки, точно кто-то возился на койке. И этот кто-то явно не переворачивался с бока на бок! Прозвучал смачный чмок, а следом тихий болезненный стон. – Ой, котик, – прозвучал манерный девичий голосок. – Очень болит?

У меня поползли на лоб брови. Невольно я оглянулась через плечо к расправленному пологу. Между тем скрытая от посторонних глаз кровать подозрительно скрипнула, прозвучало сдавленное женское хихиканье. Божечки, как они на узкой койке-то поместились, и еще никто не впечатал пятую точку в каменный пол?

Никогда не относилась к сторонникам теории, что нежные лобзания и страстные притирания исцеляют любые хвори. Лечиться надо травяными настояками, аптекарскими порошками и алхимическими эликсирами, точка.

– А до общаги потерпеть вера не позволяет? – громко проговорила я, давая понять, что в палате вообще-толюдно и имеются свидетели оживляющих – к-хм – телесных манипуляций.

Товарищи за занавеской явно подобное убеждение не разделяли, но немедленно притихли. Видимо, осознавать, что кто-то невольно подслушивает процесс «исцеления» было неприятно. Хотя, конечно, вряд ли.

– Догугуша, что у вас случилось? – вошел в комнату невысокий лекарь с глазами неестественного бирюзового цвета, характерного для всех отмеченных даром исцеления магов. На макушке блестела задорная лысина, обрамленная густыми седыми волосами, словно ромашковая середка в белых лепестках, а интеллигентная картавость немедленно вызывала симпатию.

– Плечо повредила, – выдавила я измученную улыбку, стараясь не думать о тех двоих за пологом.

– Какое счастье, что вы всего лишь с плечом, а не с выпитым эликсиром от наших недоученных алхимиков, – проворковал лекарь, демонстрируя весьма специфическое чувство юмора.

Пока он сетовал, что магистр Гариф сегодня как-то по-особенному злобствовал, я распутала завязки на блузке и спустила широкий ворот с травмированного плеча. Прохладные пальцы лекаря быстро ощутили ноющий сустав. Неожиданно глаза эскулапа вспыхнули зеленоватым светом, делая его похожим на рейнсверского демона-крикуна, и у меня по коже пробежали колечие магические искры. Глубокая ноющая боль отступила.

– Пошевелите гукой, – попросил лекарь.

Послушно подняла руку, повела плечом, не испытывая ни малейшего дискомфорта.

– Очень хогошо, – кивнул он. – Ночью будете спать спокойно, но ушиб поболит и пгидется погастигаться снадобьем. Я вам выпишу освобождение от боевой магии на половину декады, а птитигку возьмете у сестгы.

– Благодарю, господин лекарь.

Он отошел от меня и со словами: «Как ваши гебга, молодой человек?» – резко отодвинул занавеску, скрывающую страстную парочку. Невольно я оглянулась. На узком матрасе возлежал растрепанный Форстад с перевязанным торсом, а в его бок испуганно втискивалась взлохмаченная блондинка в задранном до коленок платье.

И даже не знаю, почему наличие в лазарете белобрысого придурка в обнимку с подружкой меня вообще не удивило, но в душе шевельнулось какое-то незнакомое, но ужасно неприятное чувство, как будто коготком царапнули.

– Похоже, с гебгами у вас полный порядок, как и со всем, что ниже, – не без ехидства заключил лекарь. – На что жалуется девушка?

На отсутствие шепетильности!

Я издевательски фыркнула и, на ходу завязывая ворот блузы, вышла в коридор.

– Господин лекарь, я всего лишь пришла проведать друга, – раздался неуверенный манерный голосок блондинки.

– Вижу, что успешно, – насмешливо отозвался тот.

Покинуть лечебницу быстрее сладкой парочки не удалось – сестра милосердия велела ждать, пока она напишет свиток с освобождением. Пока я послушно подпирала стену, Илая отпустили с миром. Вернее, с подружкой в помятом платье. При виде меня, она вцепилась в локоть белобрысого тонкими пальчиками с розовыми коготками – к-хм – ноготками, словно боялась сверзиться на пол. Не иначе как от счастья.

К слову, я упоминала, что после того злосчастного поцелуя абсолютно все считали, будто столичная принцесса меня бросил? Даже Матильда! С дружескими откровенностями у меня всегда было туго, но пришлось себя пересилить и рассказать историю от начала до конца. Подозреваю, она все равно посчитала, что я лукавлю или замалчиваю пикантные подробности, но над аферой с брюками хохотала долго и громко. На всю библиотеку. Нас чуть не выставили из читального зала за нарушение порядка.

Некоторое время в обоюдном суровом молчании мы дружно дожидались появления сестры милосердия. Форстад изредка морщился и не замечал, как инстинктивно потирал грудь. Вряд ли он пришлопал бы в лазарет, да еще с группой поддержки, если бы нормально дышал после моей фееричной победы в поединке. Я хотела снизить и спросить, насколько у него помяты ребра, но только открыла рот, как болонка – ой! – блондинка презрительно тявкнула – боги! – фыркнула:

– На что уставилась?

Почему люди вечно на корню подрубают светлые порывы быть милой? невозможно пропустить выпад и не припомнить давнюю историю с плохо закончившими подружками Форстада. В смысле, закончившими непотребной потасовкой посреди школьной столовой. Когда новое трио «возлюбленных» устроит бой посреди академии, а он случится непременно, например, в главном холле, adeпты наверняка организуют тотализатор. Хотелось бы с уверенностью знать, на кого ставить. Глядишь, денег на методичку подзаработаю.

– Волосы у тебя красивые, – вздохнула я. – Скажи, очень крепкие?

Она испуганно провела ладошкой по взлохмаченной шевелюре, попыталась содрать съехавшую на ухо заколку с драгоценными камнями, но, запутав застежку, огрызнулась:

– Нормальные!

– Ну, ладно, как скажешь.

Богатый опыт работы в тетушкиной таверне доказывал, в искусстве говорить гадости самое главное вовремя остановиться и красиво раствориться в тумане или юркнуть за спину сурового вышибалы, иначе можно нарваться на драку. Но если в лазарете наколдовать туман, то недолго до конца полугодия поселиться в архиве и все свободное время расставлять в алфавитном порядке папки, а когда они закончатся, пойти на второй круг. Да и здоровяка, готового меня защитить от взбешенной болонки, в смысле, блондинки, тоже не имелось, а жертву с травмированным плечом она наверняка легко покусает. Желающие выдрать ей хвост легко найдутся и без меня! Не сейчас и не завтра, но позже наверняка.

В общем, в кои веки я прикусила язык и представила, что губы защищены, но в подружке Форстада вдруг заснул инстинкт самосохранения.

– И знаешь... – в мирной тишине неожиданно выпалила она, – завидуй в сторонке молча!

– Да я в своей сторонке не завидую, а соболезную, – отпарировала больше по инерции, чем от желания поцапаться.

– Котик... – сдавленно всхлипнула девица. Божечки, столичный театр на Каменной отдыхает, а его владелец рыдает горячими слезами!

– Эден... – с многозначительной интонацией встрял в «разговор двух девочек» Илай. Согласно, глупо в первую декаду отношений, когда притяжение сильно, а лобзания горячи, позволять кому-то, особенно фальшивой бывшей, обижать новую подружку – еще пригодится для приятных глупостей.

– А? – мило улыбнулась я.

– Не будь ведьмой.

– Слушаюсь и повинуюсь, ваше высочество. – Хотела для пущего артистизма поклониться, но наконец вынесли мое освобождение и флакончик с согревающей растиркой, на пробке которого

была прицеплена бумажка с указаниями по правильному использованию. Начиналась она с пункта: «Наружное средство! Запрещено к употреблению внутрь даже алхимикам!» Я не растворилась в тумане, а просто ушла из лазарета, но очень вовремя – сердитая помощница лекаря принялась чихвостить озабоченную парочку.

Когда я добралась до столовой, ужин подходил к концу, и народу оставалось немного. Стойка раздачи, разоренная оравой голодных адептов, разнообразием уже не радовала. Многие емкости, сохранявшие еду теплой с помощью магии, опустели, а парочка чанов и вовсе демонстрировала выскобленные днища. Даже пригорелости отчистили, рейнсверские троглодиты! Особенно умилял пяток надкусанных пирожков с неопознанной начинкой на большом медном блюде. Не знаю, кто из ребят жил по принципу «не съем, так надкусаю», но хотелось из вредности пожелать, чтобы начинка ему не пошла впрок. Нетронутой осталась рыбная похлебка, но, как показывал опыт, если кастрюля не была хотя бы ополовинена, то лучше побережись и не снимать пробу.

Девчонки дожидались меня за нашим обычным столом, и неожиданно выяснилось, что они набрали мне полный поднос еды.

– Решили позаботиться об умирающей подруге? – удивилась я, присаживаясь.

– Для умирающей у тебя слишком довольный вид. – Тильда строго сощурилась сквозь стеклышки круглых очков:

– Признавайся, тебе дали освобождение от боевой магии?

– На половину декады, – помахала я свитком и предусмотрительно умолчала о встрече с белобрысым придурком и его болонкой.

– Как же тебе повезло! – совершенно искренне восхитилась она.

– У меня плечо вообще-то болит.

– Что такое плечо по сравнению с освобождением от физкультурного чистилища? Лучше бы Качок мне что-нибудь вывернул, а не устраивал личную тренировку с проработкой каждого движения. Он, конечно, горячий, но такой нудный!

– Тогда почему вы решили меня от души накормить всем... – я осмотрела угощения, – чем сегодня кормили Дартмурт?

На тарелке жареная рыба лежала вместе с мясной отбивной, пирожок купался в соусе от овощного гарнира, а в плошке покрылся плотной пленкой кисель из подозрительных ягод.

– Мы идем к пифии, – объявила Матильда, – так что жуй шустрее. Пирожки не ешь – гадость страшная. И еще я подогревала отбивную.

– Три раза, – многозначительно добавила Марлис тихим голосом. Она вообще всегда говорила так, словно стеснялась.

Я как раз насадила на вилку кусочек мяса, по жесткости хуже сапожной подошвы, и немедленно скovyрнула обратно, решив ограничиться гарниром. С практической магией у нашей очкастой подружки имелись некоторые проблемы и не факт, что после заботливого подогрева отбивная оставалась съедобной.

– И где вы отрыли пифию? – полюбопытствовала я.

– Она живет в соседней комнате, – быстро объяснила Тильда.

Оказалось, что прошлой зимой во время экзаменационной декады будущая пифия заснула прямо на ходу и кубарем скатилась с главной лестницы в холл. Шею не свернула, но два дня провалялась без сознания в лазарете, а, очнувшись, неожиданно прозрела. Перво-наперво она напроорочила Дартмурту обвал крыши. Сначала все решили, будто у самой бедняжки полностью обвалилась «крыша», но той же ночью рухнули перекрытия в архиве на чердаке хозяйственной башни и некоторые, особенно впечатлительные, нешуточно уверовали.

– За полсорима она выдаст нам по предсказанию на любую тему! Вообще просила за троих две трети сорима, но я выбила скидку за кучность, – быстро проговорила Тильда, как-то очень подозрительно заглядывая мне в глаза. – Тебе не интересно, с кем ты попадешь?

Она имела в виду распределение. В последний день декады должен был пройти первый проверочный квест. Мы все страшно нервничали и с напряжением ждали, когда прогремит «судный» день и вывешат списки команд. Не кому не хотелось оказаться до конца первого года в одной шестерке и отстающими или слабыми адептами.

– Надеюсь, что как раз не попаду, а окажусь в нормальной команде, где нет Форстада, – поправила я и добавила:

– И я не верю в предсказания. В таверну иногда заглядывал местный прорицатель. После темного эля чего только не пророчил! Слава богам, ни разу не сбылось. Пожалуй, сбылся только пожар, но он сам его устроил на хмельную голову. После этого Надин повесила на дверь таверны перечеркнутый жирным крестом портрет этой бородатой «пифии» и дала вышибале строгий наказ ни под каким предлогом не пускать сумасшедшего дядьку. Даже если он явится вернуть долг за бесплатно выпитые пинты пива в те дни, когда он предсказывал «доброй» хозяйке счастливую и бурную личную жизнь. К слову, тоже не угадал. Бурная случалась, а счастливая – ни разу.

– Без тебя мы все равно не пойдем, – твердо заявила Тильда.

– Идите! Обещаю, что не обижусь.

– Ты не поняла. У нас денег нет.

Кашлянув, я отложила вилку и окинула девчонок вопросительным взглядом.

– Исправьте меня, если ошибусь. Одна – дочь мясного магната, другая – дочь бывшего дипломата, и вы предлагаете стипендиатке за вас заплатить. Я ничего не перепутала?

– Конец месяца, – объяснила очкастая дочь мясного магната ветер в кошельках, – а ты самая экономная.

– Если бы ты сказала «прижимистая», то точно не попала бы к своей предсказательнице, – сдалась я, хотя абсолютно все внутри противилось идиотской трате.

Комната пифии оказалась захлавленной и пропахшей пряными курениями. От густого запаха у меня немедленно потек нос и захотелось расчихаться. С тоской я посмотрела на стакан с дымящейся соломинкой на подоконнике. Интересно, хозяйка хоро
о
м оскорбится, если попросить вонючую палочку залить водичкой и начать уже после нашего ухода?

– Аромат помогает мне связываться со вселенной, – немедленно объяснила самопровозглашенная прорицательница, худая девица с бледным лицом и взлохмаченными распущенными волосами. Она была одета в мешковатое светлое платье, чем-то напоминающее саван. Учитывая, что живое тепло еще не пробудили, в общаге царил почти могильный холод, наверняка в «рабочем» одеянии прорицательница коченела.

– Размещайтесь, – указала она на застеленный домотканой дорожкой каменный пол. Исправлюсь: коченела сама и хотела заморить клиентов, по собственной воле приносящих свои кровные за предсказания.

Она притушила магический светильник. Комнатка погрузилась в полутьму, и по стенам растянулись длинные неровные тени. Тильда плюхнулась на половик, настойчиво дернула за руку Марлис, заставив тихоню усестись рядышком, а потом шикнула на меня. Я кивнула, мол, чего надо? Подруга скосила глаза, намекая, что надо приткнуться на тонкий половик, прикрывающий ледяные каменные плиты.

– Постою, – моментально отказалась я усаживаться. Не хватало еще простудиться. Сама-то пифия подложила под зад подушку!

– Сядь! – строго указала пальцем на коврик Тильда, и я невольно пристроилась, поджав под себя одну ногу.

Наконец мы образовали тесный кружок. Взлохмаченная прорицательница расправила платье, сверкнув толстыми полосатыми чулками, и тихо произнесла:

– Правило первое: никто не должен знать, что вы были в моей комнате. Правило второе: никто и никогда не должен знать, что вы заходили в мою комнату!

Ну-ну, для глухих два раза не повторяю! Слышите? Два раза не повторяю! Видимо, платные предсказания как раз являлись той единственной страшной провинностью, за которую выставляли с факультета общей магии.

– Правило третье...

– Никому не говорить, что мы сюда поднимались? – не удержалась я и получила чувствительный тычок локтем от Тильды.

– Деньги вперед, – терпеливо поправила пифия.

На некоторое время в комнате повисла выжидательная пауза. Подружка снова ткнула меня под ребра.

– Что?

– Деньги, – цыкнула она.

– А... Ну да... – Я полезла в напоясный кошель за пятью чеканными монетами и протянула прорицательнице, но что-то внутри не позволяло высыпать деньги в ее раскрытую ладонь. Клянусь, меня сейчас жаба до смерти задушит! Даже навскидку можно было легко придумать тьму полезных вещей за половинку сорима: стирка в прачечной, курс витаминных настоек для бодрости, пачка писчей бумаги с большим флаконом чернил для заправки самописных перьев, пара шерстяных чулок, не очень красивых, но зато теплых, не хуже, чем у самой пифии, которой явно не грозило отморозить зад, сидя на ледяном полу перед очередными одуроченными первогодками.

Матильда быстро сообразила, что я готова соскочить и сбежать с деньгами. Она как-то ловко хлопнула меня по руке, и монетки сами собой, звякнув, ссыпались в ладонь прорицательницы.

– Как договаривались.

Оставалось с грустью проследить, как деньги исчезли в кармане светлого одеяния, да тяжело вздохнуть.

– Что вы хотите узнать? – деловито уточнила девица.

– Можно же предсказание на любой вопрос? – быстро уточнила Тильда.

– На один любой вопрос каждой, – спокойным голосом напомнила она.

– Они там дозировано, что ли, выдают? – ткнула я пальцем по направлению потолка, намекая на жадные высшие силы, и немедленно услышала недовольное цыканье от обеих подружек.

– Знаете, что главное в предсказаниях? – изогнула аккуратные брови пифия и тут же сама ответила, не дав мне выпалить очередную скабрзность:

– Вера!

– Святое знамение, что мы верим! – Очкастая осенила себя святым кругом. – Давайте начинать!

Я хочу знать, в какую команду попаду.

Пифия сложила руки на коленях, прикрыла глаза и некоторое время сидела неподвижно. Не удержавшись, я громко шмыгнула носом, и прозаичный звук словно пробудил нашу девицу. В молчании она начала раскачиваться. Туда-сюда, тик-так, вправо-влево, как маятник. Со стороны выглядело жутковато. Помнится, прорицатель из таверны, якобы входя в транс, выкрикивал ругательства и обязательно бил посуду. Под закрытие «лавочки» тетка велела давать ему медную кружку. Посудина падала на под с глухим стуком, обязательно корежилась, а потом вышибала выравнивал стенки маленьким молоточком. И так каждый вечер.

Неожиданно предсказательница выпрямилась, открыла глаза и ровным голосом объявила:

– Вселенная говорит, что ты попадешь в команду победителей.

– Победителей по жизни, – не удержалась я, но моментально прикусила язык, когда со стороны Тильды раздалось недовольное шипение.

Пифия сощурилась и быстро объявила:

– Ответ на второй вопрос...

– Мы его еще не задали, – напомнила я.

– Не задали, но кто-то подумал, – заупрямилась она. – Высшие силы говорят, что скоро случится поцелуй со всей академией. И он будет жарким!

Мы с девчонками недоуменно переглянулись. Какое... оригинальное предсказание! Слов нет.

– А пояснить нельзя? – спросила Тильда.

– Я всего лишь проводник, а не переводчик, – возмутились в ответ.

– Хотя бы кто целоваться-то будет? – прошептала я.

– Одна из вас точно будет, – кивнула пифия. – И еще передали послание Ведьме.

– Мне? – я вдруг почувствовала, что по спине побежали мурашки.

– Ты ведьма? – уточнила она.

– Ну я так, конечно, не считаю...

– Зато носишь это имя с гордостью, – не преминула заметить Матильда.

– Они требуют не забывать, зачем ты здесь, – не обратила внимания пифия на беззлобную перепалку.

Под нашим озадаченным взглядом она поднялась. С возрастающим недоумением я задрала голову, следя за тем, как хозяйка комнаты спокойно оправляет платье. Разговор с высшими силами прошел столь стремительно и бестолково, что ноги не успели затечь!

– Ведьма, конечно, в восторге, что вселенная напомнила об учебе, но... – Я замялась и развела руками:
– И что?
– И все, – объявила она. – Сеанс окончен. Три предсказания сказаны. Хотите больше, то...
– Нет! – моментально отказалась я доплачивать за весьма спорное развлечение.
– Не жмись, мы тебе отдадим в следующем месяце все до последней монетки, – громким шепотом пообещала Матильда.
– Не впадай в крайности, – одернула я транжиру чужих денег.
– Ладно, в качестве подарка, – остановила нас в дверях пифия. – Они еще сказали, что кустик ни в коем случае нельзя поить растирающей растиркой. Потом не отобьетесь.
– Какой кустик? – моргнула Тильда. О том, какая именно растирка, вопрос не возникал. Флаккон уже стоял на полочке стенного шкафа в моей комнате. Божечки, а может я – этот кустик? Натрусь и озверю, начну на подруг накидываться...
– Кустик – это не человек? – на всякий случай осторожно уточнила я.
– Откуда мне знать, что за флору вы разводите у себя в комнатах, – отрезала та.
Мы тихо закрыли дверь и замерли, задумчиво переглядываясь. Подозреваю, что знающие люди в комнату к самопровозглашенной пифии не совались и точно не давали ей денег. Даже я в состоянии прикрыть глаза, покачаться туда-сюда и бесплатно, исключительно из милосердия, выдать десяток пророчеств одно краше другого! Про кустики и учебу.
– Зато теперь я знаю, что попаду в хорошую команду. Такое облегчение! – вздохнула Тильда. – Видите, никакой дискриминации людей в очках!
– Осталось понять, что делать с остальными ценными знаниями, – фыркнула я и проворчала:
– Деньги не забудьте вернуть!
– Уверена, ты не раз напомнишь, – фыркнула Матильда, отпирая ключом дверь в свою комнату.
– Зайдете на облепиховую настойку?
– Мне готовиться к мироустройству, – отказалась я от вечерних возлияний.
– Я лучше пойду к себе, – прошелестела Марлис, которая жила в другом крыле.
Мы вдвоем спустились на третий этаж. Тихоня выглядела задумчивой, даже угрюмой и не услышала, когда я с ней попрощалась. Не повернув, она начала спускаться в холл в общежитии, а меня ждал учебник по мироустройству. Мало кто знал (разве что Ботаник, принципиально отказавшийся от профессорской методички), сколько приходилось зубрить, чтобы писать проверочные работы хотя бы на средний балл!

На следующее утро я проснулась отлично выспавшейся, лениво потянулась на кровати, сморщившись от боли в хрустнувшем плече, и сбила ногой учебник. Тут-то и нахлынуло осознание, что в окно светит теплое прозрачное солнце, которого предраассветным утром просто быть не может! Я резко села и бросила испуганный взгляд на старые настольные ходики, втихую стащенные из теткиного дома. До лекции по мироустройству оставалось всего ничего! В скоростных сборах мне не найдется равных! Измятое вчерашнее платье скрыла мантия, кое-как расчесанные волосы пришлось завязать в пучок на макушке. В умывальню завернула по дороге из общежития и спрятала зубную щетку в напояный кошель вместе с самописными перьями. Ровно за три минуты до начала занятия с деловитым видом я входила в шумную лекционную... проскакав всю дорогу галопом.

Занятие по мироустройству шло в одно время почти у половины первого года хранителей, так что свободные места оставались только на самой верхотуре, что лично меня устраивало.

Учитывая, что я решила сжульничать. После того, как на прошлом занятии магистр Хилдис с обидной насмешкой заявил, что четверку за проверочную мне поставили исключительно за старание, я сдалась и заговорила перо. Хотя бы схемы успею перерисовать!

– Ведьма, я тебе место заняла! – помахала рукой Тильда. С Тихоней у них совпадали почти все занятия, и подружки не разлучались, но сейчас ее не было. Похоже, тоже проспала. Как обычно. Не помню, чтобы дочь бывшего дипломата вообще появлялась раньше половины первой лекции.

– Я наверх.

– Тогда шевелись, Эден, – услышала за спиной Форстада.

С нарочитой ленцой оглянувшись через плечо, улыбнулась:

– Опаздываешь?

– Ты, к слову, тоже, – изогнул он брови.

И ведь не соврал! Магистр появился в лекционной, и, застегивая на ходу преподавательскую мантию, до раздражения жизнерадостным голосом объявил:

– Господа адепты, начинаем лекцию!

Я взлетела на последний ряд и уселась с краю лавки.

– Двигайся, – встал над душой Илай, который сегодня выглядел не придурком, а столичной принцессой. Волосы собраны в аккуратный хвост. Рожа... физиономия... лицо довольное, как у наевшегося сливок кота. И вообще весь такой расслабленно-пресыщенный. По всему видно, что за ночь отлично исцелился и точно не сам себе, изгибаясь, припадочно шипя и капая пахнущим перечной мятой снадобьем, натирал ребра согревающим снадобьем! Если вообще натирал. Недовольно цыкнув, я подвинулась на лавке. И еще подвинулась, чтобы случайно, не дайте боги, не соприкоснуться с ним локтем. Все равно места было много – на последний ряд забирались те, кто не успел доспать положенные часы.

Лекция началась. С непроницаемым видом я вытащила из кошелька заговоренное перо. Пока народ, всем потоком купивший дополнительные материалы авторства Хилдиса, спокойно занимался своими делами или лениво черкал в блокнотах, я талантливо делала вид, будто не успеваю записывать за магистром.

– Обманываешь потихонечку, – в какой-то момент шепнул мне на ухо Форстад, который вообще не заморачивался конспектированием. Он просто-напросто раскрыл методичку и с кем-то переписывался с помощью магической «почты».

– От тебя несет табаком, – любезно намекнула я, что у него тоже рыльце в пушку. Справедливо говоря, слабый запах табака с цитрусовым благовонием, действительно ощущался.

– Не нюхай, – отозвался он.

– Простите, ваше высочество, что дышу воздухом, который вас окружает, – огрызнулась я в ответ.

В середине занятия, когда песок в магических часах пересыпался ровно наполовину, дверь осторожно приоткрылась, и в лекционный зал бочком протиснулась Марлис. Магистр оборвался на полуслове, недоуменно оглянулся.

– Можно? – краснея, прошелестела Тихоня.

– Вы снова опоздали, – заметил Хилдис.

– Простите.

– Понимаю-понимаю, в молодости и у меня был исключительно крепкий сон. Обязательно посмотрите пропущенный материал в методичке, – прокудахтал магистр, вызвав во мне совершенно нелепый приступ зависти.

– Конечно, магистр Хилдис, – отозвалась Марлис. – Извините.

– Садитесь, – кивнул он и громко хлопнул в ладоши:

– Господа адепты, продолжаем!

Тихоня мышкой скользнула на верхний ряд и притулилась на краешке деревянной скамьи рядом с Форстадом. Тот немедленно подвинулся в мою сторону, хотя места еще на троих худеньких девчонок хватило бы. Буркнув кое-что нелицеприятное о столичных белобрых принцессах, путающих лавки в лекционных с королевским тронем, я передвинула конспект с танцующим по бумаге заговоренным пером, а потом снова принялась изображать напряженную работу.

Оставшееся время прошло мирно. Когда белобрых придурок не открывал рот и не изливал в окружающий мир потоки пафоса, я была вполне способна делать над собой усилие и не замечать его.

Несмотря на мрачные прогнозы старшекурсниц, горгулью съевших на выживании в промерзлом замке Дартмурт, с наступлением темноты в академии неожиданно для всех пробудили «живое тепло». Громадный замок не торопился согреваться, неохотно прощался со стыдливой важностью, хотя стены и каменные полы потеплели.

Простому смертному (мне) для счастья надо было удивительно мало: помыться горячей водой, щедро текущей из лейки, а потом спокойно одеться, не боясь промерзнуть до костей... Или не одеться, если платье с исподнем вместе с крючком сорвалось в натежную во время мытья лужу. Зарок не сквернословить даже мысленно оказался нарушенным. Два раза. Нарушался он

громко, цветисто, но вполне заслуженно – пока я поднимала шмотки, еще и тапочки намочила. Демон раздери ржавые гвозди и крючки ими прибитые!

Одежда отправилась в сушильный шкаф – вряд ли кто-нибудь позарится на ношенное платье и тем более на чужое исподнее. Пару раз, конечно, случалось с другими девчонками, но кражи совершались ради пакостей и мелкой мести. Одну сворованную вещь, алый шелковый халат, попытались вздернуть на флагшток на полигоне, но повторить поистине геройский подвиг братьев из академического мужского общества не удалось – кастелян и сторож бдели за знаменем, словно за родовым стягом, и вышел огромный скандал. Я слышала, что с хулиганками разбирался сам ректор и даже пытался обвинить в каверзе со штанами. Повесить чужой подвиг на мстительниц, конечно, не получилось, но наказать их – наказали. Теперь девицы каждое утро мели центральную площадь Дартмурта.

Хорошенько затянув на груди полотенце, я выглянула из купальни. В поздний час в женском крыле было некому следить за моим полуобнаженным выходом, но по коридору все равно пронеслась опрометью, едва не теряя по дороге мокрые тапки. Я ворвалась в свою комнату, развернулась... и попятилась. Не думайте, будто от страха. От изумления!

Застать в комнате Илая, вошедшего через открытое окно третьего этажа, оказалось, мягко говоря, большой неожиданностью. Его приятель Трой Остад скрючился на подоконнике. Ноги последнего из дружеского трио – Дина Дживса – упирались в каменный выступ под окном, но тело тоже отчаянно стремилось вломиться на чужую территорию.

– Остад! Кретин! Ты там, что ли, врос? Свали уже!

Но по понятным причинам (понятным тем, кто уже спустился с четвертого этажа) свалить тот никуда не мог, поэтому ему подсобили мощным тычком в спину. Одеревеневший приятель сковырнулся на пол. Пока он кое-как отскребался, в окно широким плечом втиснулась третья потерявшая совесть птица с раскрасневшейся от натуги физиономией и вытаращила нетрезвые глаза при виде полуголой девицы, словно никогда таких не видел. Даже на пикантных карточках.

В общем, главные придурки первого года в полном составе вломились ко мне в комнату через окно. Интересно, кто их спугнул настолько, что даже высота не показалась большим препятствием?

– Почтовые голуби, вы адресом не ошиблись? – тихо спросила я.

Строить из себя скромницу и кидаться с визгом к шкафу, было чуточку поздно. Незванные гости все равно разглядели все, что щедро демонстрировало полотенце. Осталось только скрестить руки на груди, чтобы оно не свалилось под ноги, и строго спросить:

– Будете пялиться?

– А почему ты в комнате? – промямлил Остад.

– Меня больше волнует, почему вы в этой комнате?

– Там, наверху, гулянку разогнали, – коротко объяснил Илай. Справедливо говоря, он старательно избегал смотреть на меня. – Мы у тебя переждем?

– Нет. Как понимаете, гостей я встречать не готова, – недвусмысленно намекнула на несколько раздетый вид. – Не стесняйтесь выйти тем же путем, что вошли.

– Это как? – впал в недоумение Остад.

– Через окно, – уточнила я. – Заодно закроете его с той стороны.

– Ведьма, да нас повяжут!

– Почему это должно меня волновать?

Похоже, народ, гулявший на четвертом этаже, не только безжалостно разогнали, но еще пытались выловить улизнувших. Может, они коллективно угощались каким-нибудь особенным эликсиром производства наших алхимиков, а потому на одуряющей высоте бесстрашно залезли в окна чужих спален.

Я окинула гостей вопросительным взглядом и спросила шепотом:

– Услуга за услугу?

Может, двое хотели бы заключить сделку, но Дживс решил выказать странные манеры. Вместо того, чтобы договориться по-хорошему или просто вежливо попросить девушку нежным голоском отправить дежурных восвояси, он опрометчиво показал неприличный жест рукой. Посыл был понят и принят. Оставалось пожать плечами.

– Кто-нибудь есть? – снова раздался требовательный стук.

– Да! – громко произнесла я и немедленно дернула на себя дверь. – Господа дежурные, спасайте...

На следующее утро всех застуканных на гулянке адептов собрали в главном зале для торжеств и устроили торжественную порку. Конечно, не в прямом смысле этого слова, порка была моральной. Если верить сплетникам, ребятам запретили на месяц покидать пределы замка и в довершение заставили отрабатывать трудовую повинность. Учитывая, что наказали почти двадцать человек, в ближайшие декады коридоры академии были обязаны сиять неземной чистотой.

Перешучиваясь, мы с Тильдой вошли в кабинет высшей магии. Форстад еще не появился, зато его приятели оказались на месте. Они буравили меня одинаково злобными взглядами.

– Почему Дживс с Остадом смотрят на тебя так, будто хотят покусать? – громким шепотом спросила подруга, которая была не в курсе ночного приключения трех наглых почтовых голубей и одной полуголой хозяйки скворечника.

– У психов по осени встречаются обострения, – отмахнулась я и направилась к своему столу, но едва достигла Дина, как он с ненавистью прошипел:

– У меня отличная новость: тебе точно конец!

– Любишь грозить девушкам? – немедленно отпаривала я.

– А ты не девушка, – с хмурым лицом заявил он.

– Тогда кто? Мальчик?

– Натуральная ведьма.

– Спасибо за комплимент, почтовый голубь, – улыбнулась я. – Кстати, слышала, что махание метлой помогает выпустить гнев, поэтому не стесняйся работать в полную силу.

– Нарываешься? – вышел он из себя и начал медленно подниматься. Наверное, следовало испугаться, но страшно все равно не было, да и помощь пришла с самой неожиданной стороны.

– Сядь обратно, Дин Дживс! – звучно гаркнул Бади, который обычно оставался глух к происходящему вокруг, если это происходящее не касалось его лично. На моей памяти, вот так, старомодно, по имени-фамилии, людей называла только кухарка Бринни, но она родом из деревни и давно перешагнула средний возраст.

В любом случае Качок привлек к нам всеобщее внимание, народ дружно оглянулся. Мы с «почтовым голубем» настолько опешили, что действительно перестали грызться. Притихший Дин послушно пристроил зад обратно на стул, а я вообще на пару секунд забыла, как язвить. Странное, признаться, ощущение. Оставалось кивнуть защитнику в качестве благодарности, проигнорировать вспыхнувший любопытством взгляд Тильды и прошагать к своему месту. На исцарапанной столешнице немедленно обнаружилась кривовато выжженная с помощью магии надпись «ведьма». С ума сойти, мне даже парту пометили! Видимо, чтобы никто не занимал. Столько внимания к бывшей подавальнице из провинции, что голова начинает идти кругом! Если на факультете хранителей обнаружится еще какая-нибудь девушка с таким же прозвищем, то я, пожалуй, расстроюсь.

Илай заскочил в кабинет практически в компании магистра. Последний дышал Форстаду в затылок, словно в коридоре они соревновались, кто быстрее доберется до дверей.

Занятие началось. Армас привычно злобствовал и насмехался, не забывая напоминать о том, что «заклятье» пишется с одной литерой «к», а не с двумя. Как и слово «высшая» в выражении «высшая магия».

Не знаю, какая проблема имела у Тильды с парными согласными, может, из-за плохого зрения в глазах двоилось, но при злосчастном копировании она умудрилась наделать таких нелепых ошибок, каких не допустил бы даже школьник, только приступивший к изучению азов грамматики и чистописания. Я уже локти обкусала, что поленилась проверить за подругой и теперь каждое занятие по высшей магии давилась щедрыми преподавательскими издевками. Когда время в песочных часах иссякло, и в кабинете прозвучал переливчатый звонок, магистр произнес, не скрывая сарказма:

– Форстад, Остад, Дживс! Браво! Искренне восхищен! Надеюсь, вы умеете обращаться со швабрами. – Он изобразил беззвучные аплодисменты. – После отработки загляните на пару слов.

Была слабая надежда, что после этой «пары слов» у трио возникнет непреодолимое желание с воплями сбежать на факультет общей магии.

– Эден! – вдруг позвал Армас.

– Да, магистр! – немедленно выпалила я, как на переключке.
– Через пятнадцать минут в моем кабинете.

Божечки, а меня-то за что?!

Я думала, что он решил устроить разбор полетов из-за ночного инцидента с лучшими (исключительно по мнению самих «лучших») адептами потока. Даже возмущенную речь придумала, пока шагала в преподавательскую башню. Мол, нахальные почтовые голуби вломились в комнату к незащитной девушке, напугали до тика нижнего века, ведь у нас в восточных долинах залетевшая в дом птица – это дурная примета. И я никак не ожидала, что, войдя в пропитанный запахами высшей магии кабинет, наткнувшись на преподавателя по мироустройству, вольготно сидящего в кресле для гостей. Хилдис сложил ногу на ногу и, кокетливо оттопырив мизинчик, что, на мой скромный взгляд, являлось признаком жуткой вульгарности, прихлебывал из изящной чашечки кофе. Наверняка натуральный, а не то жалкое подобие, каким поили в столовой адептов.

– Здравствуйте, – поздоровалась я из дверей.

Он демонстративно отвернулся к окну. Сердце сжалось от дурного предчувствия. Я перевела быстрый взгляд на Армаса, расположившегося за столом. Лицо куратора казалось непроницаемым.

– Проходите, Аниса, – кивнул он, внезапно назвав меня по имени. Похоже, дело было полный... швах.

Проходить не хотелось, но я заставила себя сделать пару мелких шагов и как-то неловко замерла посреди кабинета.

– Я вас вызвал, чтобы обсудить одну неприятную ситуацию, которая случилась на лекции магистра Хилдиса, – проговорил Армас. – Вы знакомы с правилами обучения в нашей академии?

– Да, магистр, – с трудом проговорила я.

– Что в них сказано об использовании специальных заклятий?

– Они запрещены во время занятий.

– В стенах академии, – поправил он. – Нам стало известно, что вы использовали заговоренное перо. Это так?

Отпираться и доказывать, будто меня оговорили, не имело смысла – только хуже сделаю.

– Да, магистр.

Я поверить не могла! Пыталась, конечно, но все равно не могла. Выходило, прихлебатель Форстада не зря страдал? Столичная принцесса заложила, что я мухлевала на лекции. И знаете? По закону совершения пакостей он мог придумать десяток способов отомстить за вчерашнее, а поступил подло и гаденько. С души воротило!

– Вы осознали, Аниса, чем грозит это нарушение?

Наверняка вывешат порицание на доску в холле и лишат в следующем месяце содержания. Простых смертных всегда наказывают деньгами.

– Верден, да что ты с ней сюсюкаешь?! – возмущенно взвизгнул Хилдис и с такой яростью звякнул чашкой о блюдо, будто я своровала его проклятушую методичку, нашла способ скопировать и раздала по бесплатному экземпляру всей академии. – Эден, ты попрала права адептов, которые пришли в Дартмурт не просто хорошо проводить время, а учиться! Поступила бесчестно!

У меня вырвался злой смешок.

– Бесчестно? И это говорите мне – вы?! – выпалила я.

На кабинет упала тяжелая тишина. Хилдис изумленно хлопал глазами. Куратор с преувеличенным интересом изучал идеально убранный стол, всем своим видом демонстрируя, насколько недоволен дерзостью адептки, пока еще не заслужившей право на эту самую дерзость и не проявившей особенных талантов. Разве что феноменальную безграмотность и не менее впечатляющее неумение держать язык за зубами, когда его стоило не просто держать, а прикусить до крови.

Хилдис поерзал в кресле, словно оно ему вдруг стало тесновато, и вкрадчиво вымолвил, перейдя на «вы»:

– Видимо, у вас есть, что сказать?

У меня было, что сказать. И много! О методичке за грабительские семь соримов, о сниженных ни за что баллах, об исчезающих с доски схемах. Я жаждала выплеснуть возмущение, накопившееся за последний месяц, но только открыла рот, как заметила выразительный жест Армаса. Он быстро провел большим пальцем себе по горлу. Мол, Эден, не будь душой, не рой себе могилу.

Добрые советы я принимать умела.

– Нет, магистр, – выдавила через силу, разглядывая носы своих туфель. Правый пересекала некрасивая царапина. – Я была не права и мне очень жаль.

– Хорошо, что вы осознали и раскаиваетесь, – воодушевленный Хилдис ткнул в мою сторону указательным пальцем с рубиновым перстнем, и внутри камня хищно блеснула магическая сердцевина. – Однако, чтобы другим было неповадно, я обязан рассказать о вашем нарушении в деканате факультета. Вы согласны?

– Как скажете, – отозвалась я.

Похоже, в следующем месяце меня ожидала жестокая экономия. Никаких лишних расходов: незапланированных походов к пифиям или новой обуви. На канцелярские принадлежности хватило бы! С другой стороны, можно осенних ботинок не покупать, сразу примеряться к зимним сапогам. Все равно пройтись по торговым лавкам получится только с наступлением холодов, а безвылазно сидеть в замке можно и в старых туфлях.

– Вы свободны, – отослал меня Армас.

Адептов, пойманных ночью, заставили убирать главный холл. Форстад, выказывая удивительное трудолюбие, мел лестницу. Длинная челка лезла в глаза, и он махнул головой, отбрасывая волосы с лица. Тут наши взгляды и встретились. Жаль, что он крепко стоял на ногах, и не был сбит волной ненависти.

– Надеюсь, теперь ты доволен и продолжишь скрести полы с чувством выполненного долга, – зло бросила я, когда мы поравнялись.

– Тебя Армас покусал, что ли? – хмыкнул он.

– Меня покусал Хилдис. Спасибо.

– Эден! – Форстад загородил дорогу, не позволяя пройти, и выставил метелку, останавливая попытку обогнуть его по дуге. – Ты меня вроде как в чем-то обвиняешь?

– Умоляю, только не надо делать вид, что ничего не понимаешь, – невольно замечая, что на нас косится народ, тихо проговорила я. – Ты заложил Хилдису, что я пользовалась заговоренным пером, меня накажут, конец истории. Теперь я буду самой честной адепткой в академии. Честной и без денег. Аристократов, знаешь ли, только лестницы заставляют драить, а стипендиатов еще и соримов лишают. Может, я уже пойду и порыдаю в конспект по мироустройству?

– Я что сделал? – с вкрадчивой интонацией переспросил Илай, в его глазах совершенно необоснованно вспыхнул гнев. – Настучал Торгашу Хилди о твоём танцующем карандашике? Ты издеваешься?

– Все нормально, – дернула я плечом. – Я – тебе, ты – мне. Мы в расчете. Давай теперь притворяться, что не знакомы. Позволишь пройти?

Он демонстративно посторонился.

Глава 4. Победители по жизни

Рыдать, глядя на конспект по мироустройству, конечно, никто не собирался, но откопировать методичку и совершенно бесплатно раздать экземпляры всем желающим, было делом принципа. Хилдис лишит меня денег? Затяну потуже ремень, лично мне не в первой, и подорву ему торговлю, ведущуюся с молчаливого (или даже письменного) согласия ректора. Честное слово, я перестану себя уважать, если просто проглочу это его: «Вы поступили бесчестно!» Подруги отыскились в зале для самостоятельных занятий, где через месяц после начала учебы стало довольнолюдно. Они сидели за столом возле окна. Марлис что-то читала, а Тильда с

мрачным видом готовилась к практической работе по высшей магии. Задание было несложным: перекрасить белый лист в красный цвет, но, видимо, что-то шло не так. На крышке стола и на полу валялись клочки с розоватыми прозрачными кляксами, но ни одно однородного окрашенного.

– Какое счастье, что ты здесь! – пронзительным голосом воскликнула она. Народ мгновенно зашикал, а дежурный вытянул шею, пытаясь определить на глаз нарушителя. Матильда кивнула и громким шепотом извинилась перед соседями:

– Простите! Высшая магия заставляет меня звереть.

Я разложила учебники, раскрыла конспект, проверила на свет самописное перо, самое обыкновенное и дешевое, без капельки магии даже для яркости. Купленные на прошлой седмице чернила, к слову, отчего-то оказались ужасно бледными, словно алхимики, его намешавшие, пожалели цветового пигмента.

– Что хотел Армас? – странным голосом спросила Тильда.

– А? – погруженная в невеселые мысли, я перевела взгляд на девчонок, сидящих напротив. Они внимательно за мной наблюдали. – Армас?

– Да, Армас – демон, который ведет проклятую высшую магию, – не сдерживая сарказма, подсказали мне. – Ты должна помнить, потому что только вышла из его кабинета.

– Ничего. Пустяки. – Избегая смотреть на Матильду, соврала я и немедленно перевела тему разговора:

– Не выходит покрасить? Ты скорее всего ошиблась в расчете. Давай посмотрю...

Получить ровный красный цвет на листе, а не крапинки или кляксы, у подружки вышло только ближе к вечеру, когда за окном смеркалось, и на столах в учебном зале начали зажигать лампы. Подруги засобирались в столовую.

– Ты есть не идешь?

– Аппетита нет, – поморщилась я и быстро спросила:

– Девчонки, кто-нибудь может дать методичку по мироустройству?

– У меня с собой нет, – немедленно ответила Марлис и быстрым жестом сложила книги так, чтобы никто не заметил сероватую обложку преподавательского сочинения за семь соримов. Зато Тильда без лишних вопросов вытащила из сумки методичку и подвинула ко мне. В пухлой книжонке я могла разобрать только название на обложке, остальное оставалось читабельным только владельцу.

– Обращайся. – Она поднялась из-за стола и даже отошла, но повернулась и одарила меня задумчивым взглядом. Подергала тонкую косицу, спускавшуюся с плеча. Тильда всегда носила две косички с пышными бантиками, обязательно сочетавшимися по цвету с воротничком платья, выглядывающим из-под горловины мантии.

– Обещаю, что верну в целости и сохранности, – поклалась я, приложив руку к сердцу.

– Да верю, – отмахнулась Тильда. – Аниса, если вдруг тебе захочется дружеского участия... Ну, знаешь? Поделиться горестями, порыдать в жилетку, попросить платочек высморкаться – не то чтобы он у меня был, но у Тихони наверняка найдется, – то просто помни, что мы тут и полностью готовы к сочувствию.

Я ни с кем и никогда не делилась проблемами, решала сама по мере сил и талантов. Да и никто особенно не интересовался, как поживает осиротевшая Аниса Эден, дочь школьной учительницы и артефактора из маленькой мастерской в пыльном городишке Брокстен. Даже тетка обеспокоилась моими делами только, когда вдруг поняла, что я серьезно нацелилась поступить в магическую академию. Больше всего ее волновало, не придется ли платить за учебу.

– Спасибо, – искренне поблагодарила.

– Пожалуйста, номер моей комнаты ты знаешь, – кивнула она. – На ужин придешь?

– Ага.

Я дождалась, когда подружки скроются из вида, быстро собрала учебники и бросилась в библиотеку с потрясающим воображение отделом книг по высшей магии.

В читальном зале живое тепло не пробудили. В огромном помещении с многоярусными деревянными стеллажами фолиантов по-прежнему царил могильный холод и такая же тишина. Выбрав самый дальний стол, подальше от лишних глаз, я раскрыла методичку. Напечатанные на белых плотных страничках фразы немедленно моргнули, и на глазах буквы превратились в нечитабельную сумятицу неизвестных символов, а схемы спрятались за размытыми

квадратами. Казалось, будто на них смотришь через кривой витраж – вроде видишь силуэт, а разобрать не можешь.

Один раз я уже пыталась снять заклятье, но потерпела полное фиаско и махнула рукой. Но теперь у меня была цель восстановить справедливость в академии Дартмурт! Пусть и принудительная покупка методички казалась несправедливой только мне. Может, еще Ботанику. Он тоже возмущался, когда Торгаш Хилди снял ему десять баллов на проверочной работе просто за отказ покупать «узаконенную шпаргалку», хотя умник знал мироустройство на профессорском уровне.

На ужин я не попала, да и, погрузившись в изучение заклятий, совершенно не испытывала голода. Незаметно читальный зал опустел, а на улице сгустилась темнота. Я сидела на полу между дальними стеллажами и, подсвечивая сташенной со стола магической лампой, листала очередной сборник заклятий.

– Аниса? – вдруг прозвучал в тишине мужской голос.

Вздвогнув, я подняла голову и обнаружила возвышавшегося надо мной Армаса. Некоторое время между нами висело странное молчание. Сама не знаю, почему перепугалась? Он же не догадывался, что накрыл адептку на подготовке к грандиозному демаршу.

– Магистр! – отмерев, я резко поднялась.

Правая нога, оказалось, страшно затекла, моментально заколола иголками и меня скособожило. Без преувеличений! Рядом стоял красавец-профессор, весь из себя в белой рубашке и костюмном жилете, на крепком запястье золотой браслет, и пахло от него (от Армаса, конечно, а не от браслета) сугубо мужским хвойным благовонием, а я – вот нелепость – напоминала скрюченную фиалку. Подозреваю, что от холода еще и цветом лица сильно смахивала на этот неприхотливый цветок. В общем, ужас, летящий на крыльях ночи в сны любого здравомыслящего магистра!

– Ой! – охнула я.

– Осторожно! – он сжал мой локоть, полагая, что адептка сейчас свалится поленом к его туфлям. С пола потом не сгребешь и двусмысленности точно не избежишь. Но прикосновение пальцев, крепко и надежно обхвативших тонкую руку, имело эффект парализующего заклятия. Я оцепенела и теперь действительно рисковала упасть. Держалась только на силе воле, большом желании и левой ноге, проявившей небывалую твердость.

– Честное слово, все хорошо!

Армас немедленно отпустил меня, но отойти не потрудился.

– Не ожидал кого-то встретить в столь поздний час в библиотеке. Занимаетесь высшей магией на ночь глядя?

– Готовлюсь к завтрашней практической работе, – не моргнув глазом, соврала я.

– В отделе специальной литературы, куда до четвертого года обучения можно не соваться? – скептически уточнил он. – Похвальное рвение.

– Я же не в курсе, какие задания дадут завтра на семинаре.

– И то верно.

– Не подскажите?

– Нет. – На лице Армаса вдруг расцвела ленивая улыбка, красивая, по-мужски обаятельная, из того самого арсенала, который во избежание недопонимания запрещалось использовать на впечатлительных ученицах. Но ему повезло нарваться на ужасно понятливую особу, устойчивую к коварным улыбкам. И нервничала я вовсе не от них, а просто Армас стоял непозволительно близко. В целых двух шагах! Со стороны расстояние может показаться невинным, но я привыкла, что нас разделяла половина учебной комнаты или, в худшем случае, массивный преподавательский стол. А тут никаких преград! Стой сколько душевнечко угодно на границе личного пространства и бровью не веки.

Неожиданно он протянул руку, словно вознамерился заправить мне за ухо выбившуюся из растрепанной косы прядь волос. Невольно я отшатнулась, неразборчиво извинилась и немедленно почувствовала себя круглой душой. Армас просто вытащил с полки, находящейся на уровне моей головы, сильно потрепанный фолиант. Название, когда-то тисненное золотом на корешке, практически стерлось, переплет разошелся.

– Изучите вот это. В качестве внеклассного чтения, – в глазах магистра, протягивающего книгу, светилась насмешка. Он заметил конфуз и, похоже, в душе веселился. Чувствуя себя так, словно тело одеревенело, я забрала учебник.

– Заклятье, подробно описанное в этой книге, весьма капризное, – заметил он. – С первого раза может не сработать, поэтому прежде, чем приступать к делу, потренируйтесь на чем-нибудь менее ценном.

Обычно я легко понимала намеки, но магистр говорил мудреными загадками, а уточнять, что он подразумевал под таинственным «делом» что-то желания не возникало. На мой взгляд, этой странной обстановкой: уединенностью, расстоянием между нами, непонятным разговором приглушенными голосами, словно мы таились, жестами, заставлявшими испытывать неловкость, он не просто не избегал двусмысленности, а нагнетал ее.

– Так и поступлю... – прошелестела я и поспешно добавила:

– Спасибо!

– Доброй ночи, адептка Эден. – Он развернулся и как ни в чем не бывало направился к выходу из отдела.

Когда Армас скрылся за стеллажами, на слабых ногах я привалилась к полкам и обмахнулась учебником, едва не стукнув себя по лбу. Правильно, книги надо читать, а не размахивать ими!

– Ладно, что вы там, магистр, насоветовали адепткам? – пробормотала, надеясь разговором самой с собой погасить странное чувство, поселившееся внутри.

По мере того, как я перелистывала странные желтоватые странички, казавшиеся на ощупь очень хрупкими, чувствовала, как меняюсь в лице. Магистр Армас дал мне сборник с заклетами морoka и подробными инструкциями, как их снимать. Способ, которым пользовался Хилдис, чтобы зачаровать методичку, описывался почти в конце, его было легко узнать по рисунку тех самым нечитабельных символов, что маскировали текст.

Я невольно покосилась в темный проход, захлопнула книгу и бросилась следом за Армасом.

Читальный зал практически опустел. Парочка алхимиков что-то напряженно изучала в толстых фолиантах, а один адепт дремал, уткнувшись лбом в открытый конспект. На столе, занятом моими вещами, по-прежнему горела лампа и были разложены книги. В воздухе под потолком мерцал морок песочных часов, категорично отсчитывающих время до закрытия библиотеки. Вместо мелкого песка создатель наколдовал крупные шарики, обозначающие минуты.

Скользнув по узкому горлышку, они падали на дно чаши и рассыпались фонтаном блестящих брызг.

Оглядевшись, я ринулась к дверям, но с библиотечной книгой в руках меня не выпустила неожиданно возникшая магическая заслонка, мигом затянувшая дверной проем. Хорошо, что преграда тускло светилась, иначе бы вмазалась, как стремительная мушка в оконное стекло. Пришлось оставить фолиант на столе, а потом выйти в безлюдней коридор, тускло освещенный притушенными к ночи лампами.

Куратора удалось нагнать практически у лестницы.

– Магистр Армас, подождите!

Он оглянулся и, увидев меня, торопливо шагающую навстречу, остановился.

– Появились вопросы? – уточнил он.

Я наотрез отказалась замечать очередной неуместно-насмешливый взгляд, возможно характерный для привлекательного мужика, но точно не для преподавателя. Можете считать меня ханжой, я такая и есть.

– Нет. – Остановилась возле него и с чувством произнесла:

– Спасибо!

Уточнений не требовалось. Он мигом понял, что его благодарят за неожиданную помощь. Вряд ли Армас испытывал симпатию к выскочке-первогодке, настоящей занозе в пальце любого куратора. Возможно, он просто имел личные счеты с Торгашом Хилди или в душе боролся за мир во всем мире – причина была неясна и туманна. Но даже если и так, в некоторых вопросах мне легко договориться с принципами, тем более что их не очень много.

– Откровенно сказать, я разочарован, – вымолвил он. – Полагал, что вы обнаружите учебник раньше и без посторонней помощи.

– Почему я?

– Считайте, мне нашептал внутренний голос.

– Вы можете не волноваться. Никто не узнает, что мы – к-хм – в некотором роде сообщники.

– Сообщники? Я всего лишь дал своей ученице, влюбленной в высшую магию, интересный учебник. А вы что-то задумали?

– Я?! Ничего! – немедленно замахала я руками, принимая правила игры. – Знаете, от усталости всегда такой бред несу, что потом стыдно делается.

– Тогда лучше идите отдыхать, – с иронией посоветовал Армас. – Всего хорошего, Аниса.

– Магистр! – снова не дала ему уйти. – Кто это был?

– Простите? – кажется, он удивился.

– Кто рассказал о заговоренном пере? – Наверное, надо было поклониться, помолиться и вежливо попросить, но я уже выпалила вопрос и рассеивать вежливые фразы, пытаюсь сгладить резкость, было чуточку поздно.

– Я не имею права называть имена, – спокойно отказался магистр поделиться информацией даже по-дружески. В смысле, особенно по-дружески.

– Сегодня днем я обвинила одного человека... Ну... быть точнее, Илая Форстада. От его реакции мне до сих пор неудобно.

– Вы ошиблись, Аниса. Форстад не ходил к магистру Хилдису, – подтвердил он догадку, которая мучила меня с той самой секунды, как физиономия белобрысого скривилась от гнева. Виноватый человек не будет злиться, он скорее зайдется издевками или в лицо бросит, мол, на-ка выкуси, мир круглый, все возвращается. Илай выглядел по-настоящему оскорбленным.

– Тогда кто? – растерянно спросила я.

– Попробуйте использовать метод исключения, – усмехнулся Армас. – Доброй ночи. Возможно, у магистра ночь будет очень даже добрая, но меня определенно ждала бессонница. Он еще не успел повернуться спиной, а я уже поняла, что Хилдису донесла Марлис! Выдержки хватило на полчаса, даже меньше. Безуспешно пытаюсь сосредоточиться, я переписала сложную формулу, которую еще предстояло разобрать и опробовать, а внутри свербело. Если не узнаю правду прямо сейчас, то потеряю сон, как всегда начну кашлять от невозможности высказаться, окончательно разозлюсь и на горячую голову совершу какую-нибудь глупость, всенепременно лишившись новой подруги. Нет-нет! Лучше сразу объясниться, спать спокойно и не страдать от приступов удушливого кашля. А еще извиниться. Не то чтобы меня сильно мучила совесть за несправедливое обвинение, брошенное в лицо Форстаду... Ладно, мучила! Что было совершенно нелепо, учитывая, как сильно он меня бесил большую часть времени.

Я решительно встала из-за стола. Книга заклятий была спрятана там, где ее не сумеют обнаружить не только завсегдатаи читального зала, но и сам Армас – в отделе некромантии, совершенно бесполезном, учитывая, что в Дартмурте этот предмет не изучали, разве что «по верхам» на общей магии. Да и вообще даже маленького погоста на задворках двора не имелось. Собрав вещи и потушив лампу, из библиотеки я напрямик направилась к Марлис. И – вот досада! – Тихони не оказалось в комнате. На всякий случай стоило заглянуть к Тильде, хотя в начале десятого вечера та нередко дрыхла без задних ног. Если, конечно, не планировала нагреть к пифии или устроить девичник с облепиховой настойкой, но мне было бы точно известно о планах подруги пустить на ветер чужие деньги или налакаться приторно-сладкого хмельного зелья, сваренного в неизвестном котелке (она утверждала, что на папенькиной кухне папенькиным же поваром).

В холле я случайно столкнулась с Троем Остадом, спускавшимся по лестнице. Он был не один, а с компанией незнакомых старшекурсников, и, конечно, не преминул хорошей возможностью покрасоваться:

– Свидание с учебниками, Ведьма?

– Свали за грань! – привычно огрызнулась я, но немедленно сообразила, что подлечить совесть извинениями решила, а точного направления, куда идти извиняться не знаю. – Хотя, постой, не сваливай!

Вся компания неожиданно притормозила и с любопытством оглянулась. У них что, коллективный разум?

– Эден, ты не в моем вкусе, – моментально принялся ломать комедию Трой.

– Боги! Я сейчас разрыдаюсь! Дашь платочек высморкаться? – фыркнула я и обратилась к парням, непрозрачно намекнув, что по-прежнему прошу раствориться в тумане лишние уши, если они не страдают глухотой:

– Мальчики, можно мы тут посекретничаем? Спасибо.

Как ни странно, ребята оказались из понятливых. Бросив всего лишь парочку пошловатых советов, где в общаге самый темный уголок для разговоров, они преспокойно направились к парадным дверям.

– Чего тебе, Ведьма? – спрятав руки в карманы штанов, с таким видом, точно издыхает от скуки и усталости спросил Трой.

– В какой комнате живет Форстад?

– Спроси вежливо, – осклабился он.

Боги! Что за младшая школа? Я выразительно закатила глаза и протянула плаксивым голосом уличного попрошайки:

– Добрый господин Остад, не соблаговолите ли подсказать точный адрес вашего лучшего друга?

– Поклонись.

И как, спрашивается, с этими человекоподобными гадами вести себя дружелюбно?

– Ты вообще бессмертный? – уточнила я и сразу же объяснилась, чтобы он наверняка понял, что девушка скорее сжует учебник по высшей магии, чем будет кланяться в пояс аристократическому кретину:

– Поверь, мой поклон станет последним, что ты увидишь в своей короткой жизни.

Переговоры определенно зашли в тупик. Кому-то надо было сдаться и прекратить обмен остроумиями.

– И что ты от Форстада хочешь? – любопытство заставило Троя капитулировать.

– Ты его секретарь и отсеиваешь посетителей? Или ради сплетенки интересуешься? – ерничать я не перестала.

– Нет так нет, – пожал плечами парень и сделал вид, что собирается догнать приятелей.

На подобную дешевую уловку в восточных долинах даже дети не покупались, но подыграть все-таки пришлось.

– Хочу у него попросить методичку по мироустройству, – ляпнула первое, что пришло в голову. Не рассказывать же, в самом деле, что собираюсь торжественно извиниться за огульные обвинения.

– Не убедила, – заметил он.

– Ладно, Остад, ты такой умный, что легко меня раскусил, – с наигранной печалью покачала я головой. – Хочу признаться твоему другу в любви. Полагаешь, он обрадуется?

– Не сомневаюсь, что Форстад придет в восторг, когда просто тебя увидит, – ухмыльнулся Трой, поймав какую-то тайную мысль, и она, эта мысль, страшно ему понравилась. – Восьмой этаж, пятая комната. Можешь не благодарить.

– Не буду, – пообещала я. – Передать привет? Ну, между признаниями в любви.

– Ни в чем себе не отказывай, – заулыбался парень еще подлее и нахально мне подмигнул:

– Удачи, Ведьма. На всякий случай, ты хорошо на метле летаешь?

– Не так хорошо, как ты ей подметаешь.

Я поднялась на восьмой этаж. С направлением на мужскую половину ошибиться было сложно – над входной дверью висела латунная табличка с символом, в старомagическом языке обозначавшим мужской род. В конце коридора о чем-то тихо переговаривались парни. Воздух густо пах паленым веником. Хотелось верить, что будущие профессиональные маги его вовсе не раскуривали, а окуривали им помещение во время высококультурного ритуала.

С подленьким чувством, что Остад обманул с адресом, я остановилась перед комнатой с выжженным на притолоке пятым номером и постучалась. Вместо ответа раздался страшный грохот. Хотелось верить, что никто не свалил шкаф и не упал с кровати в безуспешной попытке гостеприимно встретить гостей. Второй раз постучала уже по инерции, с интересом прислушиваясь, а не свернут ли там еще какую-нибудь мебель. Шагов не различила, но дверь пихнули с неожиданной злостью. Я отскочила на шаг.

– Остад, специально для тебя надо ручку красным светом зажигать? – Илай запнулся и констатировал прискорбный факт:

– И это пришла Эден.

Он был одет наспех. Расстегнутая рубашка открывала гладкую грудь, ремень болтался на поясе.

– А что означает зажженная ручка? – полюбопытствовала я, переводя взгляд с обнаженного тела на мрачное лицо хозяина комнаты. Глаза-то отвела, но перед мысленным взором по-прежнему стоял мужской торс. В воображении он почему-то светился... Широкие плечи,

аккуратно намеченные кубики на животе, родинка в районе пупка. Когда я родинку-то успела запомнить?

Форстад нахмурено молчал.

– Поговорить надо, – объявила я.

Вдруг в глубине комнаты что-то звякнуло. Следом раздался сдавленный девичий писк:

– Ой!

Повисшее молчание было грандиозным и почти осязаемым. Лучше бы Остад обманул меня с адресом, а его лучший друг зажег ручку! Теперь я точно знала, что обозначал этот безмолвный, но выразительный знак.

– Извини! В смысле, лучше извинюсь завтра за все сразу. И за это тоже. – Я махнула рукой с намеком на «обстоятельства» в комнате и моментально развернулась.

– Кто там? – снова прозвучал девичий голос.

– Никто, – отозвался Форстад, а потом вдруг схватил меня за локоть, не позволяя взять разбег в сторону выхода.

Дверь закрылась. Мы остались в коридоре. Надышавшиеся дымом сожженного веника, парни загоготали. Вряд ли они смеялись над распуганными по углам злыми духами, наверняка потешались над нами. Для них не было секретом, что в пятой комнате находился не один, а двое человек. Тут еще и третья с умным видом и учебниками в зубах прискакала.

– На трио не рассчитывай! – громко зашептала я, не понимая, что Форстад намеревается вытворить.

– Размечталась, – фыркнул он и потащил меня к выходу.

Стало немножко не по себе. Неужели решил помочь слететь вниз головой вперед?

– Честное слово, я сама найду дорогу. Не надо меня провожать! И с лестницы спущусь без пин... проблем!

Он ловко оттеснил меня в мужскую купальню с гудящим сушильным шкафом, мокрым каменным полом и кабинками для мытья, на которых почему-то не было ни одной дверцы. При движении моментально затрещали, разгораясь, магические лампы. Вспыхнул яркий свет. А у нас на этаже, между прочим, в купальне царил полумрак, как в подземелье. Наверное, чтобы девицы не торчали подолгу и не создавали ажиотажа.

– Зачем ты меня сюда запикиваешь? Ты же голый! – возмутилась я, оказавшись в звонкой тишине пустого помещения. – В смысле, почти голый.

– Зато ты полностью одетая.

– Божечки, хочешь меня выкупать? Я с учебниками! – как будто только из-за беспокойства за библиотечные книги мне не хотелось оказаться под лейкой с ледяной водой.

– Эден, тебе в голову всегда приходят такие свежие идеи... – в лице Илая отразилась настораживающая заинтересованность. – Ты хотела поговорить. Говори.

– Сейчас? Серьезно?

– Ты пошутить хотела?

– А как же болонка? Она же обидится и потом тебя облает!

– Какая еще болонка? – сморщился парень.

– Которая блондинка. Или у тебя там брюнетка? Знаешь, верни блондинку, а то я прозвища не успеваю придумывать, – красноречивый взгляд Форстада говорил лучше любых слов, что мой бесконтрольный словарный поток его вообще не радует. – Ты прав, я буду нумеровать.

– Эден, не пойму... ты пьяная, что ли? – Он неожиданно схватил меня за подбородок и без особого пиетета повернул голову, словно проверяя на свет степень девичьего опьянения.

– Нет, я из библиотеки! – оттолкнула я его руку. – В читальном зале вообще-то пить запрещено. Даже воду! Там можно только читать... и думать.

– Ты почитала, подумала и пришла ко мне... зачем? – Упер он руки в худые бока. Едва сомкнувшиеся полы рубашки вновь разошлись, и обнаружилось, что вблизи у Форстада красивые ключицы.

– Извиняться.

Возникла странная пауза. Обстановка вокруг не располагала ни к скандалам, ни к извинениям, ни к романтике. Пахло влажностью и откуда-то несло старыми носками. Басовито гудел сушильный шкаф, поди, те самые носки обдувавший горячим воздухом.

– За что? – вкрадчиво уточнил Илай.

– Для начала за то, что вломила и истоптала малину, а вообще за донос. Я была в корне не права! Ты ничего не говорил Хилдису.

На некоторое время между нами повисло тяжелое молчание.

– И все?

– А что, еще надо? – удивилась я.

– Да нет, достаточно. – Он развернулся и молча вышел из купальни.

Сушильный шкаф по-прежнему мерзко гудел, яркие лампы все так же светились и трещали, а у меня внутри расцветал букет смешанных чувств.

Было очевидно, что я помешала Илаю, но он не выгнал меня взащей, а потом будто оскорбился еще сильнее. Правильно люди говорят, что чужая душа – потемки!

После сумбурного разговора с Форстадом сил гоняться за Тихоней не осталось, и я подкараулила ее утром перед дверьми в столовую. Обычно она завтракала одна, но сегодня появилась в компании Тильды, словно чувствовала, что назревает большая разборка.

– Доброе утречко, – помахала рукой Матильда.

– Марлис, поговорим? – спросила я.

– А меня не зовете? – обиделась Тильда.

Вмешивать в ссору подругу не хотелось, но Тихоня кивнула:

– Это же не секрет, Аниса?

– Опять хочешь прикрыться? – вопросом на вопрос ответила я, и та дернула плечом, не пытаясь отрицать очевидное. – Это ведь ты ходила к Хилдису?

Красноречивое молчание лучше любых слов говорило, что именно она выдала меня профессору.

– Почему? – тихо спросила я.

В секунду с Марлис слетела маска притворной кротости. Во взгляде появилась незнакомая жесткость, уголок рта дернулся.

– Потому что ты нарушила правила! – вздернула она подбородок. – Никто не пользуется заклетьями на занятиях, чем ты лучше?

– Ты себя со стороны слышишь? – сдерживаться и не сорваться удавалось лишь усилием воли. – Мы в академии магии! Здесь все пользуются заговоренными перьями, но не у всех есть рачительная подруга, которая донесет профессору. С такими друзьями, знаешь ли, можно и врагов не заводить. Скажи правду, зачем настучала?

– Правду? Хорошо. Ты меня бесишь, – с ледяным спокойствием объявила Марлис. – Кто-то должен был показать, где твое место.

Божечки, а Марлис оказывается не Тихоня, а тихушница, подвид обыкновенный!

– Я собака, чтобы ты показывала мне место? – вкрадчиво спросила я. – Может, еще носом в коврик попытаешься ткнуть?

– Ты выскочка. Это похуже.

– Божечки, как ты не свихнулась, пока строила из себя хорошего человека? – в притворном ужасе охнула я.

На мой взгляд, несогласных с постулатами мироустройства, приравнивающим людей с магическим даром, стоило изучать на уроках зоологии. Они часто встречались в естественной среде обитания нормальных людей, но распознать их с первого взгляда зачастую бывало невозможно. Дочь бывшего дипломата – яркий тому пример.

– Девочки, – голос Матильды звучал тихо, что само по себе уже настораживало, – пока вы не вцепились друг другу в волосы, скажите-ка, все ли я правильно поняла. Одна развлекается и нарушает правила, другая – ее ненавидит. И ничего не рассказываете мне, потому что я в очках и не вижу дальше собственного носа? Да?!

– Да все нормально с твоими очками, – буркнула я.

– Значит, СО МНОЙ не все нормально? – пронзительно взвизгнула Тильда и вдруг полезла в сумку. Она долго в ней копалась, то и дело поправляя сползающие на кончик носа очки, и вытащила пару монеток. – Забери, Аниса. Они у меня, конечно, последние, но не хочу ничего быть тебе должна! С Марлис сама стрясешь.

Она с силой вложила деньги мне в руку и стремительно развернулась, стеганув по лицу кончиками косиц. За спиной у Тильды была глухая стена и по-королевски уйти не удалось. Кашлянув, она передернула плечами и с независимым видом пошла к переходу в учебный корпус.

– Похоже, у тебя на одну подругу стало меньше, Аниса, – как-то очень неудачно попыталась подколоть Марлис.

– Верно, я с тобой теперь за один стол не сяду, – фыркнула я, давая понять, что с Тильдой мы наверняка помиримся, она вспыльчивая, но отходчивая, а вот с Тихоней вряд ли когда-нибудь обменяемся даже словом. – За предсказание можешь не отдавать.

– Думаешь, мне нужны твои гроши? – сквозь зубы спросила та.

– В восточных долинах говорят, если от дурного человека взять деньги, то потом семь лет будут преследовать неудачи, поэтому купи себе каких-нибудь вкусняшек. Сладкое помогает справляться со злостью.

Чисто из вредности я направилась в столовую, куда так и не решилась зайти Марлис, и просидела полчаса над тарелкой с остывшей кашей, хотя от вида местного «изысканного деликатеса» откровенно подташнивало.

Неожиданно народ взволновался и начал перешептываться. Первогодки, старавшиеся подходить к началу завтрака, чтобы потом не таращиться в пустые чаны, вскочили со своих мест и заторопились к раскрытым дверям. Теперь я посмотрела на нетронутую еду не с унынием, а с подозрением. Может, лучше сегодня посидеть на голодной диете?

– Флемминг! – позвала я торопливо проходившего мимо Ботаника. Он с недоумением оглянулся и даже уточнил:

– Ты мне?

Согласна, сама удивлена, что обратилась. За целый месяц мы не обменялись даже парой слов.

– Куда все сбежали?

– Завтра первый квест, – бросил он.

– Народ резко кинулся готовиться?

– Списки команд вывешивают, – закатил он глаза, мол, Эден, ты просто глупая или только по утрам плохо соображаешь?

Выдержки хватило от силы минут на десять. Здравый смысл подсказывал, что лучше обождать, пока народ разойдется, списки-то все равно никуда не денутся, и состав шестерок волшебным образом не поменяется, но любопытство победило. Я отнесла поднос с грязной посудой в специальную нишу. Воздух в ней дрогнул и расступился, продемонстрировав хозяйственную помывочную на другом конце замка. Пространство захлопнулось, появилась каменная стенка, а поднос исчез. Неловко признаваться, но портал в столовой вызывал во мне дикий восторг. Ни разу не видела, чтобы сбоил!

В главном холле возле информационной доски толпились возбужденные хранители-первогодки. Я протиснулась поближе к объявлению и начала рассматривать фамилии, написанные почти каллиграфическим почерком. Видимо, чтобы сразу отвести недопонимание. Себя я отыскала в самой последней шестерке... ровно под именем Форстада-младшего (так и написали через дефис, чтобы ни одна сволочь не забыла, с кем окажется в закрытой квест-комнате и не попыталась укокошить сына высокопоставленного мага). Ниже шли фамилии Марлис и Тильды. Возглавлял нашу шестерку Флемминг Квинстад, а заканчивал Джер Бади. Подозреваю, это была тонкая шутка магистра Армаса – за привычку не к месту умничать Ботаник венчал черные списки у половины преподавателей, а Качок не сдал ни одной контрольной с первого раза и шел последним по успеваемости.

Понятия не имею, чем руководствовался куратор при разделении на команды, не иначе как странным чувством юмора, но, похоже, он просто мечтал, чтобы мы вшестером, дружно взявшись за руки, вылетели из академии или, начистив туфли, сбежали на факультет общей магии.

– Что, Ведьма, попала в достойный шабаш? – гнусаво затянул рядом Остад, прискакавший вместе с Дживсом проверять списки. Их белобрысого приятеля видно не было.

– Твой друг тоже, – протянула я.

– Который из них?

– Догадайся, гений. – Я начала проталкиваться сквозь взволнованную толпу.

– Демоны дери, а где Форстад? – услышала за спиной удивленное восклицание Дина.

– В заднице, – мрачным голосом объявил Трой.

– А он спит и не знает об этом?!

Остад промолчал. Скорее всего он от кого-нибудь слышал, что глупо отвечать на риторические вопросы.

С «командой победителей», напроороченной Тильде, этим днем у нас не совпадали занятия. Правда, с Форстадом мы ходили на одни лекции по зоологии, но он заскочил в аудиторию уже после начала, притулился на краю первого ряда и быстро смылся, едва в магических часах иссяк песок, а пространство наполнил переливчатый перезвон колокольчика. Вшестером мы встретились только перед обедом в зале для торжеств, где первогодок попросили собраться для инструктажа.

– Разделитесь по командам, – приказал Армас, обнаружив, что весь поток сбился в кучки по интересам. Народ начал тасоваться. На некоторое время зал наполнился движением. Мы шестеро встали рядом, не глядя друг на друга, не разговаривая и вообще делая вид, будто не знакомы. Хотя «встали рядом» было громко сказано – окружили Бади, столбом возвышавшегося над остальными адептами в центре зала.

– В этом составе в конце каждой третьей декады вы будете проходить проверочные испытания. Никаких пересдач, поэтому научитесь взаимодействовать и уважать друг друга. У вас полгода, чтобы найти общий язык. Что вы хотели спросить, адепт Дживис?

Он вперил ледяной взгляд в парня на другом конце зала.

– Магистр, почему полгода?

– Если зимой провалите финальное испытание, то вылетите из академии. К слову, у вас пока есть возможность поменять факультет. Еще вопросы?

Вопросов была куча, но зал от греха подальше промолчал.

Инструктаж, больше походивший на внеплановую выволочку, продлился почти полчаса. Ноги устали, и поясница заныла. Нас отпустили с миром, когда абсолютно все, даже парни, хорошенько запомнили, что девицам непременно следует надеть форму для тренировок по боевой магии, иначе мы будем путаться в юбках (видимо, парни в наших юбках тоже могли запутаться), как невесты во время побега из-под венца. Но, самое главное, нам (девицам, парни не додумаются) ни в коем случае не цеплять на грудь кожаный панцирь, иначе превратимся в неповоротливых рейнсверских бронированных лягушек.

В прошлом году двух адептов, стащивших защиту из подсобки у магистра Гарифа, не допустили до испытаний. Теперь они учились на факультете бытовой магии ставить на жилища защиту от комаров и прочих домашних тварей (иногда двуногих). Назидательная история была рассказана Армасом со столь мечтательным видом, словно он мысленно представлял, как весь поток первоодков на уроках магического хозяйствования штопает носки и учится заговаривать швабры... в какой-нибудь другой академии.

На следующее утро мы стояли в круглом зале со множеством одинаковых пронумерованных дверей в подземелье Дартмурта. Воздух был холодным и влажным, я ежилась, растирала руки ладонями, хотя больше тряслась от напряжения. Обстановка вообще царил нервная. Народ тихо переговаривался, озирался, а наша команда утонула в тягостном молчании, как сам зал – в полумраке. Замерзшие лампы горели плохо, сильно трещали, гасли, снова разгорались, разливая жидкий желтоватый свет.

В темные времена, когда замок являлся резиденцией королевской семьи, и никто не предполагал, что его перестроят, превратят гостиные в учебные аудитории, а спальни для вельмож в общежития, и начнут учить молодых людей магии, в подземелье держали заключенных. Поговаривали, что по ночам, если посчастливится проникнуть через магические заслонки, можно увидеть призраков. Три смельчака, предпринявшие попытку забраться в квест-комнаты, после занятий драили полы бок о бок с Форстадом и его приятелями. Скорее всего они тоже пытались выполнить тайное задание академического мужского братства и нарвались на смотрителя, а не на ведьму из темной башни.

Ровно в десять утра в подземелье появился Армас в компании Гарифа, преподавателя по боевой магии. За магистрами семенил смотритель, и почему-то появился кастелян в потрепанной мантии, не иначе как решили проверять сохранность реквизита в комнатах после окончания испытания.

– Определяйте номер комнаты, господа адепты, и начинайте испытания, – поприветствовав нас, скомандовал Армас.

Магистр Гариф жестом фокусника выудил из холщового мешочка стеклянный шар размером в кулак и скомандовал:

– Чего глаза таращим, господа адепты? Не стесняемся, подходим!

Всегда считала, что ожидание грома гораздо страшнее самих громовых раскатов, и немедленно двинулась в сторону преподавателей, но остальные пятеро застыли на месте, словно предметы мебели, и не торопились первыми войти в «ворота демонического Рейнсвера».

– Торопишься, Эден? – фыркнул Илай.

– Раньше зайдешь, раньше выйдешь, – буркнула я.

Мы пошли вторыми, без колебаний подвинув по дороге команду Дживса.

– Форстад! – обрадовался магистр Гариф и протянул шар, мол, встряхивай и пусть решит случай. Но Илай в это время вдруг надумал широко зевнуть, прикрыв ладонью рот. Следом за ним немедленно зевнули и кастелян, и смотритель, и сам преподаватель по боевой магии.

– Эден, – не поддавшись всеобщей напасти, рявкнул Армас, – берите шар.

– Доброе утро, – для чего-то пролепетала я и забрала шар ледяными пальцами. Хорошенько встряхнула. Внутри за клубился белесый туман, а после загорелась цифра тринадцать. Я испуганно покосилась на остальных. Команда, похоже, меня ненавидела. Нет, половина из них меня ненавидела в принципе, но после жеребьевки как-то по-особенному выразительно.

– Удачи, – немедленно направили нас к нужной двери.

Словно разрозненные камушки мы покатались к комнате с горячей алым цветом цифрой тринадцать.

– Какой еще номер может выбрать ведьма? – мрачно бубнил Флемминг, шагая рядом. – Только несчастливый.

– В кои веки я с тобой солидарен, Ботаник, – лениво отозвался Илай.

– Зато у ведьм этот номер счастливый, – немедленно отгрызнулась я.

– Но мы-то нормальные люди, – парировал он.

– Сомнительное утверждение!

– Не ссорьтесь, – очень веско прогудел Бади, и мы действительно примолкли, но от удивления. Он так редко говорил, что иногда казалось, будто плохо владел человеческой речью.

В тесную квест-комнату, походившую на каменную коробку с деревянными полами, я входила с опаской. Внутри пахло, как на старом пыльном чердаке, набитом ветхой мебелью и сундуками с тряпками. В центре на длинной подставке стояли магические песочные часы. Дверь протяжно скрипнула и закрылась. Мы невольно оглянулись.

– Простите, – подняла руки Тильда, входившая последней.

– Кто первый входил, тот часы и переворачивает, – на ходу придумал дурацкое правило Илай.

Я так сильно нервничала, что даже спорить не стала: сделала пару шагов к подставке и перевернула часы. Песок под стеклом немедленно вспыхнул золотым свечением, первые песчинки посыпались на дно чаши.

– И что? – недоуменно проговорила Матильда.

В следующее мгновение мы утонули в крошечной темноте, словно силой громкого голоса она потушила горевшие в углах лампы. Инстинктивно я щелкнула пальцами, пытаясь высечь магическую искру и распугать густой мрак хотя бы крошечным полупрозрачным светляком, но дар не отзывался.

– Здесь заблокирована магия, – громко произнесла я.

– Знаю, – отозвался Форстад.

– Если знаешь, почему молчишь? – отгрызнулась я и вытянула руку, стараясь удержать равновесие, но вдруг уперлась в каменную стену, которой на этом самом месте раньше не было.

– А еще здесь стена.

– Об этом я теперь тоже знаю, – простонал он.

– Кто это? – раздался испуганный голос Флемминга.

– Ботаник, хватит меня щупать! – рявкнул Илай.

– Ах! Это всего лишь ты, – вздохнул он. – У меня чуть сердце не остановилось.

В голову пришла странная мысль, что другие не подают голоса. Не провалились же они сквозь землю, вернее, под деревянный пол.

– Тильда, ты где? – позвала я. Надо было бы позвать еще и Марлис, но даже совесть не могла заставить меня волноваться о благополучии лжеподруги.

– Эден, вообще голова не соображает? Мы здесь втроем, – проговорил Форстад.

– Как втроем? – не поняла я и даже оглянулась, впрочем, ничего не увидев. Хорошо, что никогда не боялась темноты, иначе бы грохнулась в обморок или уселась на пол и начала бояться, прикрыв голову ладошками. – А куда делись остальные?

В ответ из-за стены донесся невнятный женский визг. Люди по-разному реагируют на страх, кто-то орет, а кто-то наоборот теряет дар речи, но у меня не возникло сомнений, что кричала Тильда.

– Тихо! – последовал приглушенный приказ голосом Бади и вопль тут же оборвался. – Не бейся в стену, дева!

– А вот и остальные, – резюмировал Илай и постучал в стену. – Вы там?

– Какое счастье, что вы живы! – пронзительным голосом заорала Тильда. – Нас разделили!

– А то мы не заметили... – буркнул Флемминг. Вдруг с его стороны прозвучал подозрительный грохот, а потом сдавленное ругательство.

Глаза постепенно привыкали к темноте, которая больше не казалась непроницаемой. Я повернулась. Показалось, что Ботаник поднимается с пола.

– Что случилось?

– Навернулся, – пробурчал он. – Тут что-то под ноги подставили, рейнсверские паразиты... О! Сундук, оказывается, поставили.

– Посмотри, что там! – в один голос потребовали мы с Форстадом.

– Надеюсь, это фигура речи, – буркнул Ботаник, намекая, что посмотреть невозможно, разве что потрогать. В тишине было слышно, как он натужно пыхтит. Видимо, определять на ощупь удавалось плохо.

– Ты чего там ковыряешься? – не выдержал Илай через целых десять секунд ожидания.

Поразительное терпение.

– Ну, если такой зоркий, иди и сам поковыряйся, Форстад! – осадил тот и забормотал:

– Почему крышка не двигается?

– А сундук не заперт? – встрепелась я. – Давай помогу! Может, там свечи?

– Ага, с огнем!

Огрязаться я посчитала ниже собственного достоинства. Отлепилась от стены, чтобы помочь раскрыть сундук, но только качнулась в темноту, как налетела на сидящего на полу Ботаника. Он был всего лишь в жалком шаге!

– Эден, не ходи по голове! – прошипел он.

– Извини, – пробормотала я, пытаюсь сохранить равновесие, и... опираясь на ту же самую кудрявую голову, выпрямилась.

Тут или сундук сдвинулся, или просто Ботаник поднажал, но раздался глухой стук откинутой крышки о каменную кладку, и темноту вспугнуло бледное, полупрозрачное свечение, нарисовавшее на лице склоненного парня глубокие тени. Внутри лежал природный минерал, который в народе называли «ведьмин огонь».

Камни, тускло мерцающие в темноте, на свету выглядели самыми обычными булыжниками – мимо такого пройдешь и не обратишь внимания или вообще пихнешь сапогом, чтобы под ногами не мешался. Большой ценности они не представляли, не считались редкостью или диковинкой – в Арокских горах на севере королевства находили огромные валуны, издавна похожие на светящиеся по ночам зубы невиданного чудовища, рудокопы рассказывали о целых пещерах с мерцающими сводами. Поговаривали, что когда-то в этих самых горах треснула грань между мирами, и минералы были «приветом» из Рейнсвера.

– Мы нашли «ведьмин огонь»! – крикнула я, надеясь, что трио за стенкой услышит.

– Мы тоже! – крикнула Тильда, видимо, выступающая в роли глашатая, как самая горластая из нашей команды.

Форстад поднял камень над головой. Жидкий свет не распугал густой мрак, а немного рассеял.

На поверку помещение оказалось небольшим и узким, с двумя железными дверьми с решетчатыми оконцами. За ними тоже висела непролазная темнота. Вход исчез, вместо него обнаружилась глухая стена. Во время инструктажа Армас вскользь упоминал, что квест-комнаты создавали с помощью пространственной магии, и не стоило впадать в панику при появлении неожиданных предметов, перегородок или лестниц. Ничего лишнего в комнате точно не возникнет!

Обе железные двери оказались запертыми. Кое-как, договорившись с соседями, мы начали искать что-то похожее на ключ или, на худой конец, отмычку, способную отпереть замки. Правда, никто не представлял, как этой самой отмычкой пользоваться.

Поиск выходил бесплодным: приходилось ходить друг за другом, ведь свет от камня не справлялся с густым мраком, а немного его рассеивал. Неожиданно Флемминг тоненько взвизгнул и, налетев на Илая, хорошенько его толкнул.

– Ноги не держат, Ботаник?

– Ребята, там кто-то есть! – трясущимся пальцем указывая на дверь, пробормотал парень. – Своими глазами видел страшную рожу!

– Ботаник, ты темноты, что ли, боишься? – проворчал Илай.

– Не темноты, а того, кто в ней живет, – перешел он на отчаянный шепот. – И в этой темноте живет чья-то страшная рожа!

– Флемминг, – твердо произнесла я, надеясь успокоить взбесившегося умника, – поверь мне, чудовища из шкафа – это сказка. Даю гарантию!

– В шкафу чудовищ, может, и нет, но за дверью точно есть... – промычал он с круглыми от страха глазами.

Несколько минут в молчании мы обходили комнату, проверяя каждый угол, и перекрикивались с троицей за стеной, пытаясь узнать, как у них успехи. Дела у всех были, мягко говоря, паршивенько. Хуже только у Флемма: от страха он ползал на карачках и боялся поднять голову.

– Ты что делаешь? – не поняла я, когда он вдруг уперся носом мне в ногу.

– Не хочу больше рожу страшную видеть, – пробормотал он. – Пойди сама проверь!

– Воздержусь.

– Да вы заткнетесь уже?! – с раздражением рявкнул Форстад, видимо, окончательно взбешенный бессмысленным поиском.

– Не надо орать, принцесса! Ты не один, как дурак, тут ковыряешься! – немедленно разъярилась я, сама этим самым поиском доведенная до ручки. В голове даже мелькала неприятная мысль, что мы не продвинемся дальше входа и станем посмешищами всего потока, благополучно завершившего первый в жизни учебный квест.

– Он там! – вдруг объявил Форстад и повыше поднял источник разряженного света. Ключ действительно болтался на торчавшем из потолка крючке.

– Ботаник, двигай свой сундук, – немедленно приказал Илай, не сводя взгляда с ключа.

– Это не мой сундук, – немедленно начал ерепениться тот. – Почему я его должен тащить?

– Все равно на полу ползаешь, – обругал его Илай, – наклоняться не надо!

Пока они препирались, я постучала в стену и крикнула:

– Как у вас дела? Мы нашли ключ!

– У нас нет никакого ключа! – отозвалась Матильда. – Облазили все комнату. Но мы нашли палку и кусок мела... Ой! Мела больше нет! Тихоня на него наступила! Но осталась палка!

Она что-то еще говорила, но голос потонул в ужасающем скрежете передвинутого сундука.

– Проклятье! – прохрипел Ботаник. – У меня сейчас пупок развяжется! Он из железного дерева!

Железными деревьями называли вечнозеленых гигантов, растущих в реликтовых лесах на востоке Эртонии. Тяжелая древесина тонула в воде и даже крошечная табуретка весила, как иной письменный стол, но она считалась самой крепкой в мире.

Но едва Форстад забрался на крышку сундука, сколоченного из самой крепкой в мире древесины, как стенки рассыпались, и мужская фигура рухнула вниз, прелестно взмахнув руками.

– Эй, ты в порядке? – испуганно пролепетала я.

– В порядке ли я? – хрипло повторил он, медленно выпрямляясь. – Как считаешь?

– Ну, не знаю...

О том, что он вообще не в порядке Илай объяснил нецензурными словами. В пламенной речи он помянул сундук из железного дерева, Армаса из того же дерева, квест-комнату, придуманную идиотами, и почему-то меня за то, что неправильно держала ведьмовской огонь и очень плохо им подсвечивала.

– Вы чего орете, как ушибленные? – в паузе прозвучал приглушенный крик Тильды.

– Почему как?! – рявкнул он в ответ и кивнул:

– Эден, отдай камень Ботанику и иди сюда. Я тебя подниму.

Спорить не стала. Трясущимися руками Флемм принял «ведьмин огонь» и, зажмурившись, поднял его над головой. Я поставила ногу на сцепленные ладони Форстада и в одно мгновение вознеслась к потолку, но только дотянулась до ключа, как подпорку, в смысле Илая, повело.

– Стой на месте!

– Боги, Эден, зачем ты завтракала? – прохрипел он.

– Зачем ты завтракаешь? Чтобы от голода не умереть! – проворчала я и ловко сдернула ключ с крючка. Только вознамерилась выдать победный клич, как Флемминг завизжал, как истеричная девчонка, и прижал камень к груди, лишая нас единственного источника света.

– Зачем я открыл глаза?! Оно все еще там и смотрит!

От неожиданности Илай расцепил ладони. Я ухнула вниз, но инстинктивно вцепилась в его плечи, обхватив ногами за пояс, и повисла на крепком жилистом парне, как на железном дереве – не оторвешь, даже если захочешь. Однако деревом столичная принцесса не был и вдруг, теряя равновесие, начал наклоняться в сторону.

– Куда ты падаешь? – охнула я.

Мы, конечно, не упали, а просто впечатались в стену. Илай ударился плечом, а я отшибла коленку. Окутанные темнотой мы замерли, и только голос Тильды глухо звучал из-за стены:

– Вас там убивают? Всех или по одиночке? У нас есть палка!

Чем бы нам помогла палка, спрятанная за глухой перегородкой, сказать сложно. Вокруг было темно, как в могиле, и почему-то очень остро ощущалось, как крепко стискивают мужские пальцы мои бедра. Конечно, исключительно, чтобы дама не сверзилась на пол и не отбила то место, которое не стоит с размаху приземлять на каменный пол, чтобы не заработать перелом копчика. Честное слово, копчик мне нужен цельным!

– Простите, ребята, – проговорил Флемм, снова поднимая камень над головой. – Опять померещилось.

Мы с Илаем, ощущая легкий дискомфорт от неожиданно тесных объятий, благополучно расцепились и в глубоком, задумчивом молчании двинули к железной двери. Выбрали ее наобум, вставили ключ. Замок поддался, громко щелкнув. Из-за стены громко крикнули:

– У нас все открылось!

Видимо, все – это дверь, а не второе дыхание.

Вшестером мы оказались в просторной ледяной комнате, окутанной ставшим привычным мраком. Ведьмин огонь, заставлявший фигуры ребят отбрасывать длинные кривые тени, держал хмурый Бади. Девчонки жались к нему, словно котята, и диковато озирались по сторонам. Тильда воинственно стискивала руками знаменитую палку, которая больше всего походила на отломанную прямоугольную ножку стула.

– Почему Квинстад на полусогнутых? – только и спросила она.

– Скрутило, – буркнул Форстад и в сердцах высказался:

– Мозг скрутило!

– В темноте кто-то есть, – шустренько проталкиваясь между нами, Ботаник прислонился к стеночке и выставил вперед мерцающий минерал, надеясь тусклым светом разогнать густую темень. На каменной кладке возле его головы блеснула литера из старомagического алфавита.

– Видели? – оживился Илай.

– Это ребус! – выдвинула я предположение. – Надо осмотреть стены...

Вдвоем мы носились туда-сюда по комнате, выхватывая бледными кляксами света то один клочок стены, то другой. Пару минут последив за нашими бестолковыми метаниями, в гробовом молчании Бади забрал камни. Он расставил руки и принялся изображать фонарный столб, умевший перемещаться по короткому приказу. Шаг влево, шаг вправо, посвети здесь, посвети там... пошел к демонам, принцесса, я первая попросила!

Остальные развили бурную деятельность. Марлис, растоптавшая мел, захлебывалась в отчаянных попытках запомнить названные литеры, рисовала их пальцем по пыльному полу, но страшно путалась в написании. Я краем глаза подсмотрела каракули... надеюсь, что мы сможем опознать неразборчивые символы. Проклятье! Надеюсь, она сама сумеет их разобрать!

Тильда тыкала палкой в камни, как указкой, с умным видом поддакивала, однако не назвала ни одной литеры верно. Не понимаю, как она вообще закончила школу! Старомagический язык обязательно сдавали на финальных испытаниях в выпускном классе.

– Очкастая, признайся, отец подкупил наставников на экзамене? – не удержался от конструктивной критики Илай, словно прочтя мои собственные мысли.

– Сам ты очкастый! – разозлилась Тильда исключительно на обидное прозвище и прошипела:

– Очкастый
кобр
!

– Кобр? – хмыкнул тот. – Зато немышь.

– Форстад! – рявкнула я. – Притворись на пять минут немым!

– Иначе я тебя палкой тыкну! – немедленно поддакнула Матильда. – Она мне не зря дана!

– Тогда вы лишитесь единственного соображающего парня, – высокомерно отозвался он. Молчун Бади жестами умел показать больше, чем иные белобрысые придурки – голосом. Не произнося ни слова, он многозначительно повернул весь свет в мою сторону. Окунувшись в темноту, сноб был вынужден оговориться:

– Джер, старик, не принимай на свой счет.

Но – и я поверить не могу, что говорю это – он был прав: ничего толкового ждать от нашего умника не приходилось. Если бы Ботаник взял себя в руки, то в два счета разгадал анаграмму, и не позволил нам чувствовать себя полными кретинами, неспособными справиться с детской загадкой. Ладно... он всенепременно заставил бы нас почувствовать себя кретинами и даже пару раз пафосно об этом объявил. Да наплевать! Зато мы не потеряли бы драгоценное время. Но Флемму было не до глупостей, знаете ли. В гармонии с инстинктом самосохранения он пытался уцелеть в темноте!

Ребусы, загадки и прочие мелочи жизни, не относящиеся к выживанию, его волновали меньше, чем выдуманная страшная рожа. Умник жался к стене, пугливо озираясь, высматривая чудовищ, и маленькими шажками перемещался следом за бледными пятнами ведьминог огня. Только остатки гордости не позволяли ему испуганно прилипнуть к Бади, умеющему одним ударом уложить на лопатки даже магистра Гарифа (это вовсе не фигура речи, собственными глазами видела, как тот кувыркнулся на лопатки во время дополнительной тренировки по боевой магии).

От поиска меня отвлекли мягким прикосновением: кто-то осторожно дотронулся до плеча.

– Форстад, имей совесть! – сбросила нахальную руку. – Хорош меня лапать!

– Эден, у тебя кукушка сдохла? – любезно поинтересовался Илай.

Он стоял в двух шагах и просто физически не мог потискать меня со спины... Знаете, вплоть до этой минуты, я не понимала выражение «на затылке зашевелились волосы». Считала его бессмысленным и очень глупым, но вдруг ощутила, как от суеверного страха волосы зашевелились не только на затылке, но даже на макушке и на висках. Сама того не осознавая, я нервно дернула косу, проверяя, не поднялась ли та задорным рогом над головой и невольно попятилась поближе к свету, в смысле, к Бади. С ними обоими поспокойнее будет.

– А я-то считал, что галлюцинации не передаются по воздуху, – поцокал языком Илай и тут же серьезным тоном велел Ботанику:

– Не дыши на меня, иначе заразишь.

– Свали за грань, придурок! – в один голос буркнули мы с Флеммом. Потрясающее единение мыслей и талантов!

После некоторых препирательств с горем пополам мы отгадали анаграмму. Она сложилась в самое простейшее заклятье для отпираания замков из курса общей магии, такие называли «магией емкого слова». В нашем случае, это было слово «отопрись» на старомагическом.

– И куда это надо записать? – нахмурилась я.

Как ни странно, секрет разгадал Ботаник. Его голова вообще оказалась ужасно полезной, но не в том смысле, в каком должна была бы. Сначала мы по ней определили, что стена изукрашена литерами, а тут – Флемм услышал какой-то шорох, стукнулся затылком о кладку, и кирпичик, помеченный символом, с неприятным грохотом утонул в стене. Ойкнув, парень отскочил на шаг, а кирпич вернулся на место.

Переглянувшись, мы начали нажимать на камни, литера за литерой. Сначала хаотично, потом пораскинули мозгами (те из нас, кто знал старомагический и не страдал от приступа страха) и начали сдвигать камни согласно заклятью. Последний символ находился так высоко, что до него мог достать только Бади, встав на цыпочки. Он сунул минералы в руки Тильды и,

потянувшись, ударил кулаком по кирпичу. Секундой позже с грохотом отъехала часть стены, в узкой полоске чернел провал в неизвестность.

– Это еще не все? – в ужасе пробормотал Флемминг.

– Не дрейфь, Ботаник! Мы почти вышли! – судя по голосу, настроение в Илая улучшилось.

Тильда вернула здоровяку один минерал, но лишь для того, чтобы прихватить длинную палку.

Шеренгой мы двинулись в новую комнату.

– Почему я иду последним, если мне страшнее всех?! – провыл Ботаник и шустренько переместился вперед, растолкав нас локтями. Тут он осознал, что возглавил нестройную процессию, свет остался за спиной, а впереди поджидала густая, пугающая до икоты темнота.

– Почему я иду самым первым, если мне страшнее всех?!

Впрочем, он проглотил претензии, как только к потолку вознесся истеричный, полный ужаса вопль Тильды, горделиво держащей над головой один из минералов:

– Меня кто-то за ногу потрогал!

– Очкастая, не бей меня палкой! – охнул Илай. – Мне не нравятся твои ноги... Рехнулась?

Сейчас-то за что?!

Хрупкое спокойствие разлетелось, словно тонкий лед от яростного удара. Забыв об осторожности и страхе, Флемм влетел в новое помещение. Покрывлю душой, если скажу, что остальные не поддались панике и покинули комнату без спешки, наплевав, что впереди не видно ни зги. Мы с Тихоней застряли в узком проеме, не желая подвигаться. Не из ложного чувства гордости – каждая надеялась, что страшная рожа сожрет противницу первой.

– Пропусти, Ведьма! – прошипела Марлис.

– Сама дура! – не придумала я ничего поумнее.

Упирались мы до последнего, но сзади поднажала испуганная Матильда. В ужасе она размахивала палкой и камнем, рисуя в темноте длинные полосы голубоватого света:

– С дороги! Я канделябр! Мне положено заходить первой!

С палкой в руках у этого «канделябра» не поспоришь! Мы протиснулись в узком проходе.

Тихоня вылетела, как пробка из бутылки, а я зацепилась за какой-то выступ и разодрала кожаную жилетку. Между прочим, совсем новую, купленную перед отъездом в мастерской у дядюшки Эстаба, лучшего скорняка в долине. Обидно до слез!

В последней комнате обнаружилась та самая дверь, через которую мы входили. Видимо, чтобы испуганные адепты не решили, что впереди еще испытания, над притолокой зажгли номер квест-комнаты. Мол, не переживайте – вы увидели свет в конце тоннеля. Тут же на высокой каменной подставке лежал большой ключ.

– Все! – вздохнул Ботаник. – Конец! Свобода!

– Как-то очень просто... – пробормотала я себе под нос.

– Эден, не нравятся – оставайся. – Илай самоуверенно двинулся к двери... и не нашел замочной скважины. – Какого демона?

– Это еще не свобода?! – взвыл Флемм.

Я прикусила язык, чтобы не высказать какую-нибудь ироничную гадость. Судя по хитрому виду Тильды с палкой, она была готова стукнуть любую ведьму, посмевавшую открыть рот. Сразу по голове. Не дайте боги, останусь дурочкой.

По обеим сторонам двери имелись два каменных выступа. На одном стояли песочные часы в деревянном корпусе. Мелкий песок стремительно перетекал по узкому горлышку, давая понять, что время испытания неизбежно подходило к концу, и игрокам следовало поторопиться. На втором выступе была лишь квадратная выемка. Видимо, вторые часы все-таки следовало найти.

– Может, палкой в дыру потыкать? – предложила Матильда и продемонстрировала торец. – Она ведь тоже деревянная и квадратная.

Мы даже не стали комментировать, хотя, подозреваю, что красноречивое молчание лучше любых слов подсказывало подруге, что все думают по поводу предложения.

– Надо вернуться обратно. На старте осталась нераскрытая дверь, – вздохнула я.

– Я никуда не собираюсь отсюда двигаться! – немедленно заартачился Флемм. – Мне все еще хочется выйти из этого чистилища при своем уме и ясной памяти. Между прочим, я у мамы один кормилец, последняя надежда на приличную старость и не имею права бросаться в пасть к страшной роже по собственному желанию. Я очень важен!

Другими словами, бросим на растерзание чудовищам сирот из нашей команды... Знаете, я для себя тоже очень важна!

– Давайте на камень, ножницы, бумага? – немедленно предложила Тильда, видимо, справедливо полагая, что боги просто не имеют права быть жестокими к девочке в очках и с палкой, чтобы отправлять ее в страшную темноту по обратному маршруту.

– Вообще, кто ключ держит, тот его в дверь и сует, – немедленно заявил Флемм.

Мы дружно посмотрели на ключ в руках Илая.

– Удобная позиция, – фыркнул он и протянул руку к Тильде:

– Канделябр, давай камень!

– От канделябра слышу! – пихнула девушка источник бледного света.

– Бади, на стреме, – продолжал распоряжаться Форстад, строя из себя уходящего на верную гибель героя. – Не хочу никого на горбу вытаскивать... Особенно Ботаника.

– А чего сразу я? – обиженно буркнул Флемм.

Решительным шагом он направился к узкому лазу. Вдруг я поймала себя на мысли, что от суеверного страха, обхватившего грудь горячим кольцом, не могу стоять на месте. Лучше двигаться и что-то предпринимать, чем, словно ягненок на заклании, тесниться к Бади и в ужасе ожидать, когда из темноты снова надвинется страшная рожа.

– Форстад, подожди меня!

Я налетела на него, замершего в проходе, испуганно вцепилась в одежду.

– Здесь никого нет, Эден. Не сопи! – буркнул он, но неожиданно сжал мою влажную от страха руку и не отпускал, пока мы сквозь темноту, разбавленную мутным светом, решительно, смело и, кажется, чуточку безумно шагали к стартовой комнате. К слову, ни одной страшной рожи по дороге замечено не было.

С дверью мы долго ковырялись не потому, что от страха оглядывались или насакивали друг на друга от любого шороха (клянусь, всего один раз на него наскочила, но ведь не завизжала!), а просто замок проржавел. Наконец старый механизм поддался, простонал зубодробильный скрежет, точно где-то в глубине квест-пространства отодвинули тяжелый засов. Железная дверь приоткрылась, мы вошли.

Комната оказалась размером с хозяйственный чулан. Половину занимала большая деревянная кадка. На стене висела полка, заставленная пыльными банками и флаконами с загустевшими алхимическими эликсирами. Понятия не имею, какой навык наставники хотели, чтобы мы продемонстрировали, когда придумывали для закутка столь странный интерьер. Мы начали проверять полку, передвигали замусоленные сосуды, шипели на грязь, сыплющую в глаза.

– Могли бы и на подсказки расщедриться, – пробормотал Илай, с омерзением стирая с лица прилипшую паутину. – В высшей школе магии всегда оставляли свитки.

– Привык побеждать со шпаргалкой? – насмешливо отозвалась я, хотя в душе сильно позавидовала, что он уже проходил подобные задания. Что говорить, столичные школы магии сильно отличались от провинциальных.

– Эден, ты родилась злой, или тебя жизнь заставляет показывать зубы? – насмешливо фыркнул он.

– Просто, в отличие от некоторых, я не обломала их о золотую ложку.

Наверное, мы бы в очередной раз рассорились в пух и прах, но мне на глаза попались песочные часы в деревянном корпусе, спрятанные за банкой, полной крупных черных жуков.

– Нашла!

Мгновением позже пространство содрогнулось от дружного истеричного визга. Пожалуй, в слаженном хоре не звучал только голос здоровяка Джера. Видимо, визжать, как девчонка, ему не позволяла гордость, а ругаться бранными словами он не умел. Подхватив световой камень и часы, мы бросились обратно, протиснулись через лаз и в изумлении остановились.

Тильда со скособоченными на носу очками и растрепанными косами, воинственно выставяла вперед палку. Рядом Тихоня с ведьминым огнем в руках пыталась притворяться свечой.

Ботаник сидел на полу у стены и кажется подумывал потерять сознание. Бади с обескураженным видом тер лоб...

На полу лицом вниз лежал человек в черном плаще и не подавал признаков жизни.

– Вы прикончили страшную рожу?! – воскликнула я.

– Рефлекс, – коротко произнес Качок. Видимо, это можно было считать извинениями.

– А нечего высказывать из темноты! Чуть до остановки сердца не довел! – заверещала Тильда.

– Но если это кто-то из наставников следил за испытанием, а мы его грохнули? – охнула я. – С ума сошли! Его даже негде прикопать!

Проверить, кто скрывался под одеждами, никто не решился. Долгую минуту мы разглядывали несчастного и осознавали ужас собственного положения. На первом же квесте всей честной компанией мы грохнули наблюдателя! Теперь проигрыш и даже отчисление из академии – не самая наша большая проблема.

– Ребята, – держась за стеночку, Флемминг поднялся на ноги, – а давайте сделаем вид, что мы его не видели и не били. Ну... сам там споткнулся в темноте, упал, нос сломал... А?

Мы переглянулись. Предложение-то было дельное! Что случилось в темноте квест-комнаты, то остается в квест-комнате.

Вдруг человек под плащом зашевелился, глухо всхлипнул и, приходя в сознание, попытался поднять голову. Мы невольно отпрянули от тела. Секундой позже на затылок жертве опустилась злосчастная палка. Только-только ожив, бедняга ткнулся носом в каменные плиты и затих.

– Ой... – обвела нас Тильда смущенным взглядом. – Честное слово, я случайно! Рука дрогнула. Быть точнее обе руки, а заодно и все тело! Кто вообще доверил нервной даме палку?

– Боец, – пожал ей плечо Бади.

– Давайте убираться отсюда, – Илай хотел пройти к двери и поставить найденные часы в выемку, но я перехватила его за руку.

– Нехорошо... оставлять на полу, – пробормотала я. – Надо тело спрятать... В смысле, человека переложить. Он же живой. Пока.

– Ты серьезно, Эден? – возмутился Флемминг.

– Время еще есть. В чулане кадка стоит, посадим в нее. Она деревянная.

– Мягче пола? – хмыкнул он.

– Теплее.

– Я – за, – поддержала Тильда, видимо, страшно смущенная тем, что огрела беднягу по голове.

– Сама тогда и тащи! – ругнулся Илай.

Спор решил Бади. Очень ловко он подхватил неподвижное тело, перевалил через плечо, как мешок с бобами. Руки, спрятанные в широченных рукавах, болтались безвольными плетьюми, капюшон закрыл голову.

– А вы все-таки серьезно, – обреченно вздохнул Форстад, но противоречить решению Бади побоялся. Правильно, вдруг Качок и его уложит в одну бадью с жертвой? Ведь не зря люди говорят: в самых тихих рейнсверских омутках – самые отмороженные демоны водятся.

Подсвечивая дорогу ведьминым огнем, мы кое-как протолкнулись в соседний зал, добрались до чулана. Джер перекинул пострадавшего в кадку, проверил на всякий случай пульс и заботливо поправил на коленях бессознательной жертвы длинный плащ. Тильда шустренько просунула палку между сложенных безвольных рук мужика.

– Очнется и решит, что сам себе по голове настучал, – пояснила она. Со стороны выглядело так, будто он сковырнулся в кадку, поджал коленки, обнял палку и сладко уснул.

В гробовом молчании, как на похоронах, мы вышли из чулана и через узкий лаз начали по очереди протискиваться бочком в последний зал. Неожиданно тусклый свет камня выхватил из темноты силуэт странного создания с крупной лысой головой и мордой, отчасти напоминавшей человеческое лицо. Сначала показалось, что со мной сыграло дурную шутку скудное освещение. Я замерла и присмотрелась. От догадки в жилах заledenела кровь.

– В углу... – язык слушался с трудом, – рейнсверский крикун!

– Где? – Илай вытянул руку с мерцающим минералом.

На секунду мы застыли, следя за тем, как существо медленно расширяло беззубую пасть.

Глухую тишину наполнил оглушительный демонический визг. Никогда в жизни не бегала быстрее! В голове смешалось от страха, я даже не поняла, кто именно сунул в паз песочные часы. С силой толкнула дверь, но она не поддавалась, хоть лоб расшиби.

Демон-крикун, споро переставляя руки и ноги, как огромный кровожадный паук, стремительно двигался в нашу сторону.

– Открывай, дура! – взвизгнул над ухом Флемминг.

Я налегла плечом и вывалилась в маленькую освещенную комнатку с деревянными полами и песочными часами на подставке. Следом толпой выскочила команда. Даже Бади, забыв про самообладание боевого мага, в эту страшную минуту поддался коллективной панике. Парни навалились на дверь. Демон попытался проникнуть через щель, тянул длинные синюшные руки с узловатыми пальцами без ногтей, рычал диким зверем.

– Останови время! – перекивая испуганный визг Тильды, рывкнул Илай. Подскочив к подставке, я резко перевернула часы. Песок замер. Дверь вместе с крикуном исчезли, осталась только гладкая стена. Ошарашенные финалом испытания мы утонули в глубоком молчании. Парни пытались вернуть дыхание. Матильда съехала на дощатый пол и сдернула с носа очки. Очевидно, чтобы не видеть наши физиономии. Я рухнула на корточки и закрыла лицо руками. В ушах шумело, а в голове трубили ликующий клич фанфары. Не верилось, что все закончилось. Мы прошли первое испытание, никого не укололи, разве что слегка травмировали, не передрались и победили!

– Эй, ребята... – вдруг тихонечко позвал Ботаник. – Нас как будто стало меньше.

– Крикуны неплотоядные. Они только пугают, но – проклятье! – правда страшны как смерть! – неожиданно даже для себя блеснула я познаниями в рейнсверском бестиарии и быстро осмотрела комнату. – А где Марлис?

– Там. – Флемм ткнул пальцем в сторону стены, где еще с минуту назад была прорублена дверь в чистилище. – Думаете, это провал?

Глава 5. Блуждание в темноте

– Это полный провал! – Армас прохаживался перед нами, стоящими ровной шеренгой. Туда-сюда, влево-вправо, заложив руки за спину. Лучше бы он по старинке орал, как любил делать на лекциях, но он не опустил до плебейского вопля – препарировал нас этим своим невероятным холодным голосом с острыми, режущими интонациями. Удивительно, как мы не развалились на куски и не превратились в сугробы.

– Вы первая на моей памяти команда, избившая наблюдателя!

– Рефлекс! – отпартовал Бади. Он стоял по-военному: ноги на ширине плеч, руки сложены за спиной, подбородок поднят... на светлый ежик трогательно налипла паутина.

– У него сломан нос, хорошо не случилось сотрясение мозга! Какой еще рефлекс? – вкрадчиво переспросил Армас, готовый сорваться на привычный нам всем крик.

– Условный. – Джер явно был готов по-мужски отвечать за любые условные рефлексy, врожденные инстинкты и вообще так, по мелочи, если предъявят.

– Ус... условный? – словно пытаюсь перебороть немоту, с трудом проговорил Армас. Он примолк, очевидно пытался мысленно досчитать до десяти. На перекошенное от гнева лицо было страшно смотреть, поэтому я шустренько опустила голову и сделала вид, будто заинтересовалась носами пыльных ботинок.

– Главной задачей в этом испытании было обнаружить демона-крикуна и отвлечь. Чем, господа адепты, возможно отвлечь безобидного...

На этом слове я подавилась воздухом.

– Эден! – пронзил меня ледяной взгляд магистра. – Вам есть что сказать?

Я потрясла головой и притворилась немой.

– Так чем же можно отвлечь безобидного демона, жрущего одних жуков? – ласково спросил куратор.

– Жуками, – дал очевидный ответ Ботаник, и сам напугался, что вообще подал голос. Перед мысленным взором немедленно появилась большая пыльная банка с отвратительными черными жуками, которую я лично двигала, чтобы снять с полки песочные часы. Как же Форстад ошибался! Подсказок нам дали предостаточно, мы просто не сумели их прочесть.

– Ох! Господин Квинстад! Добро пожаловать обратно в мир адекватных людей, – нехорошо улыбнулся Армас. – Как вижу, при свете дня к вам обращается способность думать. Ботаник потупился. На мой взгляд, распекать человека за фобии не очень честно. Он же не виноват, что до сих пор боится темноты! Но в сложившихся обстоятельствах высказывать ценное мнение было чревато.

– Хорошо, оставим на минуту избивание наблюдателя и потасовку на выходе, ответьте мне на вопрос, господа адепты... Марлис Нави-эрн лишняя в вашей команде?

Мы смущенно переглянулись. С потерей Тихони действительно вышло не красиво. Сейчас эртонка переминалась с ноги на ногу, скромная, несколько ошарашенная окончанием испытания и заплаканная.

Едва песочные часы были перевернуты, она, как и все адепты, не успевшие выйти из лабиринта за отведенное время, через портал переместилась в зал к наставникам, внимательно наблюдавшим за командами через магические зеркала. Преподаватели видели, как Бади точным ударом уложил наблюдателя-старшекурсника физиономией в пол, Тильда добавила палкой, и мы дружно пытались скрыть следы нападения. Жаль, что не оценили впечатляющую командную работу!

– Почему вы молчите, господа адепты? – тихо спросил Армас. – На испытаниях случалось всякое, но вы оставили человека в лабиринте! На моей памяти такое тоже случилось впервые. Если провалитесь в следующем месяце, то, обещаю, я лично буду настаивать на вашем исключении. Отдыхайте, победители!

Он развернулся на каблуках и стремительно вышел из зала торжеств, оставив нас шестерых наедине с отвратительной новостью.

– А знаете что? – вдруг громко высказалась Тильда с таким видом, словно собиралась открыть новый закон мироустройства. – Я есть хочу!

– Цирк... – пробормотал Форстад и стремительно покинул «место казни», никто даже глазом не успел моргнуть.

Марлис в столовую не пришла – сразу после оглушительного коллективного провала уехала домой на выходные. Хмурый Илай предпочел команде неудачников, подпортивших его репутацию, привычную компанию приятелей и девиц с факультета общей магии. Я поняла, что пьюсь в их сторону, когда Дживс, довольный, как сожравший жука крикун, посмел мне подмигнуть. Вот гадость!

Мы четверо ели в мрачном молчании. Обсуждать испытание не возникало никакого желания, а обещание магистра выставить нас из академии висело над головой темной тучей. Как ни странно, первым заговорил молчун Бади. Он указал вилкой на очищенное куриное яйцо и спросил:

– Будешь?

Я переставила блюдо ему в поднос.

– Приятного аппетита.

В его тарелке лежали три говяжьих отбивных, маленькие сосиски, полоска жареного бекона, а в плошке пустой бульон. Четыре куриных яйца он уже прикончил. С непроницаемым видом Качок отделил белок от желтка и вернул мне сердцевину.

– Бади, как можно жрать столько мяса? – пробубнил Флемм, подхватывая вилкой фасолевые стручки, приправленные постным маслом. Кто бы критиковал, честное слово! Сам притащил полный поднос всевозможных овощей и хрумкал одну «травку».

– Белок, – емко пояснил Джер позицию по поводу еды.

– Ботаник, а ты, похоже, из этих... из вегетарианцев? – с непередаваемо презрительным видом высказалась дочь мясного магната. В голосе прозвучало столько претензии, что на месте Флемма я бы подавилась, и просто для вида начала пилить ножом сосиску.

– Против? – высокомерно спросил он, не подозревая, что оказался не только за одним столом, но и в одной команде (что было особенно опасно) с идейным врагом.

– Ничего, хрусти пока. – Она поправила очки. – Скоро мы из тебя сделаем нормального человека.

Превращать убежденного вегетарианца Флемминга Квинстада в нормального человека Тильда, видимо, планировала не раньше следующей седмицы и сразу после обеда умотала к папочке. Выходные были длинные: отдыхали целых два дня, и адепты разъехались по домам. Замок Дартмурт заметно опустел. В коридорах и рекреациях гуляло эхо, в столовой легко находились свободные места, а в общежитии воцарилась звенящая тишина, и с утра не случилось обычной очереди в помывочную. На радостях я почти полчаса намывалась косметическим щелоком.

Чистая до скрипа и благоухающая пионами, закрылась в комнате и с азартом взялась расколдовывать методичку. В общем, лучше бы вообще не мылась, все равно измазалась, как чушка.

Заниматься магией пришлось на кровати. Разложила методичку, сплела заклятье и только убрала от страниц раскрытые ладони, как в лицо ударил столб едкого черного дыма. Отпрянув

от неожиданности, до звона в ушах я шмякнулась затылком о каменную кладку и, поверженная толстой стеной, свалилась на подушку.

– Ненавижу! – обратилась к хитроумному магистру, который где-то прекрасно проводил время и понятия не имел, какие страсти разгорались вокруг его заклатья.

Скажите на милость, кому придет в голову защищать защитную магию? А Торгашу Хилди – чтоб его рейнсверский крикун с жуком перепутал, – пришло! Поверх путающего буквы заклатья он поставил второе – от взлома. Уму непостижимо!

А мне как-то надо было постичь и желательно в процессе познания не задохнуться. Можно подумать, что в методичке были зашифрованы королевские тайны, а не схемы мироустройства. Слов нет, одни непечатные буквы! Сказала бы их вслух, но каждый раз, когда нарушала зарок не браниться, обязательно случалась какая-нибудь чепуха. Хотя куда абсурднее дымовой завесы, стоящей в комнатухе? Казалось, здесь не высшей магией занимались, а сложили костер из учебников по этой самой магии и устроили их сожжение. Пришлось открыть окно. Вместе с дымом из комнатухи выходило бережно накопленное тепло.

Во второй раз я была умнее! Наученная горьким опытом, теперь не стала одним махом убирать ладони от страницы, а сначала остороженько приподняла указательный пальчик. В щелочку моментально выплеснулась тоненькая черная струйка. Впрочем, моментально заткнутая обратно... И в этот напряженный момент, когда противостояние с Хилдисом, о котором сам Хилдис даже не догадывался, достигло апофеоза (в смысле, я сидела, как дура, с прижатыми ладонями, и прикидывала, что теперь делать), в комнату принялись долбиться и орать голосом зрителя общежития:

– У тебя дым из окна идет! Занавески, поди, горят!

Божечки, принесла же нелегкая...

– Нет у меня занавесок! – громко огрызнулась я, а сама закрутила головой, пытаюсь найти, чем бы заткнуть дымовую дыру.

– Значит, зелья варишь, – оговорил въедливый старикан. – Варить зелья в общежитии категорически запрещено! Придумали тоже – шаманить в комнатах!

Чего? Я с большим интересом посмотрела на дверь. Стало ужасно любопытно, неужели адептки, наслушавшись местную пифию, начинают варить приворотные зелья, не отходя от кроватей?

– Подождите, мне надо одеться! – соврала я.

– Думаешь, не знаю, что ты прячешь котел? Выплеснешь зелье из окна – оштрафую в двойном размере, – пригрозили из коридора.

– Да не варю я ничего! – уверила я и немедленно поймала себя на странной мысли, что от горячего домашнего супчика не отказалась бы. – Просто дверцы у шкафа заело, не могу платье достать!

Что я несу?

– Ты что несешь? – тоже удивился наблюдатель. – Открывай!

Справедливо говоря, вломиться в комнату он побоялся, вдруг адептка действительно стояла в чем мать родила над кипящим котлом?

– Да чтоб вам всем пусто стало, – пробормотала я и молниеносным движением захлопнула методичку, не позволив той выпустить очередное облако дыма, разве что чуточку плюнуть. Однако черные струйки полезли между сомкнутых страниц. Чадящая, как древний гримуар по черной магии, книжечка была спрятана под подушку и накрыта одеялом.

Я распахнула дверь, молясь, чтобы старикан убрался восвояси быстрее, чем дым начнется сочиться из кровати.

– Здравствуйте, господин наблюдатель.

– Что у тебя там?

Он немедленно вытянул шею, пытаясь узреть посреди комнатенки очаг с котелком или, на худой конец, обнаружить обгорелые лохмотья занавесок. Воздух в бывшем чулане действительно оставался подозрительно сизым. Насторожившись, старик попытался сделать в комнату шаг, но я преградила путь и нахально заявила:

– Как же здорово, что вы ко мне заглянули!

– А? – захлопал он белесыми ресницами.

– Когда лампу повесите?

Упоминание о светильнике, который был обещан еще при заселении, заставил зрителя воровато оглянуться через плечо на пустой крюк в стене.

– Во время заселения обещали, что завтра, – припомнила я. – Завтра давно прошло!

– Значит, зелья не варишь и занавески не поджигаешь? – быстро проговорил зритель.

– Нет, – уверила я. – Высшей магией занимаюсь. Кстати, что насчет лампы?

– Вот уж правда! Какая высшая магия без дыма? – невпопад проговорил старик. – Все бы так себя вели в общежитии! Зелье не варит, мебель не палит – любо-дорого посмотреть.

Он споро пошаркал за поворот. Не зря тетка Надин говорила, что наглость второе счастье!

– А светильник? – чтобы уж наверняка отбить желание проверять бывший чулан крикнула я.

– Завтра! – донесся недовольный голос.

В эти выходные из моего окошка беспрерывно валил дым. Он уходил в высокое осеннее небо, украшенное полупрозрачными слоистыми облаками, однако зритель больше не появлялся. Одолеть заклятье Хилдиса, больше походившее на проклятье, не удалось, и новую учебную декаду я начинала в паршивом настроении.

– Поздравляю тебя, Ведьма! – глумливо ухмыльнулся Дживс, когда мы столкнулись в холле учебного корпуса.

– Ты наконец сваливаешь из академии? – уточнила я, давая понять, что других вариантов, почему бы ему рассыпаться в поздравлениях, просто не нахожу.

– Тебя повесили!

– Ага, и сейчас ты видишь меня в кошмаре, – фыркнула я.

– Если будут нужны деньги, обращайся, – предложил он. – Обещаю, мы договоримся.

После выходных обязательно вывешивали выговоры для особо отличившихся. Видимо, Хилдис выполнил обещание, наябедничал в деканат, и на этой седмице я попала под раздачу. Хорошо лично не вызывали! Но денег все-таки лишили, оставили девушку без осенней обуви.

Чувствуя себя ограбленной, я решительно направилась к доске объявлений и наткнулась на Ботаника.

– Захотел полюбоваться?

– Ты сейчас тоже полюбишься, – мрачно кивнул он.

На доске висел приказ о переводе адептки первого года обучения Марлис Нави-эРН на факультет общей магии. Напоследок Тихоня осталась верной себе: перевелась и никому ничего не сказала!

– Остальные знают? – тихо спросила я и, встав на цыпочки, сдернула приказ.

Вообще срывать официальные бумаги с доски строго-настрого запрещалось, но вряд ли меня оштрафуют в минус, разве что заставят махать метлой за мелкое хулиганство. Метла ведьме к лицу, поэтому как-нибудь переживу.

– Ты же в курсе, что устав запрещает воровство ректорских приказов? – поинтересовался дотошный Флемм.

– Тебя сейчас только это волнует? – буркнула я. – Нужно идти к Армасу. Если нас решат расформировать, что будем делать?

– Радоваться, – предположил Ботаник.

– Прости?

– По-моему, неплохая перспектива, – пояснил он и, получив в ответ выразительно-осуждающий взгляд, развел руками:

– Я просто пытаюсь смотреть на ситуацию трезво.

– Флемминг, можно я тебя попрошу? Прекрати пытаться.

Через десять минут вчетвером мы входили в приемную Армаса. Никому не пришло в голову позвать Форстада, не сговариваясь, все решили, что пусть он сам как-нибудь разбирается со своими проблемами. Поди, сына главы магического совета больше не обидят, переведут в ту команду, где никто не бьет наблюдателей, не грызется во время испытания и не теряет участников в лабиринте.

– Ждите очереди, – с индифферентным видом оглядев нас, резюмировал помощник. Он почесал перевязанным пальцем нос и продолжил переписывать бумаги.

Видимо, магистр был в корне не согласен с поговоркой, что в ногах правды нет. Стул в приемной был только один и его занимал секретарь. Нам пришлось притереться по стеночке, а Тильда привалилась к подоконнику с рейнсверской мухоловкой, распутившейся большими

пятнистыми цветами. Она с любопытством пригляделась к плотоядному растению и, как любопытный ребенок, попыталась сунуть палец. Из листьев, словно демонята из табакерок, выскочили фиолетовые головки и, как по щелчку пальцев, кровожадно раззявили игольчатые пальцы. Мол, наконец-то еда! Отдернув руку, подружка подвинула меня бедром и скромно встала у стеночки.

– Видишь, Ботаник, – вдруг проговорила она и, заработав осуждающий взгляд секретаря, перешла на громкий шепот:

– Даже цветочки едят мясо. И только вегетарианцы презрели главный закон выживания!

– Если ты мне сунешь палец в рот, то я тоже его укушу, – с индифферентным видом отозвался Флемм.

Мы терпеливо ждали, когда Армас освободится. Ладно, я дергалась. Перерыв подходил к концу и время поджимало. Если ребятам до кабинета старомагического языка было добираться всего один поворот, то мне предстояло нестись на полных парусах в оранжерею. А в кабинете, не догадываясь, что под дверью опаздывает на семинары целая делегация из адептов, говорили и говорили, сдержанно, тихо, как будто сердито.

Вдруг бабахнуло раздраженное восклицание голосом Илая Форстада... Да-да, того самого, которого мы не позвали выяснить, что деканат надумал сотворить с нашей командой. Какая, оказывается, приткая столичная принцесса! Юбки подобрала, туфли начистила и понеслась за себя хлопотать.

– Я выполняю все условия! Даже не отказываюсь от отработок! Почему меня вынуждают проходить лабиринты с этими клоунами? Почему не с Дживсом и Остадом?

Мы с ребятами смущенно переглянулись.

– Как понимаю, клоуны именно мы, – глубокомысленно изрек Флемм.

– Проблема в том, Илай, что ты привык управлять теми, кто тебе подчиняется! – рявкнул Армас, похоже, доведенный претензиями зарвавшейся столичной принцессы до дрожания века.

– Не нравится команда? Убирайся с факультета! Успешно проходить испытания можно и вчетвером.

– Видимо, это означает, что нас оставляют, и компания Дживса мне не грозит, – вздохнула я. – Пойдем на занятия?

Уйти мы не успели. Дверь в кабинет магистра распахнулась от грубого тычка в приемную, как пробка из бутылки вылетел Илай с перекошенной от ярости физиономии. Он резко остановился, словно наткнулся на невидимую стену. Обнаружить всю команду клоунов, с которой ему до конца года предстояло участвовать в «цирковых представлениях», белобрысы явно не рассчитывал. Лицо мигом окаменело, но взгляд выдавал кипевшую злость. Думаю, не меня одну посетило желание врезать Форстаду каким-нибудь заклятьем.

– Можете заходить, – гостеприимно махнул рукой помощник, не догадываясь, какая безмолвная трагедия разворачивалась у него под носом.

– Спасибо, мы уже все услышали, – проскрипела я и сама первая покинула приемную, чтобы не устроить магическую драку прямо под носом Армаса. Внутри дрожало от негодования. Было обидно и за себя и за ребят. Странное чувство – никогда не пеклась о других. Но если остальные пошли зубрить старомагический язык и лишь мысленно посылали в сторону Форстада ругательства, то мне предстояло полтора часа лицезреть его физиономию на занятии по флоре и фауне Рейнсвера.

В Дартмурте и его окрестностях буйным цветом полыхал сезон листопадов. Деревья пылали разноцветными факелами, ухоженные силами адептов газоны превратились в желтый ковер, кое-где запятнанный зелеными островками. Воздух был прохладным, ветер приносил из-за замковой стены запах костров и сухих опавших листьев.

Осень всегда вызывала глубоко внутри странную острую меланхолию, гасившую остальные эмоции, но главный источник ярости дышал мне в затылок.

– Эден, постой! – позвал меня Илай, когда мы друг за другом шагали по тропинке к длинному стеклянному строению с высокой остроугольной крышей. Я притворилась глухой и показательно хлопнула дверью оранжереи прямо у него перед носом.

Воздух в оранжерее был насыщен сочными цветочными ароматами и зелени. Кусты и растения реагировали на движение: выставляли листья, словно просили о ласке, зазеваешься – цеплялись за ноги длинными гибкими лозами или пугливо прятали яркие цветы, резко закрывая бутоны. Дребезжащий голос магистра Ранора, преподавателя по флоре и фауне параллельного мира,

доносился из-за огромного куста, со стороны похожего на облепиху с тонкими ветками, густо облепленного оранжевыми ягодами.

– Ягоды растения шай ядовиты, а шипы оставляют незаживающие царапины... – вещал он.

– Эй, Эден! – злой, как рейнсверский игуанодон, Форстад схватил меня за руку и заставил развернуться. – Ты чего как с цепи сорвалась?

– То есть клоунов в цирке тоже сажают на цепь? – огрызнулась я в ответ. – Или в труппе я ручная мартышка?

На секунду Илай опешил, но быстро справился с эмоциями, и уголок его рта дернулся в знакомой и неприятной улыбке.

– Задело за живое?

– Нет, просто стало любопытно, кто ты в нашем цирке? На дрессировщика не тянешь. Значит, уродливый клоун?

Он скрипнул зубами и очень буднично попытался затащить меня под соседний куст, который не был «шай», не оставлял колючками незаживающие царапины и напоминал густую сирень.

– Ты что творишь, убогий?!

– Очень хочу поговорить, – процедил Илай, как-то легко подавив сопротивление.

– Я что-то не настроена на воркование в кустах.

– Повезло, потому что я тоже!

Ветви сомкнулись за спиной парня, образовав уединенный альков.

– Я урод? – очень тихо, но с угрозой проговорил Илай.

– Заметь, это не я сказала!

– Другими словами, – пропустил он шпильку мимо ушей, – это я в лабиринте жался по стенам, бил наблюдателя, создавал видимость бурной деятельности, притворялся предметом интерьера и тупил?

– Говоря тупил, ты намекаешь на меня, верно? – сквозь зубы уточнила я.

Он пожал плечами, мол, если понимаешь, зачем переспрашиваешь.

– Божечки, и как сына главы магического совета угораздило влипнуть в команду неудачников.

Папины связи подкачали?

– Папины связи? – Улыбка Илая показалась на редкость неприятной, видимо, упоминание об отце его задело. – Забери слова назад, Ведьма!

– Правда глаза колет?

– Хочешь правду? Я белое – вы черное, я позитив, вы – негатив, я мажор, вы – минор, но несовместимы мы по другой причине. В отличие от вас, я никогда в жизни не был неудачником!

– У меня есть новость, мажор. Прошу, не расстраивайся, когда услышишь. В таверну к моей тетке может завернуть только последний победитель по жизни!

Мы стояли нос к носу, вернее, мой нос почти утыкался в кадык Форстада, и приходилось запрокидывать голову, чтобы посмотреть в злые светлые глаза. Я поднялась на цыпочки, стараясь сравнять рост, и веточка вытащила из прически большой «петух».

– Что, хочешь меня ударить? Может, запустить пульсаром?

– Ты сейчас, что ли, на цыпочки встала? – супротив подначкам Илай неожиданно вернул спокойствие, в глазах засветилось веселье. Дескать, Ведьма, ты страсть какая милая дурочка.

– Завидуешь, что умею?

Неожиданно кто-то потрогал мою лодыжку. По инерции я пнула чужую нахальную клешню, а потом уже додумалась посмотреть вниз. К туфлям стремительно подползали живые зеленые ветки, похожие на щупальца.

– Какого...

Секундой позже нас с Илаем крепко-накрепко связало по поясу и притиснуло друг к другу.

Пискнуть не успела – хотя разве что пискнуть – ноги оказались примотаны, руки сцеплены.

Куст нас спеленал с ловкостью прирожденного разбойника и превратил в зеленый стручок!

Я прижималась к злейшему врагу всем телом и пыталась освободиться, но чем больше трепыхалась, тем сильнее стягивались ветви-путы. Два мага, умеющие создавать заклятья разрушения, что называется, без рук, стояли намертво связанные и боялись колдовать.

Попробуй, уничтожь паршивого травянистого агрессора, и следующий приказ, который вывесят на доску в холле учебного корпуса, будет приказ об отчислении.

Что сказать? Хорошо рейнсверские кусты устроились в Дартмурте!

– Эден! – зло прошипел новоявленный мажор.

– Что?!

– Прекрати елозить!

– А ты не трись об меня!

Внутренне я смирилась, что на щеке отпечатается след от пуговицы, пришитой к прятанному под мантией пиджаку Форстада, но только притихла, как в лицо начал тыкаться любопытный зеленый усик, тоненький, дрожащий и колючий. Отогнуть настырного пристава было невозможно, разве что отплевывать и сдувать.

– Не сопи, – проворчал Илай.

– Может, мне вообще не дышать?! – огрызнулась я. – Что будем делать?

– Позориться, – буркнул он.

– Нас пленил куст! Куда уж больше-то?

– Есть куда, поверь мне. – Илай на секунду задержал дыхание, а потом крикнул:

– Магистр Ранор, спасите наши души! На нас напал куст!

– Божечки, – пробормотала я, закрывая глаза, – и этот человек утверждал, что никогда не был неудачником.

Души и все, что к ним прилагалось и сейчас чувствительно прижималось разными частями, пришли спасать не сразу. Видеть, как магистр раздвигал кусты, я не могла, но живо представила ехидную улыбку на морщинистом лице. Группа удивленно зашептала и захихикала.

– А это, господа будущие хранители магии, растение, которое носит название «арауст», – зазвучал дребезжащий голос Ранора, без зазрений совести превратившего чужой конфуз в лекцию. – Произрастает в рейнсверских пустошах, где скудная глинистая почва не располагает к росту и цветению. Знаете каким образом это чудесное создание выживает в сложных климатических условиях?

Не знаю, как выживает куст, но если магистр хотел, чтобы мы не загнулись в объятиях рейнсверского «чуда», то стоило поторопиться. Рук я уже не ощущала!

– Он захватывает жертву длинными усами, – продолжал преподаватель, – впрыскивает яд через острые шипы на женской лозе и превращает добычу, так сказать, в удобрение. Не переживайте, на нашем экземпляре женские лозы постоянно удаляются.

– Счастье-то какое, – едва слышно пробормотала я. Понимаете, ехидничать насчет кровожадной мухоловки, мечтающей оттяпать человеку палец, и вдруг оказаться главным блюдом у ее собрата – разный коленкор.

– По крайней мере, я искренне надеюсь, что в прошлом году их не забыли подрезать, – задумчиво добавил он. – Возможно, кто-нибудь знает, как спасти жертву арауста?

– Пристрелить из арбалета, чтобы не мучилась? – предложил кто-то.

Илай выдохнул мне в макушку и... промолчал, с достоинством перенося унижение.

– Господа пленники арауста, – ласково позвал Ранор, – может быть, у вас есть ответ?

Знали бы, как распеменяться, не уничтожив заросли, разве стояли бы, словно большая гусеница, на потеху всему честному народу? Никогда не чувствовала себя такой жалкой.

– Нет, магистр, – ответили вместе, нестройным дуэтом.

– Облить водой! – с торжеством в голосе объявил он.

Какая... потрясающая новость! Похлопала бы в ладоши, да крепко связана.

В общем, если я считала, будто оказаться плененной кустиком, да еще в обнимку с Форстадом, смертельный позор, то это потому, что на нас не успели выплеснуть ведро ледяной воды, подозрительно пахнущей алхимической подкормкой.

С озверелым видом я тыкала овощи на тарелке вилок и представляла, что вонзаю зубцы в грудь Форстада. К ужину анекдот о том, как какую-то блудливую парочку, занимавшуюся непотребностями в оранжерее, победил плотоядный куст, облетел всю академию. История обростала придуманными подробностями и деталями, в которых, к счастью, затерялись имена главных героев.

– Спокойствие, – многозначительно проговорил Бади, когда кусочек топиамбура отскочил на стол.

– Извини, – вздохнула я, а потом сорвалась:

– Знаешь, как Форстад про нас сказал? Мы минорные неудачники, а он мажор. Мажор! Демоны его раздери!

Тут к столу подлетела Матильда, шарахнула поднос с едой, заскрипела стулом по полу. Бади быстро приложил палец к губам, мол, молчи о новоявленном мажоре, не обострай.

– Я сходила к Тихоне, – усаживаясь, заявила Матильда. – Больше никогда – слышите! – никогда не упоминайте при мне ее имя. Табу, запрет! Даже на прозвище.

Мы согласно кивнули. Качок вообще был не склонен к душевным беседам, долгим тирадам и обсуждению местных сплетен, а я не упоминала имя предательницы всеу.

– Нет, вы подумайте! – закипала Тильда, и казалось, будто две косички встают дыбом. – Знаете, что она мне заявила? Что не желает вылетать из академии из-за кучки идиотов! Она считает, что нас отчислят! Всегда знала, что эртонцы ненавидят людей в очках.

Она начала сердито жевать, не уточнив, причем здесь люди, страдающие слабым зрением, и что именно против них имеют жители соседнего королевства. По молчаливому согласию с Бади, переспрашивать мы не стали, чтобы не провоцировать словесные излияния. Так и ели в молчании, пока в компании собратьев по историческому клубу в столовой появился Флемм. В приподнятом настроении он уселся с нами. Хорошее настроение у Ботаника случилось настолько редко, что мы дружно переглянулись и сильно напряглись. Понимаете, если в умнике, считающем себя ни больше, ни меньше, а гением, вдруг проснулся неудержимый позитив, то для нормальных людей это вполне могло обернуться каким-нибудь грандиозным учебным проектом.

– Ребят, вот умора! – Он полез в кожаный портфельчик, с которым ходил на занятия. –

Слышали о двоих из-под куста?

Я почувствовала, как меняюсь в лице. Есть окончательно расхотелось.

– Гляньте! Шедевр! Мы с парнями чуть животы не надорвали.

Он продемонстрировал большую листовку, разделенную на разновеликие квадраты.

Неизвестный автор дотошно обрисовал сцену в оранжерее, для пущего ехидства добавив кое-что от себя. Этакая графическая повесть, сделавшая самый унижительный момент моей жизни общественным достоянием.

На первой картинке мы с Форстадом страстно обжимались. У меня была задрана юбка, виднелись трусы в горошек, на макушке восторженно топорщился большой бант, а лодыжку уже оплетала гибкая ветвь, похожая на щупальце (к слову, у куста были глаза с длинными ресницами и зубастая пасть). На следующей мы, словно огромное осиное гнездо, болтались вверх тормашками. Бантик развязался и свисал неряшливыми полосками. Унижительный момент с ведром мутной водицы и хихиканьем магистра тоже не пропустили. В конце мы сидели на земле, мокрые, пристыженные и очень печальные.

– Обхохочешься! – развеселилась Тильда. – Ведьма, у тебя же сегодня занятие в оранжерее проходило, ничего не слышала?

– Ну... – я низко опустила голову, чтобы друзья не заметили пылающие щеки.

– У ребят черепица обвалилась! – окончательно распоясался Ботаник. – Кто вообще будет заниматься сексом под плотоядным кустом?

– Так, может, они и не занимались?! – сама от себя не ожидая, выпалила я, хотя любой адекватный человек, оказавшись он главным героем карикатуры, прикусил бы язык.

Сотрапезники моментально смолкли, вперили в меня вопросительные взгляды, даже Бади смотрел с неподдельным интересом. Они ждали. Я молчала, поклявшись, что не признаюсь в позоре даже под пыткой.

– Только не говори, что это ты, – указав пальцем на рисунок, после долгой многозначительной паузы недоверчиво протянула Тильда.

– Правда ты? – охнул Ботаник.

Вы когда-нибудь видели ошеломленного зануду, вечно ходящего с пресной миной, словно от необходимости дышать одним воздухом с плебеями он страдает тяжелым несварением? А мне прямо сейчас довелось. Зрелище не для слабонервных.

– Да у меня даже трусов в горошек нет! – рявкнула я и, вскочив из-за стола, подхватила поднос:

– Еще заклятье учить и доклад по истории писать. Пошла...

Злая, как разбуженная среди зимы рейнсверская горгулья, я шагала в общежитие. Внутри кипело. В таком состоянии не то что заниматься высшей магией, даже приснопамятный доклад по истории чревато писать – обязательно психанешь и что-нибудь развеешь пеплом!

Широкий подоконник в самом центре перехода в жилое крыло оккупировала знакомая компания с Дином Дживсом и Троем Остадом. Народ разглядывал издевательскую листовку, видимо, ставшую главным развлечением сегодняшнего вечера, и гоготал. Гуси, честное слово, а не парни! Уверена, что парочке прихлебателей было известно, кто являлся главным героем оранжерейного приключения, но даже угроза оказаться отлученными от тела столичного мажора не мешала им глумиться над графической новеллой.

– Эй, Ведьма! – позвал Дживс. Подозреваю, в академии случился бы еще какой-нибудь катаклизм, если бы он не обратил на меня внимания и не попытался довести до состояния озверелой мухоловки из кабинета Армаса.

– Дживс, клянусь, я готова покусать любого, кто сейчас откроет рот и плохо пошутит! – рявкнула я, проходя мимо.

И кто-то толкнул меня в спину! Нагло, беспардонно и на редкость подло. Я должна была уткнуться носом в пол, но с большим удивлением обнаружила себя на винтовой лестнице в одной из башен Дартмурта.

На стене, как свихнувшийся, трещал живой светильник, а на расстоянии вытянутой руки, привалившись к каменной стене, стоял Илай Форстад.

Илай курил и не видел меня. Его лицо было непроницаемым, а глаза пустыми и безразличными. В полутьме пронзительно ярко вспыхивал кончик самокрутки, однако едкого запаха табачного дыма почему-то не ощущалось.

– Почему ты так поступаешь? Нам ведь было хорошо! – звенел женский голос, словно доносившийся со дна глубокого колодца. Оказывается, в башне Илай прятался не один – ступенькой ниже, съезженная и трогательно жалкая, шмыгала носом знакомая блондинка.

– Хорошо, – согласился он.

Девушка оживилась, подалась вперед.

– Но невыносимо скучно, – добавил этот гад.

Плечи блондинки снова поникли.

– А с ней весело?

– Нет. – Илай знакомо усмехнулся уголком рта. – Вообще не весело. С ней интересно.

Неожиданно взгляд прояснился, и прямо перед собой я обнаружила перекошенную физиономию Дживса. Он стоял так близко, что можно было разглядеть пробившуюся к вечеру редкую щетину на подбородке и прыщик под носом. А еще он тряс меня за плечи.

– Ведьма, ты рехнулась? – Слух наконец-то вернулся. – Ведьма!

Ой! Кажется, меня все-таки искусал агрессивный куст в оранжерее, и теперь я превращалась в удобрение для скудной почвы рейнсверских пустошей. Другого объяснения, почему сознание накрыло престранной галлюцинацией о личной жизни мажора, просто не находилось. Надо срочно принять противоядие!

– Дживс, убери от меня потные лапы.

– Они не потные!

Он быстро спрятал руки за спину, вызвав в приятелях приступ издевательского смеха. Когда я с гордо поднятой головой зачастила в сторону общаги, отчаянно стараясь не перейти на спорую рысцу, Дин выкрикнул в спину:

– Застыла посреди коридора! Чокнутая!

– Я все услышала и запомнила!

Конечно, никакого спасительного зелья у меня не имелось, а идти в лазарет и признаваться, что являюсь прямой нашумевшей любовной трагедии, было унизительнее, чем стоять под голодным араустом. В общем, я успешно убедила себя, что местные снадобья точно помогают от превращения в подкормку, и, добравшись до комнаты, первым делом вытащила из стенного шкафа ящичек с аптекарскими снадобьями.

Стратегический запас на случай глобального конца света и прозаичного недомогания, прямо сказать, разнообразием не впечатлял: средство от несварения, головной боли, успокоительное, остро пахнущее валерьянкой, жаропонижающий эликсир и густой сладкий сироп подорожника на самом дне флакона. Вообще сироп принимали от кашля, но полутруп, в коего я, по всей видимости, превращалась, он хуже точно не сделает. Глядишь, даже оживит!

В помутнении рассудка (иначе не скажешь) я проглотила по глотку каждого снадобья. Выпила бы еще чего-нибудь, но из непринятого остались лишь жестяная коробочка с мазью от ожогов и темная бутылочка с согревающей растиркой, а меня не настолько прихватило отчаянье, чтобы употреблять внутрь то, что следовало мазать наружу.

Аптекарские зелья сделали черное дело. Через десять минут я провалилась в мертвецкий сон, как в бездонную кроличью нору. Не успела ни раздеться, ни потушить лампу, только открыла учебник по высшей магии. С ним-то в обнимку и проснулась на рассвете, страдая от жажды и жутчайшего похмелья.

К началу занятий головная боль притупилась и из висков переместилась в затылок.

Удовольствие, мягко говоря, сомнительное, но по крайней мере исчезло настойчивое желание разбить лоб о стену. По дороге на лекцию я попросила Тильду подождать и без стеснения с большим удовольствием припала к ледяной струйке, бьющей из питьевого фонтанчика.

– Не понимаю, почему ты одна мучаешься от похмелья? – философски заметила подруга.

– Потому что вчера ты не смешала сироп подорожника и валерьянку, – проскрипела я. –

Божечки, так и знала, что сироп испорченный!

Перед мысленным взором немедленно появилось лицо Илая Форстада из видения, замкнутое, почти жестокое, совсем незнакомое.

Привидится же!

Снова жадно припала к фонтанчику, пусть от ледяной воды мозги замерзнут и перестанут думать. Все дело в усталости, а я себя в удобрения списала и уничтожила половину стратегического запаса снадобий. Вот случится конец света, что делать без сиропа подорожника? Помру же при первом катаклизме!

Как там говорят умные люди? В здоровом теле здоровый дух! Надо больше спать, почаще выходить из академии, держаться подальше от раздражающих белообрисых мажоров, поменьше бороться с непобедимой методичкой Хилдиса и бегать по утрам. Точно! Бег – эликсир от всех неожиданных закидов подсознания. Бади каждый день в любую погоду наворачивает круги по полигону. Поди, его посреди коридоров странные видения не накрывают...

– Если ты хотела впасть в кому и забыть о вчерашнем позоре под кустом, то стоило прийти к подруге и попросить бутылочку с облепиховой настойкой, – рассматривая короткие полированные ногти, проговорила Тильда.

– Говорю же, это не я!

– Конечно, – кивнула подруга со столь серьезным видом, что издевку сразу не распознаешь, – помню. У тебя нет трусов в горошек. Кстати, как Форстад отреагировал на картинку?

– Откуда мне знать? – сварливо буркнула я, подхватывая учебники с мраморного бортика фонтанчика. – Мы по утрам записками не обмениваемся.

На балконе главного холла столпился возбужденный народ. Гам и хохот стояли, как на петушиных боях, которые всегда устраивали на большой весенней ярмарке в восточной долине. Пробравшись к балюстраде, мы с Тильдой посмотрели вниз.

Окруженные тесным кольцом адептов в холле, под свисавшими с потолка стягами Дартмурта, драли друг друга за волосы блондинка из вчерашней галлюцинации и незнакомая брюнетка.

Вокруг них прыгал кастелян, не понимая, как развести сцепившихся, точно бойцовые кошки, скандалисток. Они что-то орали, но голоса терялись в гуле сочувствующего зрительного зала.

– На три вещи можно смотреть вечно: на мешок денег и на дерущихся красоток с факультета общей магии, – философски прокомментировал парень слева.

– На две, – поправила я.

– Чего? – высокомерно изогнул он брови.

– Ты назвал только две вещи, какая третья?

– Значит, на две, – часто заморгал он и состроил пресную мину. Мол, откуда ты взялась такая умная, ведьма подзаборная.

– Что-то мне это напоминает, – с подозрением протянула Тильда.

– Даже причина та же самая, – многозначительно кивнула я, давая понять, что девчонки не поделили нашего дорогого мажора.

– Как думаешь, чей хвост крепче? – поинтересовалась Тильда.

– Блондинки, – уверенно предсказала я. – Жаль, ставки не принимают.

– Что за непристойный бедлам?! – голос Армаса, усиленный магией, прокатился над толпой и словно всколыхнул волну теплого воздуха, остро пахнущего высшей магией. Длинный стяг сорвало с крючков. Вышитым половиком он покрыл окаменевших в нелепой позе под заклятьем паралича соперниц, бившихся до первого выдернутого клока волос.

– Все на занятия! – Магистр, легко осадивший драку, неторопливо, даже с ленцой, спускался по широкой лестнице. Народ начал быстренько покидать «арену».

– Ну вот, – буркнул недовольно все тот же парень слева, – пришел и испортил все веселье.

– Пойдем, – позвала я Тильду...

С Илаем мы увиделись только на лекции по истории. Он уверенно пересек аудиторию, явно нацелившись на свободное место рядом со мной. Молча положил на стол блокнот для конспектов, припечатал сверху толстым учебником в кожаном переплете с металлическими уголками и опустился на соседний стул. Ничтожное расстояние никак не отвечало моему новому зарку держаться подальше от раздражающих белобрых мажоров.

– Отсыдь, – тихо произнесла я, не повернув головы.

– Свободных мест нет, – сухо отозвался он.

После длинного перерыва адепты не успели вернуться из столовой, половина учебной комнаты пустовала. Устраивайся, где душенька пожелает, хоть под нос магистра, хоть возле открытого окошка и глазей всю лекцию на цветущие осенними красками окрестности Дартмурта.

– А ты найди. Не хочу, чтобы нас видели вместе. Твои болонки сегодня слишком агрессивные, а скандал с кустом еще не покрылся пылью.

– Здесь нет кустов.

– Да, но и запасных волос я в шкафу не держу.

– Меня компания устраивает.

– Ладно, я не гордая, могу и сама пересесть.

Что и сделала, выбрав стол перед преподавательской кафедрой.

Занятие прошло традиционно скучно. Историк умел усыплять даже тех, кто мучился многолетней бессонницей. Его бы с лекциями на пару дней к тетке Надин, мигом излечилась бы! Я с трудом держала глаза открытыми и вздохнула с облегчением, когда в магических часах иссяк песок, а по аудитории разлетелся ревущий заставлявший морщиться сигнал. Подозреваю, что магистр догадывался об успокоительно-отупляющем эффекте его лекций на нервную систему молодых талантливых магов и специально заколдовал часы, чтобы они были способны разбудить даже впавшего в зимнюю спячку огнедышащего дракона.

Я собирала вещи, когда, проходя мимо, Илай опустил на стол стопку исписанных листов. Не говоря ни слова, с непроницаемым видом он направился к раскрытой двери в оживший, постепенно заполнявшийся людьми коридор.

– Что это?

– Белый флаг, – бросил мажор через плечо и неторопливо вышел.

Тяжело вздохнув, я взяла писанину в руки и почувствовала, как меняюсь в лице. Аккуратным, разборчивым почерком он переписал главу из методички Хилдиса, которую нам предстояло разбирать на следующем занятии. Все чинно, четко, понятно: абзацы аккуратно отделены, схемы вселенных нарисованы, как по линейке. Кое-где чернила еще не высохли, видимо,

копированием он занимался на протяжении всей лекции по истории. Я растерянно посмотрела на опустевший дверной проем и вдруг осознала, что тоже готова выкинуть белый флаг. После занятий Тильда предложила устроить девичник в городе. Осень разменяла второй месяц, темнело рано, и вечера, пахнувшие опавшей листвой, были холодными. Выходить из теплого замка не возникало желания, но, если Матильда Юри решительно настроилась причинить кому-нибудь добро, она непременно его причиняла. Пришлось напомнить себе о зарке выбираться из академии, приодеться и распустить волосы. Я натянула пальто, обмотала шею толстым вязаным шарфом, подаренным поварихой Бринни, большой рукодельницей, и спустилась в холл общежития.

Внизу обнаружился Джер Бади при полном параде.

– На девичник? – на всякий случай уточнила я и, получив согласный кивок, вздохнула:

– Кто бы сомневался...

Потом из соседнего крыла, застегивая на ходу пальто, появился взлохмаченный недовольный Ботаник и недобро зыркнул в нашу сторону.

– И ты на девичник, – резюмировала я.

– Вам заняться вечером, что ли, нечем? – простонал он.

– Это – командообразование, – с непередаваемым спокойствием напомнил Бади о необходимости налаживать контакт, а заодно подавил «бунт на корабле».

Наконец появилась Тильда, опоздав почти на пятнадцать минут. Вместо белых бантов в косы были вплетены кроваво-красные. Видимо, она никак не могла выбрать цвет ленточек и забыла о времени.

Мы вышли из здания общежития.

– У тебя такие странные представления о девичнике, – едва слышно заметила я Тильде.

– Телохранитель. – Она указала на широкую спину Качка, а потом ткнула пальцем в сгорбленного как старичок Ботаника с покрасневшими от холода ушами:

– За компанию.

«За компанию» что-то недовольно буркнул под нос и, сунув руки глубоко в карманы пальто, засеменял к открытым кованым воротам. По всему было видно, что Флимминга из зала для самостоятельных занятий вытащили за шкуру, а он упирался и вообще в гробу видел компанию людей, не способных четыре часа кряду обсуждать историю магии и предпочитающих на ужин мясо, а не зеленую фасоль на пару.

– Как ты его уговорила? – тихо спросила я у Тильды.

Ботаник споткнулся, оказался вовремя подхвачен «телохранителем» и забормотал сдавленные ругательства.

– Ты еще не поняла? Обаянию Бади противиться невозможно, – промурлыкала она с громкостью кошки, которой наступили на хвост.

В излюбленной таверне адептов Дартмурта было жарко,людно и шумно. Подозреваю, что местные сюда вообще не совались, чтобы не связываться с загулявшими неопитами. Одну стену хозяин позволил превратить в «доску объявлений». На нее привешивали записки, нашлась парочка прошлогодних нелепых приказов ректора и листовки с издевательскими иллюстрациями Дартмуртского неизвестного художника. «Трагедия под кустом» уже занимала почетное место поверх других посланий. Да еще стол нам достался аккурат под ней. Каждый раз, когда я поднимала голову, утыкалась взглядом в издевательские рисунки и скрипела зубами. Глаза бы мои не видели!

Подавальщицей оказалась моя соседка по этажу, мы частенько по утрам зевали в одной очереди в помывочную кабинку. Она расставила кружки с медовым хмелем, кое-какую закуску, подмигнула Бади, который не заметил заигрываний или сделал вид, будто не заметил, и унеслась убирать освободившийся стол.

В зале появилась шумная компания парней-старшекурсников. Илай был среди них. Вот уж кого не ожидала встретить за воротами Дартмурта, учитывая, что домашний арест никто не отменял. Снимая кожаные перчатки, он высокомерно осмотрел шумный зал, скользнул по мне быстрым невидящим взглядом и вдруг недоверчиво повернул голову. Пока я мысленно гадала поздороваться или проигнорировать, Форстад что-то сказал приятелям и, на ходу, разматывая шарф, до смешного похожий на тот, что подарила мне Бринни, направился к нашему столу.

– Все обязаны подчиняться правилам и кое для кого их редактируют, – вымолвил Ботаник, намекая на самоволку арестованного.

– Сяду? – Илай немедленно опустился, нахально отвоевав кусок скамьи рядом со мной. Он пах холодной улицей и приятным благовонием, убранные с лица светлые волосы открывали высокий лоб. Я вдруг вспомнила исписанные аккуратным, разборчивым почерком страницы и поняла, что больше не могу сыпать гадостями, когда мажор появляется в поле зрения.

– Не боишься подпортить реноме, разговаривая с клоунами? – по обыкновению на весь обеденный зал прокомментировала Тильда в нашем стане отщепенца.

– Я могу извиниться, – с непередаваемой спесью заявил Илай, давая понять, что извиниться-то он может, но мнения не изменит.

– Твои извинения что-то исправят? – буркнул Ботаник и сделал большой глоток медового хмеля, даже не заметив крепости, словно прихлебывал столовый отвар из сухофруктов.

– Сносной команды они из нас точно не сделают, и через месяц мы снова провалимся. На некоторое время за столом воцарилось молчание. Никому не хотелось думать об отчислении, которое неизбежно последует за провалом. Конечно, может быть, пронесет, если какая-нибудь команда напорочит сильнее нас пятерых.

– Но извиниться все-таки следует. Правда, Ведьма? – как всегда подруга ловко вернула в разговор мое имя.

Я в это время подумывала заползти под стол, старательно избегала поворачивать голову в сторону Форстада и как-то по особенному остро ощущала, что наши колени соприкасались.

– Он прав, – через неприлично долгую паузу выдавила я. – Нам надо научиться взаимодействовать, потому что у меня нет никакого желания в следующем месяце собирать вещи и возвращаться домой.

– Мы прекрасно взаимодействуем, – принялся спорить Ботаник. – Сидим в притоне и взаимодействуем, а лучше бы устроили групповое чтение.

Я подавилась на вздохе.

– Ты же не имел в виду ничего... странного? – уточнила Тильда.

– Да ладно, ребят! – развел руками Флемминг. – Никогда, что ли, не участвовали? Все садятся в круг, зачитывают главы из книги, а потом обсуждают. Понимаете? Разговаривают, точку зрения высказывают! У вас вообще нет своей точки зрения?

На некоторое время за столом возникла странная пауза.

– Илай Форстад... – выразительно кивнул Бади, – излагай.

Каждый раз, когда Качок заговаривал, веско, коротко и обязательно по делу, мы удивлялись настолько, что переставали ссориться и нести чушь.

– На выходные спустимся в лабиринт, – объявил мажор. – Я договорился.

– Это запрещено! – возмутился Флемм.

– Ботаник, насколько я понимаю, единственная мышь, способная втихую донести на ближнего, от нас сбежала.

– А если нас поймают? – не унимался тот.

– Ты вообще никогда не нарушал правила? Попробуй. Мама далеко и не узнает.

Илай поднялся, но, прежде чем вернуться к друзьям, сдернул со стены рисунок об оранжерейном позоре. Никто не прокомментировал неожиданное нападение на картинку, но, по всей видимости, выводы сделали.

– Кстати, Эден, – обернулся он, – тебе идут.

– Что?

Его глаза смеялись.

– Волосы.

– Мажор, свали за грань, сделай милость, – немедленно ошетилилась я, впрочем, без обычного воодушевления. Этой своей переписанной начисто лекцией по мироустройству Форстад словно навел порчу: у меня решительно не находилось силы воли на него хорошенько разозлиться.

Препираться без огонька было невесело.

– Я просто свалю за соседний стол, – предложил он.

– За грань!

– Ведьма.

Он посмел широко, открыто улыбнуться! И показался как будто симпатичным... Чур меня!

– Определенно мы о вас чего-то не знаем, – вздохнула Тильда, когда источник всеобщего раздражения наконец отчалил. – Мы твои друзья, Аниса, признайся, в оранжерее вы опозорились?

– Говорю же, это были не мы... не я! – окончательно запуталась. – Не мы, короче!

– Ну да, а Форстад сорвал листочек из любви к искусству, – хмыкнула подруга. – Я вижу вас насквозь. И не смей шутить, что у четырехглазых зоркость лучше!

По-моему, всем, кроме самой Тильды, было плевать из окон ректората, что она носила очки. Ботаник по обыкновению проворчал нечто нелицеприятное об аристократах, под которых переписывают правила в старинной академии магии, и немедленно отхлебнул медового хмеля, напрочь забыв, что всю дорогу до таверны нудел, как сильно ненавидит мед, спиртное и «девичники». К слову, прикончить кружку напитка и тарелку цветной капусты, жареной в сухарях, это ему не помешало. Щеки зарумянились, взгляд подобрел, а кудри встали дыбом, словно беднягу чувствительно огрело магическим ударом.

Никогда бы не заподозрила в умнике любовь к азартным играм, но от медового хмеля в нем бурлила не только энергия, но и жажда приключений. Приятели Илая метали дротики в истыканную, выдавшую лучшие времена мишень, туда-то нелегкая и понесла Ботаника. Бади он тоже вытащил то ли за компанию, то ли в качестве телохранителя. На тот случай, если игроки не захотят поделиться дротиками.

– Парни, мы пришли сыграть, – важно заявил Флемм.

Не знаю, что происходило у него в голове, но даже мне, следившей за вторжением в чужой поединок со стороны, инстинкт самосохранения нашептывал, что пора сворачивать дружеский девичник и дергать подальше. Лучше в сторону замка Дартмурт, но и подворотня, где можно спрятаться, тоже подойдет.

С Бади никто связываться не хотел. Парни уступили место, и Ботаник взял в руки дротик. Некоторое время он примерялся, прицеливался, водил плечами, разминал шею, а потом бросил! И не то чтобы не попал – не воткнул. Дротик печально шлепнулся на пол, и приятели Илая взорвались издевательским хохотом.

– Чего вы ржете? – прорычал Ботаник. – Я просто разминаюсь!

Следующим бросал Бади. Дротик вошел точно в «яблочко», как, впрочем, и следующий. Сжалившись над приятелем, он уступил место, но с разминкой у Флемма что-то опять не заладилось. Вторая попытка провалилась. Описав в воздухе дугу, оперенная стрелочка уткнулась в стену в локте от мишени. Старшекурсники взорвались аплодисментами.

– Ботаник, ты это сделал! Ты попал в стену!

– Почему позорится он, а стыдно мне? – задумчиво проговорила Тильда.

– Это и есть командный дух, – пошутила я. – Поздравляю, любимая подруга, ты его наконец ощутила.

Вдруг стало очевидным, что пока мы шушукались, девичник незаметно перерос в мальчишник и грозил переродиться в потасовку. От последнего наши «душевные» посиделки спасало только присутствие Бади. Понятия не имею, кто предложил дурацкую идею, чтобы проигравшие оплачивали счет победителей, но Ботаник, обладая даже скудными математическими способностями, мог бы и подсчитать, что останется в большом накладе, если дротики не долетят до мишени.

– По-моему, Флемма пора выпроваживать домой, – заволновалась я.

Однако он сумел справиться с простейшими вычислениями и оценил размер ущерба, поэтому заявил:

– Я с Бади!

– Качок стоит троих! – возмутился один из парней.

– Тогда я возьму в пару... – Ботаник бросил на наш стол взгляд, выбор был, мягко говоря, невелик. – Ведьму!

Чего?! Какую еще ведьму?!

– Какую из них? – загоготали парни.

Вот именно!

- Черную. – Съехидничал Форстад, поглядывая в нашу с Тильдой сторону.
- Парни, я не и граю в азартные игры, – немедленно отказалась я от идиотского состязания. На девичниках, между прочим, не проигрывали деньги в игре в дротик, а вдохновенно перемывали косточки заклятым подружкам, танцевали сумасшедшие танцы на столах, ломали каблук, подворачивали лодыжки и, в худшем случае, просыпались в чужой общежитской комнате, свалившись с узкой кровати на пол. А нам четверым что мешало-то? Посудите сами.
- Ботаник находился в том состоянии, когда было пора танцевать. Необязательно на столе, можно и на карачках под столом. Жаль, что в таверну не приглашали бродячих музыкантов, как в заведении у тетеньки Надин, но ведь никто не запрещает сплясать и под музыку в голове! Тильда нацепила каблук. Почему бы их не испортить, подвернув ногу?
- Сплетни, дружеский треп и разговоры по душам определенно не являлись самым любимым занятием Бади, значит, ему доставалось пробуждение в чужой кровати. Подозреваю, давешняя подавальщица не откажется от перспективы уронить на пол нашего мускулистого здоровяка. В общем, зачем играть на деньги, если имеется масса других глупостей, не несущих материальных потерь? Предположительно испорченные туфли не в счет.
- Боишься, Эден? – нахально ухмыльнулся мажор.
- Боюсь оставить тебя без последних штанов, – парировала я, без колебаний напомнив историю с брюками, уничтоженными на флагштоке (и практически вместе с флагштоком). Хорошие были времена!
- Мы не играем на раздевание, – провоцировал он. – По крайней мере не здесь.
- Наконец-то тебе улыбнулась удача. Остаться без штанов в середине осени – так себе удовольствие.
- Так ты идешь? – Илай поднялся, и, закатав рукава свитера, взял несколько дровиков.
- Нет.
- Трусиха.
- Я презрительно фыркнула и вдруг осознала, что уже поднялась из-за стола и пошла к противникам, на ходу завязывая волосы в удобный пучок. Закрепила парой шпиль, всегда спрятанных в кармане... и в этот момент взгляд случайно зацепился за черную грифельную доску, приколотую в углу. На ней мелом записывались имена победителей и их очки. Лидировал, конечно, Илай Форстад.
- Ведьма... Эден... Аниса... подруга! – жарко зашептал Ботаник мне на ухо, пока я перебирала стрелочки с общипанным оперением. – Мой кошелек в твоих руках. Скажи, что умеешь попадать в цель!
- Флемм...
- Что? – с надеждой спросил он.
- Надеюсь, что у тебя с собой много соримов.
- То есть, ты никогда-никогда не бросала дровиков? – опечалился он. – Может, хотя бы камушки в кого-нибудь бросала и попадала?
- Ну... за камушки в восточных долинах можно оказаться побитым.
- Хочешь, покажу, как это делается? – вздохнул Ботаник.
- Хочешь бросить в Форстада камень? – восхитилась я.
- Ничего, что я вас слышу? – напомнил Илай, стоящий в двух шагах и активно делающий вид, будто не замечает, как его напарник задыхается от смеха.
- Ничего. Не стесняйся, подслушивай дальше, – отмахнулась я.
- Да не камень бросить, а дровик! – отчаянно забормотал сквозь зубы Ботаник.
- В Форстада?
- В мишень!
- Как ты бросаешь дротик в мишень, я уже видела. Не переживай, у меня получится не хуже.
- Надо, чтобы лучше! – простонал он, похоже, начав стремительно трезветь.
- Вот об этом стоило раньше подумать, – похлопала я расстроенного парня по плечу. Как говорил бессмертный теткин вышибала, обучая меня игре в дротик, во всех азартных играх самое главное, чтобы противник считал тебя, Аниса, полной неумехой. Судя по глумливым улыбкам соперников, они уже приготовились заказать за счет Флемминга

Квинстада самое дорогое в таверне вино и закусить самым обильным блюдом от главного повара.

– Кто начинает? – деловито поинтересовалась я, взвешивая стрелочки в руке. На них лежало заклятье, блокирующее магию. Видимо, чтобы народ не мухлевал.

– Дамы вперед, – ухмыльнулся напарник Илая.

– Благодарю.

– Не переживай, если не попадешь, – хохмил он. – Мы пригласим вас с подругой за наш стол.

– Это так мило... – Жаль, что в таверне было слишком шумно, чтобы товарищ оценил зловещие интонации в голосе.

Дротик оправился в мишень. Острие распорол воздух и вонзилось точно в «яблочко».

– Надо же! – бросила я, оглянувшись к шокированным парням. – Попала! Кто следующий?

Старшекурсник промахнулся и немедленно прекратил зубоскалить. Стрелка отскочила от края мишени и свалилась на пол.

– Не переживай, мы пригласим вас с друзьями за наш стол, – тут же съехидничала я.

Пока мы обменивались колкостями на грани оскорблений, Ботаник совершил подвиг: собрался, затаил дыхание и попал в пределы игрового поля. Громче него от радости завопила только Тильда, не успевшая на месте и с интересом следившая за поединком.

Пришла очередь Илая. Он занес дротик и вдруг замер, устремив взгляд в сторону обеденного зала.

– Не переживай, Форстад, тебя мы тоже накормим за нашим столом. В конце концов мы же команда, – подогнала я и тут же примолкла.

Между столами, заставляя адептов стремительно трезветь или делать вид, будто трезвеют, вальяжно расхаживался преподаватель по боевой магии Гариф. У некоторых ребят он проверял знаки Дартмурта на запястьях. Со стороны походило на то, что преподаватели устроили облаву на «зайцев», кому для профилактики дурного поведения предписали безвылазно грызть гранит магической науки, а они навели лоска, распрямили уши и через «дыру в заборе» дернули развлекаться в город.

Пока наша компания, вмиг растеряв азарт, настороженно следила за его перемещениями, Илай сжал мое запястье и шепнул на ухо:

– Эден, уходим.

Мы тихо отступили в сторону подсобных помещений, а потом скользнули в узкий коридорчик, ведущий к кухне.

– Знакомые лица! – зазвучал громкий голос Гарифа. – Бади, где ваш товарищ по команде господин Форстад-младший? Уверен, что видел его, когда входил в это ваше увеселительное заведение.

Тем временем мы втиснулись в чулан этого самого заведения, дерзко отвоевав место у метлы, швабры, деревянного ведра и ящиков с подозрительным алкоголем. Помнится, тетка тоже покупала подпольную сивуху за мелкие монетки и разбавляла приличное вино, а запасы прятала в погребе. Мысленно я сделал себе зарубку в этой таверне не пить ничего крепче ягодного морса.

Мы затаились, стараясь лишний раз не шевелиться, разве что дышали. Но и тут не очень повезло: в чуланчике, силами хозяина превращенном в винный погреб, густо пахло дешевой сивухой. Неужели нельзя было выбрать менее «ароматный» уголок, чтобы переждать облаву? Да и места для двоих захватчиков явно было маловато.

Неожиданно за хлипкой дверью раздались шаги, тихо заговорили люди. Кажется, в наше убежище собрались заглянуть!

– Эден, – прошептал мне на ухо Илай, – обещаю, что не будешь бить в лицо. Куда угодно, только не в лицо! Не хочу ходить с синяками.

– Что? – не поняла я.

Он сгреб меня в охапку и, навалившись всем телом, прижал к стене. В один момент одна рука сжала талию, другая нахально начала задира́ть юбку, нос утыкался в шею. Я была готова бранно выругаться, но по голове тюкнуло черенком метлы, словно в назидание, мол, прикуси язык и наслаждайся, глупая ведьма, когда тебя еще потискают в темном чулане настоящий, стопроцентный аристократический придурок.

С метлой у нас точно были разные жизненные принципы!

Только я собралась оттолкнуть обнаглевшего парня, дверь распахнулась, и кладовую затопил свет. Илай нежно захватил мочку моего уха губами. Было и щекотно и приятно. По спине побежали мурашки, глаза сами собой закрылись, и из горла – из моего собственного родненького горла! – вырвался сладкий стон. Какая потрясающая фантазия непотребность! – Эй, вы двое! У вас пять минут! И заплатите полсорима как за отдельный кабинет! – оценил обстановку хозяин таверны и захлопнул дверь.

Нас снова окутала темнота. Шаги и голоса смолкли. Опасность миновала, а мы по-прежнему стояли, тесно прижавшись. В ушах шумела кровь, сердце грохотало в груди.

– Форстад, – прошептала я, – ты тяжелый.

Он отстранился, уперся руками в стену, точно заключив меня в ловушку, опустил голову. Тело было напряжено, дыхание рвано.

– Ты можешь меня ударить, – проговорил он севшим голосом.

– Ага, помню. Куда угодно, только не в лицо.

Я поймала себя на абсурдном желании это самое лицо обнять ладонями. О том, что делать дальше, не задумывалась.

– Эден... спасибо, что подыграла.

Как говорила тетушка, куда деваться, когда уже прижата к стенке? В нашем случае в прямом смысле этих слов.

– Ну да. Одного не понимаю, – я наконец сумела стряхнуть оцепенение, – за ворота запретили выходить тебе, а мне-то за каким демоном прятаться?

Илай тихо засмеялся, поднял голову.

– Из солидарности с ближним.

– Из солидарности поддерживают голодовки, а я поддалась стадному инстинкту.

– Ты всегда такая самокритичная?

– Не дразни меня, мажор! Я все еще хочу тебя ударить, – буркнула я и быстро объявила:

– Выйду первой...

В зале по-прежнему полным ходом шел кутеж, словно не было никакой облавы. Друзья Илая пересели за другой стол, потеряв к нам всякий интерес. Возле мишени толпилась незнакомая компания.

– Ты где была? – накинулась на меня Тильда.

– В уборной, – не моргнув глазом, соврала я. – Косоглазый уже ушел?

– Ага, выловил парочку парней и был доволен, как рейнсверский крикун, – фыркнула она и кивнула в сторону Флемма, подпиравшего кулаком щеку и клевавшего носом. – У нашего Ботаника девичник точно удался!

На следующее утро по коридорам запорхали магические бумажные птички, сложенные из новых карикатур. Очередная издевательская листовка рассказывала о драке девчонок в холле главного учебного корпуса, Армасе в плаще королевского палача и содранном с крюков стяге Дартмурта. Выглядело так, будто соперницы сцепились из-за красавчика магистра. В общем, к последнему дню учебной декады бурлящий поток новых сплетен смыл историю о сластолюбивой парочке, плененной кустом, а я старательно изгоняла из головы воспоминания о хозяйственной подсобке. Честное слово, помнить о таком просто неприлично!

Вечером мы впятером спустились в подземелье. До зала лабиринтов добирались обходным путем: по неосвещенным извилистым проходам с такими низкими потолками, что просыпалось инстинктивное желание пригнуть голову. От бледных ламп в наших руках по каменному грязному полу и дышащим ледяным холодом стенам стелились изломленные тени.

– Парень подрабатывает помощником в деканате, – голос Илая звучал глухо. – Он сказал, что этот квест хорошо прочищает мозги. Его проходили на испытаниях пару лет назад.

– И что там? – буркнул Флемм.

– Лабиринт.

– Лабиринт о лабиринте, – прокомментировал он. – Все логично.

Мы уже шагали по холодному подземелью, нарушив как минимум десяток строгих правил академии, а он по-прежнему выступал против прохождения квеста в неурочное время.

– Ботаник, чем ты недоволен? – наконец сорвался мажор, откровенно сказать, стоически переносивший беспрерывное ворчание умника.

– Почему нельзя налаживать контакт с минимальными телодвижениями? – нешуточно вспыхнул он. – Чем вам не нравятся групповые чтения?

– Без меня пожалуйста. Я сегодня уже читала учебник по фауне Рейнсвера, и мне не понравилось. – Тильда многозначительно поправила на носу очки, намекая, что только острая необходимость заставит ее снова пялиться в стену.

– Групповое пение! – на ходу придумал Флемм.

– Отчаянно надеюсь, что ты имеешь в виду хоровое пение, – заметила я.

– Точно хор! За книги и песни никто не штрафует и не заставляет мести полы!

– Ботаник, это смотря какие книги читать и в каком состоянии песни петь, – ухмыльнулся Илай.

– Идем, – веско и спокойно осек спорщиков Бади, кивнув в темноту.

Заканчивался коридор кованой решеткой. Магическую защиту заранее сняли, и мы всей компанией вышли в полукруглом знакомом зале с высоким сводом. Огни не горели, пространство наполняло эхо, отражавшее от стен любое слово.

– Для нас открыли комнату... – Илай нахмурился и оглядел одинаковые двери с потушенными номерами.

– Которую из них? – поторопила я.

– Понятия не имею, – признался он.

– Пойдем отсюда, пока нас не накрыли, – пророчески проскрипел Ботаник и от холода шмыгнул носом.

– Флемминг, – строго посмотрела я, – можешь вернуться обратно.

– Я? Один?

– Почему же один? Со светильником. Мы не звери, поделимся.

Он икнул вроде от холода, но скорее всего представил, как в гордом одиночестве, убоявшись нарушить еще парочку правил, посеменит по извилистым темным коридорам подземелья. Судя по затравленному виду, возвращение в скромной компании потрескивающей лампы трусишку не вдохновляло.

– Значит, ищем незапертую дверь, – похлопала я его по плечу.

Искать долго не пришлось. Открытой оказалась последняя комната, и мы вошли. Обстановки ничего не отличалась от той, где нам пришлось проходить проверочное испытание: те же деревянные полы, каменные стены и песочные часы на высокой каменной подставке. Наученные горьким опытом мы старались держаться вместе и не расходиться в разные углы.

– Если не успеем за час, то нас перенесет сюда, – предупредил Илай. – Сможем попробовать еще раз. Эден, переворачивай часы.

– На счет три, – предложила я и, стараясь побороть дурацкую нервозность, начала отсчет:

– Один, два...

– Подожди! – вскрикнул Флемминг с белым от страха лицом. – Глаза забыл закрыть!

– Да ты достал, Ботаник! – рявкнул Илай.

Пока они не вязались в новый спор, я перевернула часы. Секунду ничего не происходило, и нас накрыло непроницаемой, почти ослепляющей темнотой. Кто-то тоненько испуганно взвизгнул.

Мрак неохотно прояснялся, сменяясь серым тусклым светом, словно в квест-комнате медленно наступали предрассветные сумерки. Появились очертания стены, выложенной из неровных валунов. На ее фоне зажмуренный Ботаник крепко-накрепко прижимался к ошеломленному, стоящему навтыжку Бади. Он обхватывал здоровяка руками, беспрестанно закидывал соскальзывающую ногу в ботинке на толстой подошве и напоминал испуганного кота, пытающегося от паники вскарабкаться на голову хозяину.

– Флемм, – сдержанно позвала я.

– А? – промычал тот.

– Тут светло.

Он немедленно открыл глаза, резко отшатнулся от Качка, кажется, выдохнувшего с облегчением, и с дурацким видом одернул одежду:

– Вперед!

Не дожидаясь остальных, Ботаник нырнул в первую попавшуюся прогалину и исчез за каменными стенами. Несколько удивленные напором мы не сдвинулись с места. Любому адекватному человеку, кто хотя бы раз оказывался в лабиринтах на ярмарочных площадях,

было известно, что для начала следует осмотреться. По всей видимости, умник всю жизнь читал книжки по мироустройству и понятия не имел, как вести себя в реальном мире.

– Потеряется ведь, – предрекла я.

– И как он до своих лет дожил? – казалось, Илай по-настоящему заинтересовался этим необъяснимым фактом.

Субтильная фигура Ботаника мелькнула в проходе – он прошагал в противоположную сторону.

– Или не потеряется, – протянула я.

Наконец он вернулся и заключил:

– Там с обеих сторон тупик... Кстати, кто-нибудь проверил, магия действует?

Он звонко щелкнул пальцами, выбивая магические искры.

– Отлично! – обрадовалась я. – Создадим следящее заклятье?

Заклинание могло приобретать форму птицы, жука, стрекозы... летающей рыбки (не спрашивайте, до сих пор вспоминаю со стыдом о крылатой пиранье, доведшей тетку до истерики). Главное, оно было способно подняться в воздух и подсказать, где выход.

Но я рано радовалась! Едва искры потухли, осыпавшись Ботанику на штаны, как стены вокруг нас дрогнули и тяжело сдвинулись с места. Невольно мы потеснились в центр свободного пятка, с удивлением следя, как лабиринт поменял облик. Наколдывать птичку, рыбку, таракашку или что-нибудь поуродливее, если не хватит таланта изобразить приличный фантом, без сомнений являлось самым очевидным для мага решением, о чем прекрасно знали создатели испытания и заранее пресекли любые поползновения в сторону логичного варианта.

– Ясно, – мрачно прокомментировала я. – Легких путей не ищем.

– Опять?! – простонала Тильда. – В этом вообще есть смысл?

– Смысл в том, что дойти до двери и не прикончить особо громких товарищей, – предположил Илай.

Самое прискорбное, что он оказался прав! Бродить по лабиринту было весьма нервным занятием. Мы то и дело упирались в стены, нестройно разворачивались, натывая друг на друга, из последних сил сдерживали ругательства. Бродили со страстью путешественников, потерявшихся в реликтовом лесу и почти отчаявшихся выбраться к цивилизации.

– Этот камень мне кажется знакомым! – громко объявила Тильда, когда мы наконец сумели отыскать проход.

– Здесь все камни похожи, – процедил Илай.

– Думаешь, я не отличаю графитовый цвет от светло-серого? – взвилась Матильда. – Почему? Потому что я в очках, да? Из-за очков?

– Очкастая... – Противник примолк, осознав, что как-то промахнулся с прозвищем и быстро исправился:

– Канделябр!

– Кто? – угрожающе уперев руки в бока, сделала в его сторону шаг Тильда.

Все! Форсад труп. Мы поступим по чести и прикопаем его в парке академии.

– Тебя в детстве за очки травили? – вдруг напрямую спросил.

– И вовсе нет! – Она мгновенно стушевалась.

– Тогда откуда комплекс? Ты, по-моему, единственная думаешь об очках.

– Время! – многозначительно напомнил Бади.

Мы повернули очередной раз и... неведомым образом снова очутились в центре лабиринта. Это был полный провал!

Печатных слов не находилось. Цель добраться до двери за час миготом отошла на второй план.

Все сосредоточились на том, чтобы не сорваться и не накинуться на ближнего с кулаками.

Матильда миготом прикусила язык, а парни, не сговариваясь, отошли на пару шагов от Бади.

Неудачный выверт, приведший нас на старт, пошатнул спокойствие непробиваемого здоровяка, и у него очень подозрительно заходили желваки.

– Посмотреть бы на него сверху, – пробормотала я, запрокидывая голову. Вместо потолка над нами клубилась серая дымовая завеса, словно затянутое облаками небо перед самым рассветом. Команда молчала. Я посмотрела на товарищей.

– Что?

– Надо на стену забраться. – Илай кивнул Бади:

– Подтолкнешь?

Здоровяк немедленно приблизился к высокой каменной кладке, превосходящей по высоте его рост. Форстад уперся ногой на подставленные сцепленные ладони и мигом вознесся на стену. Забрался ловко, легко подтянувшись на руках, словно всю жизнь только и делал, что карабкался на чужие балконы. Он выпрямился. Высокая худошавая фигура в черной одежде выделялась на фоне дымной небесной завесы.

– Ну что? – поторопила я.

– Дверь там, – указал он направление рукой, потом еще некоторое время изучал лабиринт, видимо, пытаясь вычислить верный путь, и гибко спрыгнул. – Пойдем.

Мы двинулись следом.

– Налево! – повернул он.

Тильда немедленно повернула направо.

– Налево, которое не право, – кивнула я, указывая подруге верное направление.

Направо, налево, прямо и снова. Он уверенно вел нас по хитросплетению запутанных ходов.

Казалось, что финиш был совсем рядом, осталось чуточку... Неожиданно Флемм наступил на незаметно развязавшийся шнурок и чуть не кувыркнулся головой вперед. По инерции я налетела на него, буркнула ругательство и крикнула друзьям, успевшим скрыться за очередным поворотом.

– Подождите нас!

И лабиринт дрогнул! Стены начали перестраиваться. Проходы сужались.

– Ребята, быстрее! – заорала Тильда. – Вас сейчас закроет!

В панике мы бросились к прогалине. Ботаник заскочил первым, за руку выдернул меня.

Движение в лабиринте прекратилось. Наступила почти невозможная тишина. Тяжело дыша, мы огляделись: вокруг высокие каменные стены, никакого выхода, разве что верхом.

– Эден, ты где? – прозвучал из-за стены обеспокоенный голос Илая. – Ты в порядке?

– Если мы попали в ловушку, считается, что все хорошо? – ответила я вопросом на вопрос, обескураженная тем, что нас закрыли. – Вокруг одни стены, но ни одной двери.

– Ботаник с тобой?

– Да.

– Никуда не уходите.

– Хотелось бы! Но куда?! – выкрикнул Флемм и тихо добавил:

– Кажется, у меня начинается боязнь замкнутых пространств.

– Вдыхай через нос, выдыхай через рот, – посоветовала я.

– Помогает? – с надеждой спросил несчастный.

– Нет, но точно отвлечет.

Через некоторое время Илай возник на стене, осмотрелся.

– Давайте выбираться. – Он протянул руку. – С этой стороны Бади подстрахует.

Я задрала голову и уточнила:

– Ты подозреваешь, что я или Флемминг способны вскарабкаться на такую высоту? Спасибо, конечно, но...

– Подвисься, Ведьма, я смогу! – Ботаник без раздумий подтянулся, вцепился в запястье Илая, а потом начал истерично скользить по стене ногами, стараясь найти выступ. Пыхтел, сжимал зубы, выслушивал злобные комментарии спасителя, похоже, тысячу раз пожалевшего о предложении. Ботинок слетел, обнажив полосатый носок, потом чуть со стены не слетел сам мажор, поведав миру, что он думает о физической подготовке всего исторического клуба в общем и отдельного его представителя в частности. На этом попытки изобразить цирковых акробатов закончились. Оба выдохлись и сдались.

– Эден, а ты что хотела предложить?

– Самую обычную магию, – пожала я плечами и кивнула:

– Спрыгивай, мажор. Мы будем пытаться найти лазейку.

Ботаник быстро обулся, крепким узлом завязал шнурки и кивнул, мол, готов. Мы снова взялись за руки. Я шелкнула пальцами, выбивая магическую искру, и лабиринт дрогнул. Стены начали медленно расходиться. Образовался проход, в котором появились наши друзья. Мы ринулись в него.

Побег вышел сумбурным и нелепым. Я вмазалась плечом в стену, Ботаник споткнулся. Кубарем вывалившись из дыры, мы грохнулись на пыльный пол. От сильного удара в ушах звенело,

расхотелось и шевелиться, и жить. Гори в синем драконьем пламени все эти лабиринты, лучше умру во цвете лет!

– Эй, ребята, вы как? – Тильда присела на корточки рядом с нами.

– Ох, я при смерти! – простонал Флемм.

Как не согласится с этим правильным утверждением? У меня тоже плечо, травмированное еще в прошлом месяце, ноет, коленка отбита, и самолюбие испуганно забилося под половицы в комнате.

– И я, – немедленно поддакнула.

– Я сильнее! – заспорил он и даже приподнялся на локтях.

– Свали за грань, я умираю!

– В общем, вставайте оба, – скомандовал Илай. – Времени уже в обрез.

С пола нас соскреб Бади: поставил на ноги, а с буйных, взлохмаченных кудрей Ботаника заботливо смахнул мусор. Выглядело так, словно он собирался снести бедняге голову.

– Мажор, смотри, чтобы не говорил, что я вру! Вот опять темный камень! Видишь? – Тильда указала в валун, немного отличный по цвету от светло-серой стены, и заскочила за поворот:

– Вот еще один! Батюшки, они размножаются!

– Подсказки? – вопросительно посмотрела я на Илая. Мы ринулись следом за подругой и незаметно добрались до выхода. Усталые и пыльные, ввалились в комнатку с деревянными полами. Перед глазами все еще мелькали бесчисленные серые стены лабиринта. В часах иссяк песок, но у нас в запасе оставалось не меньше пяти минут, хотя казалось, что мы провели в каменной путанной ловушке, то и дело менявшей облик, не меньше нескольких часов.

– Поверить не могу, что все закончилось, – проговорила я и перевернула часы, чтобы остановить время.

Мгновением позже пространство дрогнуло. Воздух всколыхнулся, дощатый пол затрясся под ногами. В странном оцепенении, боясь пошевелиться, мы наблюдали, как стены растворялись, точно на огромной картине слезал верхний слой краски и обнаруживал под собой совершенно иной рисунок: тяжелую мебель, книжные шкафы, письменный стол, кресла, вешалку с преподавательской мантией. Нас перенесло в пахнущий высшей магией кабинет Армаса.

Глава 6. Лучший способ взаимодействия

Если бы я вела дневник для будущих поколений, то на первой же странице обязательно посоветовала, чтобы они, будущие поколения, никогда и ни при каких обстоятельствах не доверяли самоуверенному аристократу, говорящему, будто он обо всем договорился. О неожиданном перемещении он точно не договаривался и оказался сконфужен даже сильнее остальных.

– Меня подставили, – вместо извинений объявил он. – Я понятия не имел, что на выходе теперь тоже отлавливают, раньше брали только на входе... Что вы на меня смотрите, как на врага народа? Зато потренировались.

Никто не пытался разделить оптимизм этого самого «зато», поэтому мы одарили Илая коллективным ненавидящим взглядом. Я бы от такого свалилась замертво, а он ничего – устоял на своих двоих копытных и даже развил бурную деятельность по вызволению команды из неприятностей, правда, не особенно успешно. Вскрыть замок на двери с помощью магии оказалось проще-простого, но проход перегораживала невидимая стена, в которую мы благополучно уперлись. Сильное охранное колдовство оказалось нам просто не по зубам.

С тоской я оглядела пустую приемную с дремлющим на подоконнике цветком и с прискорбием резюмировала:

– Армас скормит нас мухоловке.

Тем временем Бади открыл окно, с силой дернул решетку, проверяя ее на прочность, и молча закрыл сворки. Мы попались!

– А я говорил, что вломиться в лабиринт – это дурная затея! – стонал Флемминг, меря шагами кабинет.

Вообще давно замечено, что в любой патовой ситуации обязательно находился пессимист, который «предрекал, что все плохо закончится, но ему никто не поверил». Он же больше всех страдал, выедал остальным мозг чайной ложечкой и страшно раздражал беспрерывными жалобами.

– Ботаник, съешь конфетку, – миролюбиво предложил Илай.

На столе у магистра в красивой хрустальной вазочке лежали разноцветные карамельные шарики. Никогда не подумала бы, что куратор – сладкоежка. Представить его с оттопыренной леденцом щекой было невозможно.

Флемм запросто запустил руки в чужие сладости: с недовольным видом поковырялся пальцем в вазочке, словно перебирал не леденцы, а желуди, и сунул один в рот. Глядя на его бесцеремонность, я только покачала головой и огляделась, куда бы приткнуться. Вообще оставаться в кабинете Армаса было стыдно и неудобно, простояла бы столбом всю ночь, но усталость давала о себе знать.

Усаживаться пришлось на пол возле книжного шкафа, чтобы удобно опереться спиной. Хорошо, что в преподавательской башне тоже пробудили живое тепло и ночевка на наборном паркете никому не грозила простудой. Пристроить зад на трон «черного властелина» никто не решился, даже ящики письменного стола не посмел подергать и исследовать, не припрятано ли в них что-то интересное. Казалось, что личное пространство Армаса было обнесено еще одной невидимой стеной. Кресло для посетителей занял причмокивающий конфетой Флемминг, по всей видимости, никогда не слышавший, что девочкам принято уступать самые мягкие места и отдавать самые вкусные кусочки.

– Есть хочется, – вздохнула Тильда.

– У нас много леденцов, – напомнил Ботаник, видимо, уже считавший вазочку с конфетами личной собственностью.

– А вы рискованные, – заметила я.

– Думаешь, зубы испортим? – закатил он глаза.

– Наешься конфет – захочешь пить, напьешься воды – приспичит в уборную. Но ты, конечно, грызи леденцы, Флемм. Уверена, что эта ночь будет самой незабываемой в твоей жизни.

Ботаник немедленно проглотил конфету, как горькую пилюлю, не рассасывая, и буркнул:

– Все удовольствие испортила, Ведьма.

– На правду обижаться вредно для здоровья, – парировала я.

– Нарушать правила – вредно для здоровья! – огрызнулся он и передразнил:

– Мама далеко и ничего не узнает. И что? Теперь ее вызовут, и она будет очень, очень близко.

– Ботаник, ее ты

тоже

боишься? – с ехидством уточнил Илай, сделав акцент на издевательском «тоже».

– Ты просто не знаешь моей матери, особенно когда она в гневе. Твоя, поди, не станет на всю академию устраивать скандалы?

Повисла долгая, тягучая пауза.

– Нет, скандалы не про Эмрис Форстад. Совсем не про нее... – вдруг признался мажор, и в голосе не слышалось ни горечи, ни насмешки, интонации ровные и безразличные, словно он говорил о чужом человеке. – Она просто делает вид, что мы не знакомы.

Парень сидел в шаге от меня. Я не могла отвести глаз от аристократического профиля, прямого носа, крепко сжатых губ, нахмуренных бровей. На бледные щеки падали длинные тени от ресниц. Илай Форстад вдруг показался почти переносимо красивым, сердце замирало... Какое странное наваждение! Когда вернется Армас, мы получим порцию порицания и отчалим в общагу, надо бы не забыть и выпить валерьяновой настойки. Десять капель, иначе опять наступит похмелье, а во время конца света нечем будет успокаивать нервы.

– Меня дразнили, – вдруг громко призналась Тильда. – За очки. Ты был прав, Мажор.

Мы с удивлением воззрились на девушку.

– Что? – развела она руками. – Разве у нас не вечер признаний, коль уж все оказались в заднице? Кстати, почему Ведьма называет тебя Мажором?

– Он сам себя так назвал, – фыркнула я.

– Слушайте, это ведь вы стояли под кустом? – с деликатностью рейнсверского игуанодона спросила Тильда. – Накатило, вспомнились прежние времена.

– Это не мы! – возмутилась я.

– И что? – в унисон уточнил Илай.

Осознав, что попались на противоречии, мы переглянулись.

– Они были не в курсе? – неопределенно указал он пальцем, намекая на команду.

– Теперь точно в курсе, – насупилась я.

Как можно запросто выложить скандальную правду? Еще немного и он расскажет всем о том, как мы прятались в подсобке. Предатель, достойный немоты!

Напомните потом, что с мажором ни в коем случае нельзя ходить в разведку. Никогда и ни при каких обстоятельствах. Даже если на кону будет стоять честь короны... Особенно, если на кону будет стоять королевская честь! Он аристократ, значит, в измене обвинят меня.

– Так и знала, – расплылась в довольной улыбке Тильда. – Всех гложет любопытство, чем вы там занимались.

– Неправда! Мне наплевать, – немедленно вставил Ботаник.

– Всех, – многозначительно повторила она.

– Мы ругались! – Это останется между нами с Эден, – в один голос ответили мы с Илаем.

В общем, показания снова разошлись. Своим «останется между нами» он будто нарочно пытался намекнуть, что в кустах мы отношения не выясняли, а налаживали. И весьма успешно! С чувством, с толком, с расстановкой, до задранной юбки и демонстрации трусов в горошек отряду адептов под предводительством магистра. Было бы это правдой, наверняка старичка Ранора схватил бы сердечный удар!

От любопытства Тильда заерзала на паркете, поправила очки, пригладила косы... и Бади резко произнес:

– Я был толстым!

Разговор про кусты мигом забылся. Мы вытаращились на здоровяка, крепкого, мускулистого и выносливого. Представить его упитанным мальчишкой с булочками в обеих руках и с пухлой рожицей, перемазанной джемом, было еще сложнее, чем Армаса со спрятанным за щекой леденцом.

– В детстве, – коротко добавил он, разом отвечая на все невысказанные вопросы, вероятно, красными чернилами написанные у нас на физиономиях.

– А я пытаюсь взломать методичку Хилдиса, – быстро проговорила я в возникшей тишине.

Теперь все взгляды устремились в мою сторону. Друзья, судя по всему, не верили, что Аниса Эден открыла рот, чтобы выдать маленький порционный секретик, и не сказала ни гадости, ни ехидной шуточки. Что ж, даже этот крошечный секрет царапал горло и отказывался быть произнесенным. Сама не поняла, как выпалила.

– Просто... раз уж мы делимся тайнами перед повешеньем... – попыталась объяснить необъяснимый даже себе порыв.

– Ты же не шутишь? – медленно спросил Ботаник. В начале учебного года он не купил методичку из принципа, а теперь на собственной шкуре, не сказать, чтобы очень толстой, каждое занятие испытывал, насколько мстительным может быть торгош Хилди. Наверняка победителю королевских ученических турниров по мироустройству до визга обидно получать сниженные баллы. Особенно, когда знаешь предмет получше преподавателя.

– Не шучу. Это дело чести, – проговорила я.

– И как? – не унимался Флемм.

– Хилдис поставил защиту на заклятье. В жизни такого не видела. От страниц дым валит. – Я помахала руками, пытаясь показать размер дымовой катастрофы. – Библиотеку перерыла, но ничего похожего даже в описаниях не нашла.

– Как понимаю, именно мою методичку тошнит дымом, – вымолвила Тильда.

– Поэтому я не хотела, чтобы ты узнала, – поморщилась я.

– Знаешь, Аниса, с высшей магией у меня, прямо сказать, имеются проблемы, но я тоже на кое-что способна, – с укоризной проговорила она.

– Это на что? – хмыкнул Илай.

– Поддерживать подругу в хороших начинаниях.

Дверь в кабинет открылась с неожиданной решительностью. Звякнула, словно разбитое стекло, магическая стена. Через порог перешагнул Армас в расстегнутом пальто и с длинным шарфом на шее. Сложив руки на груди, он проследил за тем, как мы нестройно поднимались с пола, перестав изображать сироток в изгнании. Судя по костюмчику, куратор вернулся с дружеской встречи или вообще романтического свидания.

– Почему я даже не сомневался, кого именно увижу здесь? – задал он риторический вопрос.
– Добрый вечер, – фальцетом, словно мигом перехватило горло, проблеял Флемминг.

– Он

был

исключительно добрым. Я проводил вечер в компании очаровательной спутницы, пока на всю ресторацию не заорал магический амулет... – поделился проблемкой он, подтверждая мои худшие опасения.

Хотелось верить, что дама сердца осталась в ресторации, а не торчала в приемной, ожидая, когда кавалер освободится и проведет экскурсию по месту службы: покажет шкафы, стол, расскажет о том, от кого в наследство досталась обстановка, как силами обреченных на отработку старшекурсников перетаскивал эту мебелишку через портал. Возможно, предложит хозяйское кресло опробовать. В смысле, посидеть. Одной. А вы что подумали?

– И что мне было делать с бьющим тревогу амулетом? – развел руками Армас.

– Притушить громкость, – ляпнула я и под убийственным взглядом потупилась.

– Действительно! И как мне это не пришло в голову, адептка Эден? Ваш совет пришелся как нельзя кстати. – Улыбка магистра показалась зловещей. – Господа адепты первого года, зачем вы пробрались в комнаты для испытаний? Прошу коротко и по существу. Бади, вы самый немногословный.

Он кивнул на здоровяка, как всегда замершего словно на построении: ноги на ширине плеч, подбородок поднят, руки сложены за спиной. Ни дать ни взять боевой маг.

– Отрабатывали навыки взаимодействия внутри команды! – четко отпартовал тот.

– Отработали?

– Да, магистр!

– Превосходно. Для информации, господа адепты, в этом году глубокоуважаемый ректор поставил в подземелье новую защиту, и все идиоты, рискнувшие просочиться в комнаты для испытаний, переносятся в кабинеты к кураторам на заслуженную порку. Обычно на входе, но вам повезло попасть на выходе, – объявил он. – В следующий раз, когда решите отработать навыки взаимодействия без страхующих наблюдателей, хорошенько подумайте, не попадете ли в ректорский кабинет. Все ясно?

Мы нестройно промычали согласие.

– А теперь брысь отсюда. Сделаем вид, что вас здесь не было. Хотя стойте! Конфеты ели? – Он быстро кивнул в сторону стола, где стояла перекопанная, но по-прежнему полная вазочка.

– Нет, господин магистр, ни одной не тронули, – страстно покачал головой Флемм, всем своим видом давая понять, что приложился и был бы впечатлен замечательным вкусом сладостей, если бы не проглотил одним махом.

– Свободны. – Армас махнул рукой, словно дал нам старт на побег.

Второго приглашения никто ждать не стал. Выказывая удивительное взаимопонимание и умопомрачительный командный дух, мы припустили к выходу.

– Спокойной ночи, – стараясь не смотреть на магистра, я бочком прошмыгнула рядом с ним, и выскочила в приемную следом за друзьями.

– Эден! – остановил он меня.

Вздрогнув, я резко обернулась:

– Да?

С невозмутимым видом он сунул руку в карман пальто, выудил полупрозрачный кристалл в медной оплетке, неказистый и некрасивый, как и все амулеты с тревожными сигналами, и протянул мне:

– Притушите громкость?

– Я?

– Вы. Возьмите.

Я поймала себя на том, что красноречиво, как ребенок, спрятала руки за спину.

Если уж, магистр Армас, отпускаете с миром, то отпускайте. Зачем придумывать какие-то особые условия? Не желаю браться за противную, нудную и скрупулезную работу! Если он не приврал для красного словца о громкости, то в помещении особенно не наколднешь. Один раз разбудишь амулет, на второй – выставят на улицу (скорее всего пинками), а дверь закроют на замок и еще шваброй изнутри подопрут, чтобы не подумала вернуться обратно с оглушающей штуковиной в кулаке.

– Но...

– Отказываетесь?

– Ни в коем случае! – Я вернулась и уверенно забрала почти невесомый кристалл. – Сколько у меня времени на работу?

– Сколько потребуется, – сделал неожиданное послабление магистр. – Вот теперь спокойной ночи, адептка Эден. Крепкого вам сна.

Мысленно ругая себя за длинный язык, магистра за мелочность и весь мир просто так, из принципа, я вышла из приемной. Друзья дожидались меня тут же, в преподавательской башне.

– Ведьма, давай шустрее, а то сейчас в общаге запрут двери! – подогнал меня Флемминг.

– Не переживай, Ботаник, на улице не останемся. – Илай отлепился от стены и, следя за тем, как в растерянности кручу оплетенный кристалл, спросил:

– Всучил?

– Угу.

– Сволочь, – буркнул он и кивнул:

– Идет отсюда.

Мы дружно зашагали в сторону общежития по пустым замковым коридорам, едва-едва озаренным притушенными огнями. Чувствуя движение, они нехотя с треском разгорались и вновь засыпали, стоило отойти на шаг.

– Это еще что. – Громкий голос Тильды испуганным эхом отразился от стен. – Помните отработку в архиве? Ведьма потом взяла у Армаса конспект лекции, и мы его испортили.

– Ты испортила, – педантично поправила я.

– Матом выругалась именно ты, – справедливо напомнила она.

– А ты переписала свою часть с ошибками.

– Не все же обладают врожденной грамотностью, – развела руками Тильда. – Может, чуток напортачила.

– Был бы чуток, Армас не зубоскалил бы каждое занятие!

– Поверь мне, зубоскалил, – высказался Илай. – Он только притворяется хорошим человеком.

– А ты его неплохо знаешь, – заметила я.

– Сталкивались пару раз... – уклончиво отозвался он и спросил Тильду:

– И что там с лекцией?

Всю дорогу до общежития она в красках и подробностях рассказывала позорную историю о грязном ругательстве, пометившим писанину Армаса, но ни разу не упомянула Марлис Нави-эрн, словно бы никогда не дружила с эртонкой. Парни задыхались от смеха, даже Бади с трудом сдерживал улыбку. Сама видела!

Двери в конце перехода между жилым и учебными корпусами естественно были надежно заперты. Илай вытащил из кармана ключ, вставил в замочную скважину.

– Откуда у тебя ключ? – охнул Флемм и воровато оглянулся через плечо, словно убоявшись, что нас очередной раз накроют, теперь на воровстве ключей от общаги, но отделаться легким испугом точно не выйдет.

– Купил дубликат у смотрителя, – хмыкнул Илай и поднажал на заедающую створку, отозвавшуюся загробным скрипом.

– А так можно?

– Ботаник, тебя в теплице растили? Мы же в Дартмурте, здесь можно купить почти все. – Он бросил в мою сторону ироничный взгляд. – Даже метлу для ведьмы. Правда, летать она не будет, но как мести...

– Осторожно, Форстад, – с милой улыбкой предупредила я. – Камень, брошенный в мой огород, всегда отправляется обратно.

Не успела я добраться до комнаты, зажечь на подоконнике лампу и стянуть с себя рубашку, перепачканную в серой пыли каменного лабиринта, как раздался стук.

– Кто там?

– Эден, открой! – послышался голос Илая.

Недовольно натянув одежду обратно и скромно завязав ленты на воротах, я поплелась к двери. Приоткрыла самую малость, чтобы мажор не попросился в гости. Спрятав руки в карманы, он стоял в темноте коридорного закутка, давным-давно не видевшего магического света.

– Дай угадаю, – мечтая упасть лицом в подушку, без гостеприимства буркнула я. – На твоей двери ручка горит красным цветом, а ты боишься застать Остада за известным делом? Или Дживса? Добрый совет, пусть друзья устраивают притоны у себя.

– В моей комнате никого нет. – Он с трудом сдерживал улыбку.

– Повезло, – кивнула я. – Тогда что? Хочешь снадобье от головной боли?

– Нет.

– Согревающую растирку?

– Не-а.

– Сонный эликсир? Сироп подорожника уже закончился, поэтому не проси.

– Вдруг интересно стало, Эден. К тебе обычно заходят как в аптекарский двор? – открыто потешался он. – Снадобьями тихонечко приторговываешь?

Узнаю старого доброго белобрысого придурка, даже от души отлегло, а то я решила, что он окончательно заигрался в хорошего парня, радеющего за здоровые командные отношения.

– Иди знаешь куда?

– За грань? – немедленно предположил Илай.

– В пень! – огрызнулась я и, сложив руки на груди, привалилась плечом к косяку. – Ладно, что хотел-то? Если что-нибудь пожевать, то холодильный шкаф с едой стоит в хозяйственной башне, но могу предложить сжевать конспекты.

– Помощь нужна?

– Своровать холодильный шкаф? Не нужно.

– Помощь с амулетом, – терпеливо пояснил он.

– Каким? – не поняла я.

– Армаса.

– Сейчас? – почему-то вырвалось у меня, точно в другое время предложение помочь с трудоемким колдовством вызвало бы не искреннее недоумение, а щенячий восторг.

– Время еще детское.

– Время, может, и детское, но с чего такая забота о ближнем? – Я с подозрением сузила глаза. – Колись, Форстад, что ты на самом деле задумал?

Кто в здравом рассудке на такое подпишется? Уверена, что преподаватели заставляют наказанных адептов создавать амулеты, чтобы самим не ковыряться.

– Думал долг отдать за таверну, но не хочешь – забудь, – пожал он плечами, развернулся на пятках и скрылся за поворотом.

Я невольно сделала несколько шагов и, из-за угла проследив за тем, как он удаляется, почувствовала себя... натуральной ведьмой. Может, правда метлу завести?

Этой ночью мне снился лабиринт с черными гладкими стенами. Я металась в узких проходах, но все время заходила в тупики и звала Илая. Сердце, казалось, было готово разорваться в клочья... И ведь чуть не разорвалось! От паники. В реальности наступил конец света. Начало ознаменовалось громким, леденящим кровь мычанием рейнсверского скиффолса или по простому летающей коровы. Спросонья я вскочила с кровати, но запуталась в одеяле и с грохотом шмякнулась на пол, но даже удар не вернул сознанию ясность. В туманной голове крутилась престранная мысль, что надо спасти сироп подорожника, иначе во время конца света издохну от банального кашля!

В себя пришла, когда схватила ящичек с аптекарскими снадобьями. С недоумением огляделась. Ночь подступала к середине, темнота приобрела густоту и непроницаемость, тишина сделалась до жути глубокой. Никакого конца света, рассыпающихся стен и кровожадных коров с перепончатыми драконьими крыльями не наблюдалось.

– Привидится же... – в страшном конфузе пробормотала я и вернула ящичек на место.

Едва прилегла, прикрылась одеялом, блаженно смежила веки, настраиваясь на сон, как комната сотряслась от душераздирающего рыка-мычания. Казалось летающая корова спряталась под кровать, застряла и теперь злобно орала, требуя выпустить ее на волю.

Амулет! В мгновение ока я подлетела к стулу, на котором висели изгвазданные в лабиринте штаны, вытащила из кармана оплетенный кристалл, мерцающий в темноте розоватым светом. – Да чтоб тебе пусто стало, Верден Армас! – в сердцах плюнула я, начиная понимать, что именно он имел в виду под этим своим «крепкого вам сна, адептка Эден». Живое представлялось, как, вольготно откинувшись на спинку рабочего кресла, магистр закидывал в рот леденцовый шарик и щелкал пальцами, пробуждая защиту. В общежитии случался звуковой коллапс, а он разгрызал конфету, брал из вазочки новую и опять щелкал пальцами.

Сжимая камень в кулаке, я осторожно приоткрыла дверь и прислушалась к тому, что происходило в коридоре. Народ высыпал из комнат, испуганно галдел и пытался отыскать источник ужасающего шума. Представив, как прискочивший кастелян выгоняет меня с вещами и амулетом на улицу, я немедленно заперлась, подвинула к двери сундук, стоявший возле стены, и бросилась колдовать...

Уверена, что преподаватели заставляли адептов зачаровывать амулеты с тревожными сигналами в качестве наказания. Мол, не хочешь мести полы, колдуй, безропотная скотина. Мой предшественник оказался с юмором и заставил кристалл издавать мычание подыхающего скиффолса. Надеюсь, что спутница Армаса упала в обморок и уткнулась носом в пироженку, когда из его кармана вдруг громыхнул предсмертный хрип рейсверской коровы, а очнувшись, дала странному кавалеру от ворот поворот. Ей-богу, он заслужил!

Только я сосредоточилась и начала разбираться, как приглушить звук в запутанном, криво наложенном заклятье, как кристалл угрожающе замерцал, предупреждая, что через секунду всех, кто не успел спрятаться под кровать, снесет звуковой волной. Молниеносным движением я запихнула амулет под подушку, заткнула уши руками и съежилась. Очередной оглушающий рык сотряс стены комнатухи.

– Магистр, тебя бессонница, что ли, мучает? – процедила я с ненавистью.

Вдруг в дверь тихонечко, как будто испуганно постучались. Пришлось чуточку отодвинуть сундук, открыть, насколько позволило узкое расстояние, и высунуться в коридор. На пороге стояла взлохмаченная девушка в розовом халате, назначенная смотрителем старостой этажа просто за то, что бедняжке не повезло заселиться в первую комнату. За ее спиной толпились испуганные девчонки.

– Ты ничего не слышала? – спросила она.

– Нет, – изобразила я широкий зевок. – Что-то произошло?

– Кто-то... – Девушка боязливо оглянулась через плечо к жительницам третьего этажа. – Ревел. Весь этаж перебудило. Кажется, это у тебя.

– У меня? – удивилась я, молясь, чтобы Армас решил, что достаточно наигрался, уже пошел спать или наконец принял холодный душ, если мысль об испорченном вечере не давала уснуть.

– Вообще ничего?

– Я сплю с берушами.

– А еще одних нет? – спросил кто-то.

– Увы, – пожала я плечами.

Откровенно говоря, чтобы не услышать ужасающего мычания следовало замазать уши глиной, но девчонки поверили и оставили меня в покое.

В следующий раз кристалл замерцал часа через три, когда я успела разобраться, чего нагородил товарищ, колдовавший над амулетом, а этаж окончательно успокоился. От паники, что сейчас «рванет», я с такой поспешностью притушила магию, что басовитое мычание, только-только зародившись, мгновенно переросло в невнятный скулеж и окончательно стихло. Звук исчез. Еще целый час, пытаясь безуспешно победить усталость и заснуть, я следила за тем, как лежавший на подоконнике возле лампы кристалл то тщечно вспыхивал, то затухал. Правда, теперь ярко, можно было вместо ночника оставлять.

На следующий день хуже меня выглядел только магистр Армас, проигнорировавший появление в аудитории нашей бравой пятерки. Даже ни с кем не поздоровался. Было заметно, что бессонная ночь не прошла для мужика бесследно. Злой, как голодная рейсверская мухоловка, он заставил группу писать незапланированную проверочную работу, а сам, засев за

преподавательской кафедрой, делал вид, будто изучает какую-то книгу, прихлебывал из кружки нечто бодрящее и с трудом сдерживал зевоту. И кому, спрашивается, сделал хорошо?

Воспитатель болтливых адептов недоделанный.

Когда занятие наконец закончилось, народ устремился на выход. Я положила в общую стопку работу с решенными задачами и сдержанно обратилась:

– Магистр?

– Слушаю, адептка Эден, – хмуро проговорил он, не отрывая взгляда от книги, и прихлебнул напиток. Вернее, сделал вид, будто прихлебнул. Источник бодрости давно закончился, оставалось разве что высунуть язык и облизать стенки. Но я, наученная горьким опытом, мудро «не заметила» преподавательский конфуз.

– Амулет. – Оплетенный камень лег на стол.

– Уже? – изогнул Армас брови, наконец сподобившись покоситься в мою сторону.

– У меня был стимул.

– Какой? – сделал он вид, будто ничегошеньки не понимает.

– Очень шумный, – с серьезным видом уверила я и, проследив, как магистр с нарочитой ленцой забирает кристалл, вымолвила:

– Могу я задать вопрос?

– Нет.

– Из нас пятерых, почему вы наказали только меня? – притворилась я глухой.

– Настроение было дурное, а вы не вовремя высказались, – неожиданно признался он.

Наши взгляды встретились, что являлось опасным и даже скандальным обстоятельством. С младших классов ученикам внушали, якобы нельзя поднимать глаза на преподавателя и дерзко таращиться ему в лицо – тоже не принято, но мы смотрели. Зайдет кто-нибудь в аудиторию, точно вообразит чепуху, а потом по академии запорхают новые листовки с двусмысленной сценой.

– Ясно, – разрывая зрительный контакт, вздохнула я.

– Что-то еще? – изогнул он брови.

– Нет, всего наилучшего. – Я направилась к двери, но вдруг поняла, что если не выскажусь, то на лекции по мироустройству взорвусь черным, как методичка Хилдиса. – К слову, магистр, совершенно забыла сказать, что улучшила амулет.

– Каким образом? – исключительно из вежливости уточнил Армас, но по всему было видно, что разговор его прилично допек.

– Убрала звук.

– Разве не затем кристалл был передан вам?

– Вообще убрала, – уточнила я. – Теперь амулет абсолютно, совершенно беззвучен. Уверяю, он больше никого не разбудит среди ночи. Полный покой для окружающих!

– Полный... покой? – с расстановкой переспросил магистр.

– Зато теперь амулет очень ярко светится. Особенно в темноте.

Армас кашлянув в кулак, почесал бровь и вымолвил:

– И для чего вы сделали это – к-хм – улучшение?

– Настроение было дурное, а он не вовремя замычал, – дернула я плечом. – Но если нужно вернуть хрип умирающего скиффолса, то магию легко разжечь обратно.

Он смотрел почти с восхищением, видимо, не веря, что перед ним стояла девчонка-первогодка и дерзила в лицо.

– Аниса, кажется, я чего-то недопонимаю, но... вы предлагаете мне этим на досуге заняться?

– Я бы никогда не посмела! – Для пущей убедительности прижав руки к груди, я изобразила раскаянье и шустренько, пока Армас не пришел в себя, отчалила на лекцию по мироустройству.

– Ведьма, смотри! – Флемминг Квинстад бухнул передо мной раскрытую книгу, прямехонько на недописанный доклад по истории, и с самодовольным видом уселся рядом.

Страницы фолианта были желтоватыми, а текст написан на старомagическом языке. Некоторое время я вчитывалась в сложные символы, пытаюсь в голове утрамбовать общую мысль. И тут до меня дошло! Ботаник обнаружил способ снять дымовое заклятье Хилдиса.

– Оно? – уточнил он.

– Как ты его нашел? – охнула я и немедленно прикусила язык, когда со стороны соседнего стола раздалось недовольное цыканье от адептки с факультета общей магии. Битый час она страдала над созданием иллюзии огненной птицы, но выходило дурно. Вместо пернатой в воздухе появлялось то размытое пятно, отдаленно напоминающее попугая, то неопрятная клякса, похожая на неопрятную кляксу.

Мы с Флеммингом склонили головы, чуть не столкнувшись лбами. Он зашептал:

– В прошлую декаду парни из исторического клуба пытались взломать опечатанный устав братства хранителей и стащили эту книгу из читального зала.

– Как? – заинтересовалась я, ведь выйти с библиотечной книгой за пазухой не позволяло охранное колдовство.

– Обманули защиту. Если что, я был против воровства!

– Всегда знала, что историки – страшные люди, – хмыкнула я.

– Да, и мы превосходно владеем старомagическим. – Он сунул мне сложенный листочек с переводом заклятья и, поднявшись, объявил, словно назначал любовное свидание:

– Я и ты. Сегодня после ужина. У тебя в комнате.

– Я, ты и Тильда, – поправила, проигнорировав презрительный взгляд неудачливой иллюзионистки, вновь наколдовавшей радужную кляксу. Мол, ни стыда ни совести у первогодок.

– Она же все равно не сечет в высшей магии! – громко возмутился Флемм, наплевав на то, что к нему оглянулись все, кому было не лень оторваться от зубрежки и повернуть голову.

– Да, но у нее единственной из нас троих есть методичка. И еще один принципиальный вопрос. Почему в моей комнате?

– Почему? – Ботаник замялся, пытаюсь отыскать достойную причину, по какой мы должны, простите, гадить и дымить именно на моей территории. – У меня бардак! С прошлой седмицы не сдавал грязную одежду в прачечную.

– Спрячешь под кровать. Я не брезгливая.

– Соседи начнут сплетничать!

– А мои, значит, сделают вид, будто не заметили вечеринок. Они от меня скоро завоюют всем этажом и переселят на лестницу.

– У меня места мало! – теряя надежду, бросил Ботаник очередной аргумент.

– А я вообще живу в бывшем чулане.

– Зато не в центре коридора! – просиял противник. Словесная битва была проиграна, личные апартаменты отвоеваны и, назначив время, он хотел припустить к выходу из зала для самостоятельной работы.

– Постой, Флемм! – позвала я. – Устав-то взломали?

– Нет, – покачал он головой. – Но мы очень старались.

Мягко говоря, не слишком обнадеживающая новость для того, кто задумал преступление года. Ботаник завилал между столами, пытаюсь срезать дорогу к раскрытым дверям, а я отложила доклад по истории и, пытаюсь справиться с неразборчивым почерком неизвестного гения-историка, начала изучать перевод заклятья.

Гости-подельники приходили один за другим. Сначала появилась Тильда с методичкой, бутылкой облепиховой настойки и засахаренными орешками в холщовом мешочке на закуску.

– А она зачем? – кивнула я на объемную бутылку, извлеченную из сумки.

– Для поминок.

– Чьих?

– Предположительно амбиций, но по ходу пьесы откорректируем, – чистосердечно призналась Тильда, что мало верит в удачный исход авантюры, но как хорошая подруга готова и посочувствовать, и порадоваться за нас, смотря что потребуется.

Вскоре появился Флемм. Он постучался каким-то особенным зашифрованным стуком, словно пытался попасть на сходку тайного общества. Когда я открыла дверь, то обнаружила за его спиной Бади. Здоровяк продемонстрировал свою методичку, помахав ею над кудрявой головой приятеля, и изрек:

– Запасная.

– Добро пожаловать, – подвинулась я в дверях.

И когда все пожаловали, в комнатке стало катастрофически не хватать места. Бади пристроился на сундуке в углу и вытянул ноги. Я немедленно споткнулась и бедняге пришлось побыстрее сгруппироваться, отчего он начал походить на наказанную жестоким наставником сиротку весом в двух таких наставников. Тильда уселась на кровать. Мы с Флеммом сначала разложились на полу, а потом решили переместиться на подоконник к открытому окну, чтобы дымить сразу на улицу.

– Знаете, мне остро не хватает Мажора, – проговорила подруга, наблюдая за тем, как мы с Ботаником, толкаясь локтями, пытаемся уместить на одном подоконнике методичку, словарь старомagического языка, лампу, себя и раздутое эго, характерное для всех отличников, любящих выставляться перед конкурентами. Последнее особенно распирало и заставляло нас в молчаливой борьбе непримиримо отвоевывать каждый кубический дюйм пространства.

– Если мы позовем Форстада, то здесь дышать станет нечем, – буркнула я.

– Да, но мы же команда, – задумчиво протирая стеклышки очков, напомнила Тильда и добавила: – Еще на восьмом этаже комнаты больше наших... Куча места! Даже стол помещается.

Мы переглянулись.

– Отправим «птичку»? – спросил Ботаник.

– Ответа не дождемся, – покачала я головой и вытащила из деревянного стаканчика на тумбе перо без чернил.

«Форстад!»

– нацарапала я на внешней стороне кисти. Кривые крупные буквы вспыхнули голубым всполохом и исчезли.

В школе такие записочки на руках называли «приветики». Знаю, что нелепо, но, по-моему, «улыбочки» или «рожицы» звучало еще глупее. Колдовство было несложным, конечно, для того, кто владел хотя бы азами высшей магии, но друзья смотрели с уважением.

– Что? – не поняла я. – Вы никогда не обменивались «приветиками»? Нет?

Они промолчали.

– Видимо, нет... Ну и зря. Удобнее всяких шпаргалок.

– Научишь? – быстро попросил Флемм.

– Легко.

«Эден!»

– высветилась изумленная надпись на руке. Похоже, в отличие от моих друзей, Илай не в первый раз пользовался удобным заклинанием, способным донести послание до человека, даже если тот пытался прятаться.

«Ты где?»

«У себя»

, – тут же ответил он.

«Ручка на двери красная?»

«Нет».

Мысленно я представляла, как он самодовольно ухмылялся, выводя это свое короткое «нет».

«Иду».

«Жду».

– Даже не спросил зачем, – удивилась Тильда, с любопытством заглядывающая мне через плечо. – Страшно представить, что он мог подумать.

– Полагаешь, он ждет Ведьму в учебной мантии на голое тело? – подхватил Ботаник.

– Скорее в полной амуниции и с метлой наизготовку, – фыркнула Матильда.

– Мужик, – с уважением покачал головой Бади.

– Друзья! Выставила бы вас пинками, но мы уже уходим, – только и смогла прокомментировать подколки.

Через некоторое время, прижимая к груди стопку книг, я стучалась в комнату Форстада. Он открыл немедленно, словно поджидал под дверью. Одет был в одни домашние штаны в замечательную синюю полоску, торс наголо – любуйтесь сколько влезет. С ухмылкой он сложил руки на груди, точно специально демонстрируя крепкие мускулы, и привалился плечом к косяку. Я решила, что испытываю неловкость перед друзьями, и отказалась думать, как мне нравятся его ключицы.

– Пришла Эден с учебниками, – промурлыкал он.

– На самом деле еще с нами. – Флемм шустро вынырнул из-за двери и, пока хозяин жилища не оценил размер стихийного бедствия, с мощью неуправляемой вагонетки прорвался в комнату.

– И с бутылкой облепиховой настойки! – Тильда помахала перед лицом обескураженного Илая бутылку с ядовито-желтым напитком и заскочила следом за приятелем. – Мажор, ты без рубашки, потому что отдал все вещи в стирку? Или гардероб разворовали?

– И с Бади, – кисло добавил Форстад, здороваясь со здоровяком за руку, но мне перекрыл дорогу и с неподдельной тревогой в голосе спросил:

– Вы ведь не хотите заняться групповым чтением?

– Чтением – нет, но, может, позже хором споем, – жизнерадостно пообещала я. – Ты же не выставишь свою команду в коридор? За тобой должок.

– И?

– Напомнить о чем долг?

– О том, по какому поводу вы завалились полным составом.

Видимо, он хотел знать наверняка, что после нашего нашествия – в смысле, пришествия – не придется платить штраф за разломанную мебель, испорченные стены и вообще делать за свой счет ремонт. Честное слово, я бы не рискнула дать гарантию, что преступление века обойдется без жертв.

– Сегодня мы взламываем методичку Хилдиса.

– Всей бандой?

– Вообще, мы с Флеммом, остальные просто поддерживают.

Он покосился на гостей, с любопытством изучавших обстановку: кровать шире наших, добротный стол, нормальный шкаф, ночник, стоящий на высокой тонкой ноге, портьеры на окнах, самое настоящее кресло с высокой спинкой, обитое полосатым, как штаны хозяина, гобеленом и, что особенно возмущало, пуфик для ног. В мой чулан, знаете ли, стул не поместился, а тут пуфик! Мажор же в конце концов не старик, страдающий подагрой.

– Знаешь, как себя чувствует человек, который решил подвезти девушку, а в карету вместе с ней запрыгнули еще десять бородатых мужиков? – тихонечко высказался он.

– Мужики – грабители? – Я честно старалась сотрудничать, чтобы нас не вытолкали за дверь. Впрочем, Бади ни за какие коврижки не выгонишь, разве что любезно попросишь покинуть помещение, но не факт, что он захочет встать с кресла.

– Что еще за грабители? – сморщился Илай.

– Ну, понимаешь, человек в одной карете с десятью бородатыми грабителями и человек с десятью бородатыми храмовниками точно чувствует себя по-разному.

– Эден... – Он глубоко вздохнул, видимо, стараясь задушить потоком воздуха ругательства. – Просто надену рубашку.

– Это будет к месту, – согласилась я.

– И зажгу ручку на двери, – буркнул он.

– Тогда все решат, что у нас групповые чтения или групповые пляски...

– Я понял, – перебил он. – Ты считаешь, все захотят заглянуть на огонек.

– Вообще, надеюсь, что обойдется без огонька, – призналась я и проскочила наконец в комнату. Дверь была надежно заперта на ключ, из шкафа выужена рубашка и голые тела Форстада прикрыты.

Битый час мы спорили из-за допущенной в переводе ошибки. Флемм доказывал, что в старомагическом языке исторический клуб разбирается получше других, а мы с Илаем тыкали пальцами в словарь и пытались доказать, что лучше словаря они точно сложный язык не знают. Тильда с Бади с азартом следили за грызней и хрустели солеными орешками, найденными в закромах у богатенького избалованного вкусняшками хозяина.

В конце концов согласившись, что прочесть заклятье и так, и этак нам никто не запрещает, мы разложили методичку на столе. Я прикоснулась руками к раскрытым страницам, сосредоточилась и начала мысленно произносить слова, ощущая, как силой магии ладони прилипают к бумаге.

– Испарись! – громко, вслух, как того требовали правила, произнесла я последнее слово. Притяжение исчезло.

– Ну, давай, Эден, – тихо проговорил Илай, не сводивший напряженного взгляда с методички.

Я послушно приподняла один палец и от страницы, заставляя всех вздрогнуть, со злобным шипением просочилась тонкая струйка черного дыма. В прошлый раз колдовство не сопровождалось никакими звуковыми эффектами...

– А я говорил, что там не «испарись», а «исчезни!» – победоносно изрек Ботаник. – Нашлись великие гении высшей магии!

Неведомой силой мои руки отталкивались от методички. Дым стремился вытечь наружу и заполнить комнату.

– Эй, парни! – позвала я, но они не слышали и продолжали переругиваться.

– Друзья! – рявкнул Бади поставленным командным голосом.

– Что?! – рыкнули спорщики в два голоса, обернувшись к здоровяку, и тот кивнул на меня, мол, дама просит слова.

– Окно откройте, – тихо попросила я, – иначе случится страшное.

Окно открыть не успели, а страшное все равно случилось. Неведомая сила отпихнула меня от страха. Бессмысленно всплеснув руками, я чуть было не навернулась, но Илай подхватил меня под локоть и не позволил встретиться с жестким полом. А в потолок, с силой пара, рвущегося из носика кипящего чайника, вылетел столб черного дыма, стремительно заполнявшего комнату.

В наших стройных рядах случилась короткая паника. Все одновременно бросились к единственному окну. Тильда наступила на задернутую портьеру, та сорвалась с петель, повисла неровным полотнищем. Бади с корнем выдрал шпингалет и с такой силой толкнул оконные створки, что задрожали стекла.

– Несу! – выкрикнула я, вытягивая перед собой книжечку, и высунулась из окна. В звездное небо, как из демонического портала, потекли черные густые клубы. К счастью, окна выходили не на внутренний двор, а на живописные окрестности и появление зрителя общежития нам не грозило. Если, конечно, он не имел привычки в потемках прогуливаться по полю за замковой стеной.

Дым излился. В сизой от завесы комнате повисло странное молчание.

– Мажор, извини, что содрала занавеску, – шмыгнула носом Тильда.

– Ничего... – Он задрал голову, проверяя покосившийся карниз. – Эден повесит.

– Почему я?

– Ты идейный вдохновитель, – указал он пальцем. – Бери ответственность!

Спорить было глупо, я пробормотала под нос, за какой именно гранью видела чужие портьеры, но громко высказать недовольство посчитала за хамство.

– Второй заход? – предложил Ботаник, потирая в предвкушении руки.

От раскрытого окна решили далеко не отходить, разложились на подоконнике. С самым серьезным видом Флемм возложил ладони на методичку, прикрыл дрожащие веки и замер. Кудри стояли дыбом то ли от волнения, то ли от вящего страха. Тихим голосом, на одной заунывной ноте он начал читать заклятье.

– Исчезни! – резко произнес он и убрал ладони.

И ничего не случилось!

– Вот видите, – самодовольно ухмыльнулся Ботаник. – А я что говорил! Историки прекрасно разбираются в старомagическом.

Я бросила взгляд на методичку. Сероватую страницу с нечитабельными символами ласкал маленький язычок синего пламени.

– Горит, – произнесла я, не веря собственным глазам.

В следующую секунду бумага вспыхнула и на подоконнике образовался настоящий костер!

– Горим! – взвизгнул Ботаник.

– Выбрасывай в окно! – гаркнул Илай.

– А если к кому-нибудь залетит? – не позволила я.

Пожар потушил Бади. Не выказывая ни капли тревоги, он вылил из бутылки ядрено-желтую облепиховую настойку. Пламя с шипением потухло. На каменном подоконнике осталась жалкая кучка мокрого пепла, а на светлых оконных откосах вытянулись черные языки копоти. Теперь воздух в комнате был не только сизым, но и дурно пах кострищем.

– А я говорила, что пригодится настойка, – протянула Матильда, которая со страха прямо в туфлях заскочила на кровать и теперь трепетно обнимала чужую подушку. – Правда думала, что мы ею будем зеньки заливать, а не мою методичку за семь соримов.

– Вечер полон неожиданностей, – протянула я.

Откровенно сказать, мы все чувствовали себя по-дурачки. Развести огонь умели, а потушить по-человечески, то есть магически, еще не научились. Скорее бы уже началась стихийная магия. Тогда хоть пожары тушить, хоть потопаы останавливать, хоть методички Хилдиса расколдовывать, если он надумает еще одну написать.

Впрочем, с пожарами и потопами я погорячилась... Через пару лет постоянных тренировок, может быть, получится потушить какой-нибудь костерок или перекрыть воду в кране. Стихийная магия зрелищная, красивая и очень капризная!

– Бади, приятель, – суровым голосом вымолвил Флемм. – Кажется, пришло время запасного варианта.

Качок тяжело вздохнул, явно не желая отдавать на казнь сокровище, стоящее, как приличные сапоги, но все-таки методичку протянул. Ботаник попытался забрать, но противник крепко держал, видимо, мысленно прощаясь навсегда с «превосходно» по мироустройству.

– Дай ему минуточку, – вымолвила я.

В общем, Бади оказался прав. В третий раз не было ни дыма, ни пламени. Буквы тихо-мирно, не принеся никаких разрушений, испарились. Методичка по мироустройству превратилась в блокнот для записей, разве что на титульном листе по-прежнему красовалось название.

Оставалась последняя возможность победить торгаша Хилди и его легендарную защиту.

– Свои вещи предпочитаю портить лично! – объявил Илай, когда взгляды обратились в его сторону.

Абсолютно уверена, что дело вовсе не в кривых ручках! Мы с Ботаником отлично колдуем, особенно на каменных подоконниках, под открытыми безбожно сквозящими окнами. Просто белобрысым придуркам изредка тоже везет, а еще они умеют учиться на чужих ошибках и учитывать прошлый неудачный опыт. Три неудачных опыта, быть точнее. Не произнеся ни одного слова вслух, не произведя ни одного магического жеста руками, Илай филигранно снял оба заклятья. Правда, от напряжения на лбу выступила испарина, а под глазами резко обозначились темные круги, но в умении снимать магическую защиту он уложил нас на лопатки.

– Жаль, что настойку мы уже вылили, – вздохнула Тильда. – Даже не отпразднуешь.

До середины ночи мы занимались созданием копий. Пришлось на каждой стереть имя Илая, написанное рукой Хилдиса, и истратить все найденные в закромах запасы бумаги. Методички получились разноперыми: с кипенно-белыми, тускло-серыми, ярко-желтыми страницами, но полностью обезличенные. Никогда в жизни не догадаешься, кто взломал! С чувством выполненного долга, усталые и страшно довольные, мы разошлись по комнатам, а на следующее утро в библиотеке, в отделе учебников по мироустройству, появились несколько самопальных книжечек с вложенным посланием «взял себе – откопируй другу»

О том, что благое дело команды победителей, было замечено и пошло, так сказать, в массы, мы узнали через пару дней на лекции Хилдиса. Собственно, от самого магистра. Обычно он врывался в аудиторию, когда она заполнялась, вальяжной походкой, с приторной улыбкой на сытом лице, словно каждый раз ждал аплодисментов. Сегодня магистр дожидался адептов за преподавательской кафедрой. Когда в аудиторию набился народ и наступила выжидательная тишина, Хилдис поднялся и продемонстрировал монструозную копию методички, одну из собранных нашей командой.

– Я хотел сказать, что найду того, кто осквернил труд всей моей жизни! – голос магистра громом прокатился по практически пустой аудитории. – Расплата будет горькой!

Для пушного драматического эффекта не хватало стусившихся под потолком грозовых туч, пронизанных всполохами молний.

– Магистр! – поднял руку Флемминг, сидевший на другом конце аудитории, и все невольно повернули к нему головы. – У меня только один вопрос. Лекция сегодня будет?

Хилдис замялся, осмотрелся, видимо, не найдя понимания в лицах неофитов, и буркнул:

– Куда же я денусь?

Народ тихо захихикал.

Магистр расстроено пожевал губами, помолчал и потряс методичкой:

– Если у кого-нибудь в руках увижу этого подпольного монстра, заставлю пересдавать проверочные работы!

Он швырнул книжечку на стол и перевернул песочные часы.

После лекции магистр провожал каждого, кто в свое время отказался от покупки дополнительных материалов, злобным, пристальным взглядом, словно в уме подсчитывал и составлял списки потенциальных вандалов, покусившихся на дело всей его жизни.

Маленькая бумажная птичка нашла меня на лестничном пролете, когда я, отстав от друзей, поднималась на практическую по высшей магии. Ласточка махала крыльями прямо перед лицом, словно хотела вонзиться в лоб или глаз. Было очевидно, что вряд ли надоедливая летунья ошиблась адресатом. Стоило ее поймать, как записка начала сама собой разворачиваться.

– Надо же, какой обходительный, – насмешливо фыркнула себе под нос и с любопытством проверила, какую же настолько срочную новость хотел донести до меня неизвестный отправитель, что даже зачаровал птичку. И нет, мне прислали не новость, а странное поздравление, которое ни в коем случае нельзя было отправлять.

«Это было идеальное командное преступление. Bravo!»

Я запросто узнала почерк Вердена Армаса. Он писал с помпезными завитушками, мелкими литерами, крепко сцепленными друг с дружкой. Усмехнувшись, я раскрыла ладонь и, наплевав на свидетелей, решила уничтожить записку. Бумажка на ладони стремительно съеживалась, превращаясь в невесомый пепел, и в этот момент кто-то с силой толкнул меня в спину. Стараясь сохранить равновесие, я сделала мелкий шаг вперед и вылетела из собственного тела.

От неожиданности на секунду замерла, крутанулась на пятках и нос к носу столкнулась с темноволосой девушкой, на раскрытой ладони которой под действием заклятья разрушения

дотлевал клочок бумаги. Видеть себя со стороны было жутко! Лицо с острым подбородком, сохранившее следы летнего загара, приоткрытые искусственные губы, скрывающая фигуру мантия с гербом Дартмурта на груди. Орехового цвета глаза широко раскрыты, зрачки расширены, как у адепта-алхимика, хлебнувшего собственноручно наваренного хмеля.

Какая страшная! В смысле, не я страшная, а очередная галлюцинация!

В восточных долинах ходит поверье, что если столкнуться нос к носу с двойником, то не доживешь до конца седмицы. Может, я того... издохну, даже не дождавшись нового квеста?

– Эден, изображаешь храмовую курительницу? Подвинься! – прозвучал над ухом голос Илая.

Второй день подряд меня преследовало это его «подвинься, Эден». Он словно нацелился отхватить кусок моего личного пространства в безвозмездное пользование: за обеденным столом, в учебной аудитории, у питьевого фонтанчика, даже на беговой дорожке! На полигоне-то почему ему не хватило места? Трусил, будто понурый пони, плечо к плечу, изредка тесня меня к краю вытоптанной тропинки. Жадный захватчик!

Не иначе как от возмущения я пришла в себя. Резко сжала кулак, пряча черный пепел, повернула голову. Форстад стоял в полушаге, смотрел пристально, нахмурившись, точно видел насквозь и догадывался, что у меня в голове происходила какая-то ведьмовская чепуха. Ведь даже на усталость не свалишь! В последние две ночи дрыхла, как ввалившийся в зимнюю спячку рейнсверский дракон.

– Ты в порядке? – тихо спросил он.

– В полнейшем. Подумываю на досуге помереть. – Я начала быстро подниматься по ступенькам.

Глава 7. Фамильяр для ведьмы

Пепел въелся намертво. Ладонь словно расцртили черные, нанесенные несмываемыми чернилами линии. Я пыталась отмыть грязь едким щелоком. Кожа горела, рука окостенела под ледяной водой, текущей скудной, скромной струйкой из крана в каменную раковину, а рука все равно выглядела так, словно принадлежала рудокопу, притом заснувшего зимой в сугробе. В голове роились мысли, испуганные, шумные, как несыгранный оркестр, и очень неприятные... Понятия не имею, что со мной происходит, но обязательно выясню!

– Ты ведьма? – спросил женский голос.

Я обернулась и обнаружила, что меня рассматривают три незнакомые девицы с факультета общей магии. Выглядели адепки очень решительными, будто намеревались выдрать мне пару очень нужных вихров. Руки были подозрительно сложены на груди, причем у всех сразу.

– Изредка бываю, – закручивая кран, согласилась я.

– Ты в одной команде с Илаем Форстадом? – с подозрением одна. Судя по всему, в трио она являлась запевалой, две другие исполняли роль крайних хористок во втором ряду.

– Да, случилась неприятность.

– Познакомишь?

– С Форстадом? – опешила я. – Не знала, что похожа на его личную сваху.

– Ты единственная осталась с ним друзьями после расставания! – вдруг выпалила она.

– Мы никогда... – Я осеклась и прикрыла глаза, стараясь терпеливо досчитать – ладно до десяти – хотя бы до пяти.

– Три сорима! – предложила она.

Считать немедленно перехотелось. Я с изумлением воззрилась на влюбленную предводительницу банды. Ей больше деньги девать некуда, только платить за знакомство с белокрысыми мажорами, до самой линии горизонта сеющими пафос и высокомерие?

– Четыре! – с отчаяньем предложила она, неверно истолковав удивленное молчание «свахи».

Божечки! Может, если еще выдержать паузу, то ставка поднимется до пяти монет? Однако время поджимало, а Армас, перевернув песочные часы, тут же запирает дверь на ключ. Пропускать любимый предмет и лишать себя удовольствия от изучения высшей магии не хотелось.

– Деньги вперед, – предложила я, уверенная, что девушка немедленно передумает. Но она полезла в напоясный кошель и вытащила блестящую, словно только-только отчеканенную монету.

– Сорим сейчас, остальные после знакомства.

Торговаться она умела. Уважаю!

– По рукам, – без зазрения совести я забрала деньги. Можете считать меня меркантильным и очень плохим человеком, буквально гадостью, а не человеком, но, как говорит тетка Надин, с паршивого аристократишки хоть золотую ниточку.

– Когда? – девушка требовала точных сроков исполнения заказа.

– Жди меня возле столовой перед обедом. Когда он ест, то расслаблен и сходу не нахамит, – предположила я, пряча деньги.

– Сегодня? – Девушка как будто испугалась.

– А чего тянуть? К слову, если нахамит – оплату не верну.

– Но у меня волосы без завивки! – потрогала она украшенные заколкой с изумрудными стекляшками русые густые пряди.

– Потом завьешь, если останется что завивать, – намекнула я, что поклонницы у Форстада очень нервные, запросто вцепляются в шевелюру. Зачем тратить время на кудряшки, если есть риск к вечеру оказаться без трети волос?

Толкнув плечом дверь, я вывалилась из уборной и стремительной походкой пересекла коридор. К счастью, Армас еще не появился. Сделав вид, что не расслышала очередную сальную шуточку Дживса, прошагала к столу Илая. Тот что-то читал и делал вид, будто меня не замечает. Пришлось постучать пальцем по парте. Три раза. Чуть костяшку не сбила.

Форстад лениво поднял взгляд и вопросительно выгнул брови, мол, что хотела.

– На обеде я познакомлю тебя с девушкой. Имя забыла спросить, сам узнаешь. Будь с ней мил, – приказным тоном объявила я.

Увидеть ошарашенное выражение на аристократической физиономии было бесценно.

– Я думал ты ведьма, а не сводница.

– Мне за тебя заплатили четыре сорима.

Он поперхнулся на вздохе. С независимым видом я начала раскладывать вещи на своем столе, в смысле, на соседнем с Форстадом.

– Какого демона ты торгуешь моим телом? – возмутился он, честно говоря, страшно удивив. Кто из нас двоих болеет неконтролируемым блудом?

– Вообще не только телом, но и всем, что к нему прилагается. Зачатком мужского обаяния в том числе.

– Ты не ответила на вопрос: какого демона? Я кто, твой фамилляр?

– За тобой должок, – немедленно напомнила я.

– Я отдал все долги, когда позволил устроить в своей комнате шабаш.

Перед мысленным взором вдруг появилась разгромленная после магических потуг и копировальных усилий комната Илая. Конечно, идеальной чистотой она не отличалась и до нашего прихода, но после ухода

сносное жилище превратилось в развалины. Что сказать? Впятером наша команда победителей приобретала разрушительную силу.

– А ведь ты прав... – протянула я. – Но в любом случае я тебя уже продала, поэтому постарайся вести себя как нормальный парень, а не как тебе нравится.

– Какая мне от этого выгода? – вдруг нашелся он.

– Ты познакомишься с симпатичной девушкой, – предположила я и добавила:

– И еще с двумя ее подружками. Всего три совершеннолетние адепки факультета общей магии. Можешь не благодарить.

– Пф-ф-ф, – фыркнул он. – Я завязал с девушками.

– Божечки! – изобразила я священный ужас и, прикрываясь плохо отмытой ладошкой, громко прошептала:

– Только не говори об этом Дживсу, а то он от радости упадет в обморок!

– Ведьма, не смей называть мое родовое имя! – немедленно отозвался Дживс, услышав, что вражина посмела посягнуть на святое. – Это не к добру.

– Не к добру, Дживс, чужие разговоры подслушивать, – отпарировала я. – Можно случайно узнать, что о тебе думают люди, и сильно расстроиться.

Тут в аудиторию уверенной походкой вошел Армас, коротко поздоровался, перевернул часы и немедленно запер на ключ дверь. Занятие началось. Он тряхнул стопкой разноцветных листов с проверочными работами, на прошлом занятии навязанными группе, и объявил:

– Результаты ваших потуг, будущие господа хранители магии.

Магистр принялся обходить аудиторию, швырял каждому адепту на стол работу и отвечивал едкие комментарии. В общем, все, как обычно.

– Квинстад, – помедлил он возле стола Ботаника, – отлично.

Он продвинулся к Тильде.

– Юри, отлично.

– Но я даже половины не сделала, – недоуменно призналась она.

– Зато, как филигранно выполнили то, что успели, – усмехнулся он. – Бади... отлично!

– Качок, уступи на вечер Ведьму! – прогудел Остад, работу которого с первой минуты опустили ниже уровня подземелья. – Ведьма, возьмешь меня в ученики?

– Господин Остад, примите совет, а я почти не раздаю бесплатных советов, – обратил на него уничижительный взор Армас. – Завидуйте чужим успехам со сжатыми зубами. Форстад, отлично.

Армас переместился к моему столу, положил лист на край, припечатал пальцем. Отчего-то я испытывала неловкость и только силой воли не позволяла себе заерзать на стуле. На сероватой странице, исписанной черными чернилами, не было ни одной пометки, хотя обычно каждая строчка пестрела раздраженными комментариями. Работу просто никто не проверял, но в углу стоял самый высший балл. Изумление победило конфуз. Я вытаращилась на магистра.

– Превосходно, – со значением вымолвил он и продолжил триумфальное шествие по кабинету, мимоходом отвесив пару уничижительных реплик Дживсу.

Неожиданно по открытому конспекту пробежала искра, прочертив ровный круг, в котором проявился тонкий разлинованный лист и надпись почерком Форстада: «Никто ничего не докажет».

Мы впятером переглянулись. Послание он отправил всей команде.

«Он нас похвалил»

, – написала я и быстрым взмахом руки погасила «магическую почту».

Армас объяснял у доски заклатье сплетения магических нитей, весьма нужную штуку, если хочешь кого-нибудь перепеленать по рукам и ногам. В общем, как куст арауста двух глупых адептов, забывших, что растения Рейнсвера обязательно захотят их сожрать.

Я активно записывала за магистром, боясь пропустить даже ругательство, если вдруг он решит его высказать, но на странице снова вспыхнула бодренькая искорка. От неожиданности я выронила перо, а огонек принялся танцевать, вырисовывая миленькую звездочку. Внутри контура появился разлинованный лист Форстадовского блокнота и новое послание:

«Я согласен».

«Куда ты денешься?»

– сердито ответила я.

«Но до конца декады будешь называть меня господином Форстадом».

«Только сегодня».

«Седмицу»
– воспротивился он.

«Один день! Предложение действует тридцать секунд»
– пригрозила я.

«Соглашайся, Мажор, и дай нам насладиться высшей магией!»
– появилась неряшливая надпись почерком Тильды.

«?!»
– спросил Илай.

«Читать вас забавно, но тема по вышке сложная»
– объяснила подруга.

Илай промахнулся с заклятьем, и мы, похоже, занимались групповой перепиской! Хорошо, что не поделились со всей аудиторией! Страшно представить, какую речь толкнет Армас, если на грифельной доске прямехонько у него перед носом появится чужой милый треп.

«Форстад – ты бездарь!»
– печально заключила я.

«Господин Форстад!»
– немедленно поправил он.

«Заткнитесь все!»
– письменно гаркнул Ботаник.

И только Бади, сидевший к нам бритым затылком и, видимо, мысленно подыхавший от хохота, поднял вверх большой палец. Мол, вы двое вообще мужики, даже если одна из вас девушка!

Взволнованное девичье трио в полном составе ждало меня возле столовой. Пока нормальные адепки (я) ломали зубы о гранит магических наук, клуб поклонниц Мажора прихорашивался и накручивал локоны для знакомства самой большой занозой академии Дартмурт.

– Идем? – кивнула я и, не дожидаясь подружек, немедленно пошла к столам раздачи. Знаете, любовь любовью, но если сразу не нальешь себе съедобного супчика, то до вечера придется жевать хлебешек и запивать водой из питьевого фонтанчика.

Девушки неотступно следовали за мной, дышали в затылок и нервировали. Я то и дело ловила быстрые взгляды, брошенные на мой поднос, где стоял нормальный обед пахаря магической науки: первое, второе и сладкий напиток из шиповника. Вернее, косилась только предводительница, группа поддержки смотрела с голодной завистью. Меня подзуживало спросить: они всем коллективом сидели на строгой диете или надеялись поразить аристократов экономностью в питании. Мол, возьми меня замуж, я красивая и мало жру!

Не представляю, кто может выжить на одном яблочке и плошке супа-пюре цвета облепиховой настойки. Хотя питательность у кушанья была на месте, только не в самой еде, а на подносе! К оранжевой «мечте беззубого» прилагались крошечные сухарики подозрительно-бледного цвета, наводившего на мысль, что хлеб сушили не в печи, как положено, а под солнцем. Прошлым летом.

– Ты же ему ничего не говорила? – волновалась предводительница.

– О том, что ты мне денег заплатишь?

– Об этом особенно!

– Может быть, прозрачно намекнула, что неплохо вспомнить о хороших манерах, – туманно отозвалась я.

– И он меня не будет игнорировать? – окончательно оробела она, пока мы направлялись к переполненному столу в центре обеденного зала. С тех пор, как в нашей с друзьями столовой жизни появился Форстад, а вместе с ним два прихлебателя, трапезы стали тесными и шумными.

– Не посмеет.

Мы подошли.

– Приятного аппетита, – с елейной улыбкой пожелала я, и Дживс мгновенно подавился. – Дайте дамам место.

Парни сдвинулись, девушки уселись. Дживс, с трудом вернувший дыхание, поглядывал с опаской. Пришло время зарабатывать деньги.

– Девушки, познакомьтесь...

Илай многозначительно поднял брови, напоминая о договоре.

– Господин Илай Форстад-младший, – по всей форме представила я.

– Девушки, приятного аппетита, – с улыбкой сытого кота он выстрелил быстрым взглядом на мой поднос с полноценным обедом батрака. – Я, кажется, не расслышал, как вас зовут...

И пока девушки, хихикая и краснея, представлялись, все с тем же любезным видом он переложил в мою тарелку нетронутый кусок мяса. Понимаете? Дополнительный кусок мяса! Будто я действительно сбежала в академию из трущоб, где белые булки видели только по большим праздникам, а котлеты вообще лишь издали нюхали. Какое оскорбление!

Не произнося ни слова, я вонзила в отбивную зубцы и с чувством вернула ее обратно, но мясо немедленно переместилось ко мне. Кусок был истыкан с такой страстью, словно мы представляли друг друга (я точно представляла Мажора).

– Ребята, – позвала Тильда, – вам никто не говорил, что нельзя играть с едой?

Вдруг стало ясно, что народ примолк и следил за круговоротом еды по тарелкам.

Ситуацию, как, впрочем, и всегда, спас Бади. Он перехватил оспариваемый кусок, возложил на горку еды перед собой и емко объяснил для непросвещенных:

– Полезный белок.

– Слышал, Ботаник? – Тильда бросила выразительный взгляд на Флемма, с индифферентным видом жующего овощное рагу. – За плохую вещь люди не дерутся.

– Спорное утверждение, – парировал тот, наотрез отказываясь покидать ряды убежденных вегетарианцев.

– Так вот! – громко, звонко и очень пронзительно, словно хлопнув в ладоши, произнесла поклонница Форстада. – Илай, меня зовут Аманда!

– Я помню, – усмехнулся тот.

Надо сказать, он был очень мил. На мой взгляд, даже чересчур для человека, завязавшего с девушками. Живо стрелял глазами, рассыпал приторные улыбочки, от которых даже у меня суп казался не соленым, а сладким, и, к тому времени, как я давилась невкусным гарниром, узнавал

номер комнаты потенциальной подружки. В общем, четыре сорима были потрачены девицей не зря!

С Илаем мы увиделись только на следующий день, на занятии по флоре Рейнсвера. Я влетела в оранжерею через пару минут после начала и по узкой дорожке, придерживая мантию, чтобы ни один плотоядный куст не попытался раздеть приличную адептку, помчалась в другой конец стеклянного строения, в пристройку, где располагался учебный класс и ботаническая лаборатория.

Группа в полном составе нашлась возле злосчастного арауста. Помахав ладошками перед раскрасневшимся от бега лицом, я пристроилась с краешка. Вроде как не опоздала, а просто держалась подальше от всяких растений, если они не были выкопаны из родной земли нашего, нормального и привычного, мира.

Магистр Ранор, похожий на маленькую птичку, вдохновенно отчитывал двух худых парней, на полторы головы выше его. Тряс крючковатым пальцем и от возмущения трясся сам.

– Да что же вы все издеваетесь над несчастным растением?! – дребезжащий голос звенел. – За последнюю седмицу куст успел выпустить целых три женских отростка и зацвести! Зацвести, понимаете?!

– Видать, от счастья, – пробормотал кто-то.

– Подвинься, Эден. – Илай незаметно пристроился рядом. Судя по всему, он пришел вовремя, спокойно дожидаясь, пока магистр ответит душу, и вдруг из понятного только аристократам принципа решил потеснить простой народ, то есть меня.

– Сам подвинься и встань туда, где стоял, – огрызнулась я, но тут же спросила:

– С чего Ранор буйствует?

– Ты правда не слышала? К кусту устроили паломничество и оранжерею теперь опечатавают заклетьями.

– На него молятся, что ли? – фыркнула я.

– Проверяют истинные пары.

– Это как? – Я с удивлением посмотрела на Илая.

– Если спеленает, значит, все по-настоящему.

– По-настоящему – это до гробовой доски и общей погребальной урны?

– Вам, девочкам, лучше знать, – согласился он.

– Если девочкам лучше знать, то что под кустом делали двое парней?

– Пытались на спор доказать безосновательность теории.

– И как?

– Спеленал. Не представляю, как они теперь будут выживать в мужском общежитии.

У меня вырвался громкий издевательский смешок, и несколько человек повернули к нам головы. Пришлось прикусить язык и соорудить индифферентную мину.

Между тем гнев профессора окончательно излился. Пошарив по карманам руками, он залез под мантию, вытащил жестяную крошечную коробочку с какими-то сушеными листиками и, быстро сунув один в рот, скомандовал:

– В ботаническую лабораторию, господа вандалы! Я совершенно не настроен учить вас прекрасному, но занятия, к моему искреннему сожалению, никто не отменял...

Мы двинулись в указанном направлении. Понурые парни, в том числе. Народ, не позволяя им расслабиться, принялся сыпать скабрзными шуточками. Бедняги огрызались, отбрыкивались и едва сдерживались, чтобы не начистить кому-нибудь фасад.

– К слову, о священном кусте мне рассказала Эмили, – вдруг признался Илай.

– Какая еще Эмили? – не поняла я.

– А как вчерашние «четыре сорима» звали?

– Аманда, – закатила я глаза. – Она предлагала пройти испытание араустом?

– Мы были не на той стадии отношений, чтобы забираться под куст. Кстати! Она тебе доплатила?

– Сама не верю, что меня облапошили. Признайся, ты ей нахамил? – с подозрением сощурилась я на Илая.

– Ни в коем случае. Более того, я очень вежливо попросил расплатиться, потому что мы в доле...

– Ты что?! – не веря собственным ушам, перебила я. – Ты сказал, что знаешь о деньгах?! Форстад, ты... ты просто мажор! Зачем унижать бедную девушку?!

– Откровенно говоря, она побогаче тебя будет. Единственная дочь владельца трех торговых домов и... еще чего-то – слушал через слово. Не ругайся! Условия, что ее надо внимательно слушать, не было.

– Да наплевать, чем ты ее слушал, мне три сорима жалко! Я их мысленно уже потратила.

– Ты все равно должна мне половину.

– Какую еще половину? – возмутилась я. – Ты в своем уме?

– Посуди сама, Эден. Я честно отработал свою часть. Ты сказала быть милым, я был милым и даже проводил девушку до комнаты, хотя пришлось тащиться на другой конец замка. Я хочу мои деньги.

С ума сойти! И цветочек понюхать, и ягоду съесть. Девушку ему подай, деньгами поделись... Жадный аристократишка!

– Лицо пополам не треснет, столичная принцесса?

– Ты мне должна два сорима, – невозмутимо настаивал он. – Принцессы умеют считать деньги.

– Вот поэтому у нас в королевстве не любят аристократов! А как, спрашивается, вас любить? Позволишь палец лизнуть, так вы сначала потребуете руки помыть, а потом до локтя отхватите! – Я сердито прибавила шаг и обогнала нахального шантажиста.

В тесной ботанической лаборатории стояли длинные столы, на которых под яркими магическими огнями теснились деревянные ящички с рассадой. Остро пахло алхимическими удобрениями. С погодой с самого утра не заладилось. По стеклянной крыше стучал дождь, гулкой барабанной дробью разносясь по небольшому помещению. По стенам змеились шустрые ручки. Изредка сверху падали крупные ледяные капли, заставлявшие от неожиданности вжимать голову в плечи.

– Мы проведем эксперимент по уходу за нежными растениями Рейнсвера. Вы собственными руками посадите семечко, проведете незабываемые часы наблюдения за ростом и напишите подробный отчет. Защита в конце учебной декады, – приговорил нас магистр к многодневным страданиям и, не обращая внимания на единодушный стон группы, велел:

– Работать будете по двое. Разбейтесь на пары.

– Но другим группам никаких экспериментов не давали! – возмутился кто-то.

– Должен ли я понимать, что вы, господа адепты, отказываетесь от задания? – Ранор препарировал смельчака таким взглядом, словно уже мысленно выставлял «отвратительно» на зачете.

В ботанической лаборатории повисла испуганная тишина, а потом народ дружно бросился разбиваться на пары, занимать места у рабочих столов и вообще единодушно изображать крайнюю заинтересованность в выращивании здоровой поросли плотоядных цветочков. Или что там нам предстояло сажать и выпестовать.

Я сама уже через минуту стояла на полную изготовку, в смысле, с совочком в одной руке, с деревянным стаканчиком-рассадником – в другой и белобрысым рассадником спеси – рядышком. Мы с ним оказались неделимы и, даже не перемигиваясь, бесшумно образовали дуэт, отпетый и отруганный, почти истинную пару, благословленную араутом.

– Не делай такой озабоченный вид, Эден, – тихо проговорил Илай мне на ухо, пока магистр с холщовым мешочком в руках обходил народ и раздавал разноцветные семена. – Я неплохо знаю ботанику.

– Угу, особенно теорию о тычинках и пестиках, – хмыкнула я.

– Почему теорию? – изогнул он брови. – С практикой тоже неплохо знаком.

Нам досталось ярко-фиолетовое зернышко с крупным желтым бороздками.

– Маграция или по-простому рейнсверская мандрагора, – прокомментировал магистр. – Книгу о ней вы без проблем найдете в библиотеке в разделе ботаники. Наблюдать за ростом маграции – сплошное удовольствие, это растение полное неожиданностей.

– Оно не убежит из банки? – кисло спросила я, наблюдая за тем, как Илай крутит в руках будущий цветок, пока что больше всего напоминающий протравленную алхимическим ядом косточку персика.

– Не исключая, – с довольным видом улыбнулся профессор и отошел к следующей паре.

– Он ведь пошутил? – нахмурилась я.

– Сомневаюсь, что он знает, что такое чувство юмора, – покачал головой напарник и положил семечко на стол.

– Как у тебя с теорией садоводства? – полюбопытствовала я.

– Иногда я наблюдал из окна, как Эмрис гоняла садовников.

– Замечательно. С основами ты знаком. – Я протянула ему совок и стаканчик. – Переходим к практике.

– Ты хочешь, чтобы я тебя погонял по оранжерее? – изогнул он брови, выражая удивление и не делая попыток забрать инвентарь.

Я прикрыла глаза, досчитала до пяти и с елеинной интонацией начала объяснять:

– Вот это совок, а это рассадник. Вот этим ты берешь землю, вот сюда засыпаешь. Пихаешь будущую маграцию, которая мандрагора, в землю...

– Ты мне должна два сорима, – перебил он, намекая, что должок не грех и отработать.

– Ничего я тебе не должна! – возмутилась я.

– Эден, я правда вообще не смыслю в посадке растений, – попытался он увильнуть от необходимости ковыряться в ведре с землей.

– Совершенствуйся, Форстад! Лучшие повара, наездники и садовники – мужчины. Это почти постулат мироустройства.

– Давай на камень-ножницы-бумага? – предложил он. – Зачем ругаться, пусть все решит случай...

Злая как тысяча рейнсверских крикунов на гнездовании, под чутким руководством аристократической белоручки совком я расковыривала в ведре рыжую затвердевшую, как при засухе, землю и наполняла глиняными комочками стаканчик.

– Аккуратнее, Эден. Ты же не могилу роешь, а копаешь образец ценной почвы из другого мира, – контролировал он процесс, сунув руки – чистые руки, прошу заметить! – в карманы.

Клянусь, я была готова вырыть могилу любому белокрысому придурку, который рискнет и дальше умничать, а потом закопать его в любой почве, необязательно ценной.

– Ты смухлевал!

– Как можно смухлевать в камень-ножницы-бумага? – уточнил он.

– Не знаю, но ты точно смухлевал.

Семечко я сажала без особого пиетета, просто пихнула в землю и плеснула водички. Из-под стаканчика немедленно потекло. Со сдавленными ругательствами мы отпрянули от стола.

– Ты его утопила! – обвинительно заявил Илай.

– Так сам бы и поливал, – буркнула я. – У меня, может, душевная травма из-за полива растений!

– У тебя есть душа?!

– Зато кактуса больше нет! Сдох от обезвоживания! – честно призналась я. – Понимаешь? Кактусы выживают в любых условиях, даже в Рейнсверских пустошах. Растут, цветут и колются. А мой отчалил на тот свет.

– Сочувствую, – проговорил он, с видимым трудом сдерживая смех. – Теперь я понимаю, почему ты постоянно раздраженная. Думал, что у тебя дурной характер, а ты просто лишилась ведьмовского фамильяра.

– Мажор... – тихо произнесла я.

– Что, Ведьма?

– Не надо мне сочувствовать, просто забери цветок к себе. Дай растению шанс на выживание, а нам – возможность сдать отчет.

– Ты его сажала, ты его мать, тебе с ним и нянчиться по ночам, – быстро проговорил он и, подхватив вещички, направился к выходу из ботанической лаборатории.

– Форстад, стой! – рывкнула я, заставив половину группы выстрелить недовольными взглядами. – Простите...

К счастью, магистр был чуточку туговат на уши, поэтому продолжал с вдохновенным видом протирать острые длинные листья растения, названия которому, похоже, знал он один.

Подхватив учебники, с непреодолимым желанием втиснуть цветок я бросилась следом за ускользающим напарником.

Вспомнила, что сам цветок-то забыла, и вернулась.

Капающий, как тающая сосулька, стаканчик пришлось нести на вытянутой руке, но все равно снова испачкала учебную мантию. Честное слово, с недавних пор мне было точно известно, почему форму в академии выдавали траурного черного цвета, просто светлая одежда не вынесла бы пытки адептами!

– Уже закончили? – как назло, засек меня Ранор.

– Да, магистр, – вежливо ответила я, с трудом удерживая себя на месте. – Торопимся в библиотеку за книгами. Вдруг маграция вырастет и убежит из горшочка.

Отпущенная с богом, в смысле, с посаженным цветком и инструкциями непременно вести дневник наблюдений, я наконец бросилась в погоню. Дорога к выходу оказалась полна неожиданных препятствий: то на местного ботаника, ковыряющего какой-то росток, чуть не наскочишь, то едва не попадешься в щупальца окончательно обнаглевшего арауста.

Куст попутал берега! Он больше не желал ждать, пока глупая жертва додумается забраться в зеленую густоту, а вытягивал на дорожке усы, чтобы схватить ее за ноги и притащить насильно. Правда, на отросток я случайно наступила каблуком, стебель сочно хрустнул и немедленно спрятался. Еще вопрос, кто на кого напал.

– Прости, приятель! – бросила я и припустила дальше.

Замок Дартмурт и его окрестности атаковал бездушный осенний дождь. Колотил нещадно, без перерывов и передышек. Я выскочила под стеклянный козырек и наткнулась на Илая. С края крыши текло, в лицо летела ледяная пудра и нестерпимо хотелось снова спрятаться во влажном тепле оранжереи.

– Идешь? – кивнул он, давая понять, что дожидался меня, и смело шагнул под ливень. Тугие сильные струи, выбивавшие в лужах на дорожке большие пузыри, обтекали его фигуру, окутанную невидимым глазу магическим контуром.

К собственной досаде, стихийной магией я владела дурно. Маг, преподававший предмет в школе, увлекался единственной стихией – нет, не огненной и даже не воздушной – она имела некоторое отношение к воде, туманила голову и в теткиной таверне обязательно разбавлялась сивухой. Все верно, профессор считал вино – пятой стихией, посвящал ей большую часть дня и ни разу не объяснил, почему мой водонепроницаемый щит похож на прохудившийся зонтик. Хотя кому я пытаюсь врать и выглядеть красивее, чем есть на самом деле? Он походил на решето с мелкими дырками! В ливень под таким не выйдешь.

– Ну, ты что замерла? – Илай протянул руку. – Шагай, мать моего цветка.

Поколебавшись, я сжала его ладонь и почувствовала, как кожу покалывает магическим током, а тело накрывает заклатьем. Крепко держась за руки, словно беспросветно влюбленная парочка, мы пересекли внутренний двор академии. Оказавшись под крышей, я немедленно освободилась и буркнула:

– Спасибо.

– Аниса... – позвал Илай меня странным голосом.

– А? – настороженно уточнила я и с удивлением проследила, как он положил руку мне на плечо.

– Хочешь, мы позовем всю банду и устроим поминки по твоему кактусу? Очкастая точно знает толк в поминках.

Некоторое время я таранилась в светлые смеющиеся глаза, изучала капризные губы, готовые растянуться в улыбке, гладко выбритый подбородок, высокий лоб, светлые волосы, падавшие на лицо из плохо заколотой «загогулилки».

– Божечки, как же я тебя ненавижу, – вздохнула я и стряхнула его руку с плеча.

– Знаю, – легко согласился он. – Тебе не кажется, что ненависть – хорошее чувство?

– Не кажется.

– Оно сильнее безразличия, Эден, – усмехнулся он и с бодрым видом попытался самоустраниться от выполнения родительских обязанностей.

– Куда?! – рывкнула я.

В середине занятия холл пустовал. Возглас разлетелся по гулкому помещению истеричным эхом, отразился от стен и потолочного купола, украшенного старинными фресками.

– В общагу, – немедленно оглянулся Илай, а когда я его нагнала и засеменила рядышком, путаясь в подоле мантии, спросил:

– Хочешь со мной?

– Что я не видела в твоей комнате? Я пытаюсь использовать последний шанс и убедить тебя сохранить жизнь невинному растению.
– Ты слишком многословная, – невпопад заметил он.
– Просто забери кустик, а потом вали на все четыре стороны, – гнула я.
– Будем следить за ним по очереди.
– Да, и сегодня твоя очередь, – попыталась я спихнуть на напарника неприятную обязанность начинать дневник юного садовода.
– Обещаю, что попозже непременно наш кустик навещу.
– Не надо никого навещать ни пораньше, ни попозже! – огрызнулась я. – Возьми на себя ответственность, Форстад!

Он, конечно же, не взял. Как-то ловко завернул в хозяйственную башню, где по негласной договоренности с кастеляном устроили общественную «пепельницу», а приобщать Мажора к приличной жизни в облаке табачного дыма желания не было. Пришлось выждать полчаса и провести шпионскую операцию по переселению куста из бывшего чулана на восьмой этаж, в аристократические хоромы со столом и широкой кроватью. Я уложила в корзинку стаканчик с будущим растением и сунула сложенную записку:
«Я кустик-сиротка, позаботься обо мне. И не забудь вести дневник наблюдений!»
. Пристроив «подкидыша» возле двери Форстада, громко постучалась и дала стрекача в купальню.

Спустя полминуты я осторожно выглянула в коридор. Илай на стук не отреагировал и подброшенную сиротку не обнаружил, зато за спиной раздалось сдержанное покашливание. Позади стоял незнакомый парень во всей красе, в смысле, в полотенце до колен, полосатых гольфах и домашних туфлях. На худой груди с жидкой растительностью блестели капельки воды.

Выглядел купальщик, прямо сказать, не мечтой из смелой фантазии совершеннолетней девушки, но руки в худые бока упирал и голову набок склонял, наблюдая за хулиганскими потугами приبلудной красотки. Я вдруг почувствовала, как у меня начинает неприятно дергаться верхнее веко.

– Этажи перепутала.

– Бывает, – согласился он.

Кашлянув, с гордым видом я покинула помещение, спокойно вышла из мужского общежития, а по лестнице припустила с такой проворностью, словно за мной гнался тот парень в полосатых гольфах и хотел продемонстрировать все то, что прикрывало полотенце.

Остаток дня мы с Тильдой и Бади провели в зале для самостоятельной работы. Парочка почему-то никак не могла уяснить последнюю тему по высшей магии и приходилось по пять раз переделывать одни и те же задания. К концу бесконечного урока мы выбились из сил, хотя даже не брались за практику, а застряли на теории.

– У меня сейчас стекла на очках лопнут, – пожаловалась Тильда и вдруг проговорила:

– Смотрите, кто здесь...

В окружении новых подружек, прижимая к груди стопку книжек, в зал вошла Марлис Нави-эрн. Прическа была прежняя, обманчивая кротость образа не изменилась, а мантию она носила новую, с гербом факультета общей магии.

– Долго ее не было видно, – проговорила Тильда.

– Может, в чувство после крикуна приходила? – хмыкнула я.

Девушка заметила нас, кивнула в знак приветствия и вслед за подружками спряталась в самом дальнем углу.

– Не отвлекаемся, – вернул нас к учебе Бади и подсунул очередную задачу.

Когда перед ужином я вернулась в комнату, под дверью стояла знакомая корзинка. В ней лежал стаканчик с рыжеватой влажной землей, холщовый мешочек с золотым вензелем королевской кондитерской, в котором на поверку оказались шоколадные шарики, и записка:

«Милая матушка, я вернулся домой»

. Видимо, конфет мне отсыпали вместо извинений, а заодно успокоительных капель.

– Вот ведь... мажор! – буркнула я и, внеся в комнату корзинку, в сердцах шибанула дверью.

На следующее утро в стаканчике с землей неожиданно обнаружилась жизнь, и эта самая жизнь активно развивалась. Из рыжеватой почвы за ночь проклюнулся первый малиновый росточек, остренький, плотненький, верхушка пробила подсохшую землю, как шило.

Ругаясь сквозь зубы и толком не продрав глаза, я наспех сделала пометку в дневнике наблюдений, оставив на странице жирное чернильное пятно, и пока дремала в очереди в купальню, да и вообще из всклоченной злобной ведьмы превращалась в добрую причесанную фею, будущий кустик умудрился вытянуться еще на ноготок.

– Ты точно не из нашего мира, – вздохнула я.

Сила притяжения рейнсверской мандрагоры к дневному свету чужого мира поистине поражала. Я бы из вредности сидела в землице и носа не казала, чтобы ни один паршивый адепт академии Дартмурт не сумел сдать отчет по флоре параллельного мира.

На завтрак шла с будущим кустом, чтобы сразу вручить быстрорастущее чадо белобрысому «папеньке» вместе с дневником наблюдений, но напарник просто не явился в столовую. Зато Ботаник страшно злорадствовал. В их-то группе никто при магистре Раноре на спор под арауст не залезал и по глупости не вынуждал еще двадцать человек ухаживать за представителем сомнительной фауны.

– То есть вы с Мажором растите лысый малиновый стебелек, – задумчиво протянула Тильда, с недоверием поглядывая на стаканчик.

– Маграцию, – поправила я. – И пока я ращу ее одна, и меня это страшно бесит!

– Рейнсверская мандрагора? – оживился Ботаник. – Говорят, она капризная. Дохнет даже от плохой погоды.

В противовес дурным наговорам демонстрируя непреодолимое желание выжить любой ценой, кустик выпустил из макушки малиновый листочек с черными крапинками и почему-то стал выглядеть не трогательно, а по-идиотски, как одноухий заяц с расцветкой божьей коровки. Выругавшись, я вытащила из напоясного кошелька перо и сделала новую пометку в дневнике наблюдений. Осознала, что записала слово «по-идиотски», с помощью заклятья стерла большим пальцем и исправила на дипломатичное «необычно».

Вскоре стало ясно, что Форстад вообще проигнорировал учебу. Попытка выяснить у его прихлебателей, куда делся предводитель и почему отлынивает от обязанностей по сохранению рейнсверской поросли, с треском провалилась. Меня одарили парой тупых шуток авторства Остада, пошлых, но не менее глупых – Дживса, зато я от души порычала. Жаль, внятного ответа от «почтовых голубей» не добились.

В разгар лекции по истории мандрагора выбросила еще один листочек, о чем было незамедлительно записано в дневнике наблюдений. Под мерный стрекот преподавателя, вводившего слушателей в медитативное состояние, заметно подросший росток начал изгибаться туда-сюда, словно загипнотизированная заклинателем крошечная кобра. Заодно он энергично шевелил листиками, словно пытался дать какой-то важный знак, но глупый человек (я) никак не хотел понимать тайного послания, только строчил и строчил в дневнике, описывая странности новорожденного чада.

Когда в аудитории заревел оглушительный сигнал, объявивший адептам об окончании долгого сна, а заодно и лекции, пятнистые листики мандрагоры жалко обвисли, а стебелек согнулся страдающей загогулиной, словно свернутый силой звуковой волны.

– Ты жрать, что ли, хочешь? – задумалась я и, мысленно поминая сбежавшего напарника недобрым словом, потащила в уборную.

Поливать кустик прямо из-под крана побоялась. Вдруг захлебнется и издохнет? Водой одаривала с ладоней, тонкой струйкой. Почувствовав живительную влагу, росток немедленно встопорщился и расправил листики.

– Правда был голодный, – покачала я головой и тут заметила, что в уборной происходит какое-то невнятное движение. Все девицы, только-только мирно плескавшиеся возле длинной каменной раковины, развеяли наколдованные в воздухе зеркала и смылись. Не по трубам, конечно, а в коридор.

С недоумением я оглянулась через плечо и обнаружила Аманду-четыре сорима с воинственно поблескивающей заколкой из настоящих рубинов возле височка. Группа поддержки в этот раз

собралась внушительнее: четыре представительницы факультета общей магии, агрессивные и готовые драться шевелюры. И каждая – демоны меня раздерите! – с дорогой заколочкой в волосах. Парад ювелирной лавки, ей-богу.

Одна с хмурым видом перекрыла дверь – вцепилась в ручку и приготовилась налечь всем телом, если у кого-нибудь в коридоре прихватит живот и очень захочется проникнуть на место казни. Другая с мрачным видом принялась проверять пустые кабинки в соседнем помещении.

В общем, девицы разошлись по помещению, словно боевые магии на ответственном задании. Я чуть глаза не закатила. Как можно пытаться грозить человеку и не встать у него за спиной? Зачем охранять углы, жертва все равно не способна убежать через стены. Если, конечно, она не рейнсверский игуанодон.

Словно ощущая нервную обстановку, несчастный кустик в стаканчике сжался: обернул листьями стебель и тонко жалобно задрожал. Не бойся, приятель, а развлекайся. Это же феерия! Дочь владельца торговых домов и чего-то там еще надумала вцепиться в прическу Анисы Эден.

– Подозреваю, что ты не деньги пришла вернуть. – Я закрутила кран и стряхнула руки.

Было бы эффектнее, если бы вокруг пальцев закрутился теплый воздух и иссушил влагу, но я уже признавалась, что в стихийной магии

пока

не сильна.

Аманда-четыре сорима начала медленно приближаться:

– Эй, подавальщица, думаешь, что сможешь безнаказанно унижать приличных людей?

– Ну, говоря откровенно, приличные люди не сбиваются в стайки по пять человек и не устраивают разборки в туалетах, – фыркнула я.

Девушка поменялась в лице.

– Ты ведь знала, что Форстад надо мной поиздевается. Так?

– Во-первых, я предупреждала, что он хам, – пожала я плечами и, поймав взгляд воинственной противницы, сделала в ее сторону шаг. – Во-вторых... Что? Я тебя унизила? Ты сама себя унизила, дорогуша, когда захотела заплатить за знакомство с парнем. Что сказать? Bravo! Я же не виновата, что он согласился с тобой разговаривать только после озвученной суммы.

– Дорогуша?! – взвизгнула она.

– Это все что ты расслышала? – искренне удивилась я.

– Хочешь сказать, что я недостаточно хороша для Илая Форстада?

– Аманда, я пытаюсь сказать, что он умеет быть редкостным придурком!

Зря я недооценила группу поддержки. Две девицы крепко схватили меня под локотки, удерживая от резких движений. Вцепились так, что мантия затрещала.

– Кто-то должен показать твоё место, подавальщица, – прошипела Аманда и размахнулась, чтобы отвести пощечину. Наверное, было бы больно...

Холёная рука ещё поднималась в замахе, когда в волосах державших меня девчонок под действием заклятья разрушения разлетелись черным пеплом заколки. Честное слово, я была зла и подпортила бы одежду, но форма академии, заговоренная от изнашивания, послужила хорошим щитом.

Отдача оказалось сильной. Девчонки пошатнулись, словно получили оглушительный удар по голове. Оказавшись свободной, я перехватила руку Аманды и запросто заломила ей за спину. Противницу скрючило от боли.

Вот не учат благородных девушек из богатых семей драться, а сироте, работавшей в таверне, умение постоять за себя было жизненно необходимо.

– Почему из меня вечно делают злую ведьму? – задала я риторический вопрос, не позволяя Аманде дергаться, хотя от резкой магической потери все еще гудело в голове, и тряслись колени. – Ну вот кто, скажите на милость, попытается избить мага, владеющего заклятьем разрушения?

– Откуда нам было знать?! – едва не плача заголосила одна из пострадавших, пытаясь вытащить из вставших дыбом волос остатки заколки. Заклятье всегда рассеивало камни, а золотые оправы отчего-то не трогало.

– Справедливое замечание, – согласилась я.

– Отпусти! – процедила по-прежнему скрученная бубликом Аманда.

Не то чтобы она не пыталась вырваться, но довольно сложно освободиться от захвата, если ему учил профессиональный участник кулачных боев, которым в махровой молодости и был теткин вышибала.

– Иначе я пожалею, что ты на нас напала!

– На пятерых? – охнула я, сильнее выкручивая руку. – Одна стипендиантка и кустик в стаканчике?! Да если мой кустик издохнет от страха, то, клянусь, тебе точно не из чего будет завивать локоны! Услышала меня, Аманда?

Только я разжала руки, а противница выпрямилась, схватившись за край каменной раковины, как дверь с треском распахнулась, едва не слетев с петель. Какое счастье, что девушка, державшая ее, давно перестала цепляться за ручку, иначе на одну контуженную мстительницу стало бы больше.

На секунду показалось, что в женскую уборную вломился Армас и сейчас нас всех заморозит своим чудесным проклятьем паралича, но в туалет влетела моя команда. В полном составе. Даже Бади из дверного проема выглядывал!

– Эден? – тихо произнес Илай, ошарашенно обозревая место побоища.

– Спасать, значит, пришли? – проворчала я, отряхивая мантию. – Почему так поздно?

– С этажом сначала ошиблись, – заложила Тильда и мстительно добавила:

– Из-за Ботаника.

– Пф-ф-ф, – фыркнул тот, пытаясь отмахнуться ладонью от витающего в воздухе мелкого пепла. – А я говорил, что можно не торопиться. Это же Ведьма! Странно, как тут вообще выжившие остались.

– Жаль, вы мне ставку не дали сделать, – печально покачала головой подруга.

– Божечки! Друзья, вы такие милые друзья! – огрызнулась я.

– У тебя все равно других нет, – пожала она плечами и немедленно покинула помещение следом за Ботаником.

Четыре воительницы, частью перемазанные пеплом, частью просто испуганные, не захотели красивых скандалов и предприняли отчаянную попытку самоустраниться, но Бади многозначительно перекрыл проход и с незнакомой ласковой интонацией произнес:

– Дамы?

Дамы послушно попятились и, сбившись стайкой, с опаской поглядывали на спокойного здоровяка, закрывающего путь к свободе.

Аманда мялась возле раковины, нервно теребила мантию. Судя по жалобной мине, она очень хотела заплакать перед Форстадом, одарившим ее единственным ледяным взглядом убоженного придурка, но слезы никак не появлялись.

– Эден, идем, – позвал Илай и протянул руку.

Очень удачно протянул! Я немедленно пихнула ему стаканчик с кустиком. К счастью, мандрагора была жива и здорова, правда, тряслась, как припадочный осиновый лист.

– Сегодня твоя очередь быть ему матерью!

Один за другим мы вышли в коридор. Бросив в уборную многозначительный взгляд, Бади прикрыл дверь. Из-под пальцев, сжимавших ручку, брызнул неяркий свет.

– Запечатал? – восхитилась я.

– Сади воспитания, – пояснил он.

Народ, очевидно, толпившийся в коридоре и ожидавший, когда из уборной вынесут труп стипендиантки, почти разошелся. Остались самые стойкие, судя по разочарованным минам, те, кто сделал ставку на Аманду-четыре сорима.

– Курятник, а не академия, – едва слышно пробормотал Илай.

Вечером столовую наводила стая новых бумажных птичек. Они принесли на крыльях историю о том, как пятеро когда-то приличных девушек после драки с одной ведьмой пытались вырваться из туалетного плена. Освободились воительницы только через час. Бади запечатал ручку каким-то хитрым заклятьем, которому обучали в училище боевых магов, и кастелян своими силами не справился, вызвал магистра Косоглазого. Когда эта парочка собиралась вместе, обязательно наносила урон имуществу Дартмурта. В общем, если флагшток в начале года выжил, то дверь спасти не удалось...

Я ждала, что после драки меня вызовут на ковер к Армасу, декану и ректору, именно в таком порядке, но ничего не происходило. Через пару дней за завтраком к Бади прилетела маленькая бумажная ласточка подозрительного розового цвета. Даже на расстоянии ощущалось, что записку щедро пропитали благовонием.

Мы следили, как с непроницаемым видом здоровяк разворачивал послание. Глаза заскользили по строчкам.

– Любовная записочка? – изнемогая от любопытства спросила Тильда.

– Да, – сухо ответил он и как ни в чем не бывало спрятал листик в карман.

– От кого? От девушки? – затараторила Матильда. – Конечно, не от парня...

– Ешь! – спокойно осек Бади и последовал собственному совету, вернувшись к поглощению полезного утреннего белка.

Разочарованию подруги не было предела. Она обиженно цыкнула и начала играть с кустиком в стаканчике: подставляла ложку, а мандрагора охотно ее хватала листьями. Вообще листьев у кустика было уже четыре штуки, отчего он напоминал то ли крошечную пальму, то ли оперенный палец.

К слову, господин Илай Форстад-младший под разными предлогами увиливал от обязанностей по уходу за малиново-крапчатым представителем рейнсверской флоры и спихивал ведение дневника наблюдений на напарницу, страдающую приступами ответственности. Я намеревалась заставить его писать отчет. Ну, и нелепый цветочек было ужасно жалко. Он казался сметливее некоторых представителей академической братии, а иногда даже меня самой!

Ночью, когда я ложилась спать и хотела потушить лампу, обнаружила страшную вещь. Маграция со всеми пятнистыми листиками исчезла... Вокруг стакана валялись комья влажной земли, зияла разрытая ямка. Пока я намывалась в купальне, кто-то выдрал кустик с корнем, стряхнул и быстренько свалил из комнаты вместе с моим «превосходно» по флоре Рейнсвера! Одно было неясно, зачем уничтожать растение? Не могли сразу со стаканом стащить, убийцы невинных кустиков?!

Я выскочила в коридор, бросилась к соседкам, болтавшим у окна и наверняка видевшим вора:

– Девчонки, от меня кто-нибудь выходил?

– Ты, – ответила одна, часто заморгав длинными, явно отращенными с помощью магии ресничками.

– А кроме меня?

Девушки быстренько покачали головой. Вообще после драки в уборной соседки меня начали побаиваться. Конечно, в очереди на помывку свободного пространства вокруг меня не возникло, но сегодня утром пропустили вперед. Даже не знаю, радоваться или печалиться.

– Так...

Галопом я вернулась в комнату, схватила самописное перо и, наплевав, что оно было заправлено, истерично-крупными литерами вывела на ладони:

«Куст украли!»

Послание вспыхнуло, паникующий «приветик» улетел к Форстаду, а размазанная надпись по-прежнему красовалась у меня на руке. Именно поэтому заклятье стоило использовать только с пустыми перьями – попробуй потом без специального эликсира ототри водостойкие алхимические чернила!

Ответ появился на внешней стороне кисти.

«Ты пьяная?»

– любезно поинтересовался Илай.

– Нет! – заорала я, потом осознала, что он все равно не услышит и быстро написала мрачное «нет» на ладони, снова позабыв взять пустое перо.

Проблемой Форстад не проникся и бежать по первому зову не торопился. Страшно раздраженная я на всякий случай еще раз проверила коридор, посмотрела на полу улики

преступления – крупницы земли, обследовала лестницу, чтобы определить, куда завернул нахальный грабитель, но сыщик из меня вышел непутевый. Потерпев полное фиаско, я вернулась в комнату и полезла в шкаф за эликсиром, стирающим стойкие чернила...

На полке, судорожно обнимая бутылочку с согревающей растиркой, испачканный в рыжей земле сидел уродливый малиновый человечек без глаз, без рта и с бугорком-носом без ноздрей. Размером существо было не большего моего кулака. Хрупкое тельце, тонкие ручки и ножки напоминали корешки, а на голове торчал трясущийся от страха отросток с четырьмя пятнистыми листиками.

– Куст?! – охнула я, отшатнувшись от шкафа.

Мандрагора оттолкнула бутылочку, слетела с полки и опрометью бросилась под кровать. Было в пору упасть в обморок, желательно с прицелом на матрац, чтобы не разбить голову, но сознание у меня всегда отличалось исключительной стойкостью. Да кто в здравом уме решит, что шутка профессора, мол, цветочек может запросто сбежать из горшочка, вовсе не шутка?!

Пока я разрывалась между желанием броситься наутек и броситься вылавливать подвижный кустик, раздался громкий стук.

– Эден! – позвал из коридора Илай.

Я метнулась к двери, приоткрыла и вцепилась в рукав ошарашенного неожиданным гостеприимством напарника:

– Быстро заходи! Куст не украли, он сбежал!

С выражением глубочайшего сочувствия в лице Форстад с трудом протиснулся в узкую щель, оставленную для прохода, и попытался приложить к моему лбу холодную пахнущую табаком ладонь:

– Аниса, у тебя жар?

– У меня куст! – прошипела я, отталкивая руку.

– Признайся, ты все-таки попробовала облепиховую настойку у очкастой? – настаивал он.

– И этот куст под кроватью! – процедила я.

Диалог явно не складывался, и мы оба заткнулись. В комнате наступила гробовая тишина, а потому было слышно, как в углу скребется живая рейнсверская мандрагора. Надеюсь, не пытается продолбить пальмой стену или закопаться в пол.

– Божечки, если не веришь, сам посмотри!

– Под кроватью? – Он потрогал себе нос, почесал бровь и по-доброму предложил:

– Может, проводить тебя в лазарет?

– Может, тебе самому захочется в лазарет, когда ты

это

увидишь!

– Ты, главное, не нервничай, – принялся по-дурацки увещевать он, как маленького ребенка. – Сейчас посмотрю под кроватью, а потом пойдем к знахарю. Он тебе даст вкусные капельки, ты поспишь и завтра обязательно превратишься в нормальную злую ведьму.

Парень для чего-то стянул через голову свитер, обнаружив внизу тонкую исподнюю рубашку. Я сложила руки на груди и сердито позвала:

– Форстад?

– Что, Аниса? – приторно ласковым голосом спросил он, пытливо заглядывая мне в лицо, словно стараясь отыскать признаки или тяжелого сумасшествия, или тяжелого опьянения.

– Ты свитер снял, чтобы меня связать, что ли?

Посчитав ниже своего достоинства отвечать на издевку, Форстад педантично поддернул брюки, опустился на колени и заглянул под кровать. Последовало долгое молчание.

– И что? – спросила я.

– Там сидит уродец, похожий на корешок, – невозмутимо резюмировал он, поднялся, отряхнул руки, хотя пол в моем чуланчике был почище, чем во всяких хоромах с наборным паркетом. – Магистр действительно не шутил. Эта тварь выкапывается из земли и сбегает.

– Что будем делать?

– Выманим, – выдвинул трезвую идею Илай. – На воду.

Мы налили в стаканчик воды, поставили посреди комнаты и отошли в сторонку. Кустик сидел в засаде и вылезать не собирался. Лужица его тоже не вдохновила. Становилось ясно, что кому-

то придется забраться под кровать и, коль хитрость не сработала, поймать «сбежавшую невесту».

– На камень-ножницы-бумага, кто ползет? – предложил он.

Определенно он мухлевал! Просто не понимаю, почему я, как глупая золотая рыбка, вечно клюю на его подначки. Вставать на карачки при Илае было страшно неловко. Я шмыгнула носом, помялась и все-таки опустилась на колени, но резко повернула голову, проверяя, не таращится ли парень на мой зад, обтянутый пижамными штанами. Полагаю, уточнения, куда он смотрел, не требовались. Все-таки Форстад страдал классическим мужским блудом.

– Куда ты смотришь?

– На пол, – немедленно нашелся он.

– Тогда развернись и смотри в стену!

– Если я развернусь, то буду смотреть на шкаф, – поправил он.

– Божечки, да наплевать! Представь, что мой шкаф – это стена.

– Ладно... Зачем так орать?

Он действительно послушно повернулся и начал разглядывать приоткрытые дверцы стенного шкафа с тонкими рейками. Выглядел подлец удивительно расслабленным, словно мы не выполняли важную миссию по поимке нашего общего «превосходно» по флоре Рейнсвера.

– Эден, – позвал он, не оборачиваясь, – почему так сильно пахнет аптекарским снадобьем? Все-таки приторговываешь в разлив?

– Заткни нос и не нюхай! – буркнула я и сунула голову под кровать.

В темном уголке на расстоянии вытянутой руки дрожал съезженный кустик. Пришлось забраться поглубже, чтобы наверняка добраться до пугливого корешка.

– Эден, тебя поддержать? – проговорил Илай, нарушив чудесную тишину.

– Проклятие, Форстад! Зачем меня держать? Я под кровать залезла, а не в кроличью нору! – разозлилась я, но лучше бы прикусила язык и пропустила мимо ушей дурацкое предложение. Кустик испугался и, как напружиненный, ринулся к свету, чувствительно царапнув ножками-корешками протянутую руку. Резко дернувшись, я шибанулась затылком о каркас и чуть не зарычала от бессильной ярости.

– Мать моя... – прозвучал сдавленный голос Илая, поди, отпрыгнувшего от малинового прищельца с увядшей пальмой на макушке. Звучно шарахнули дверцы шкафа, и напарник объявил:

– Эден, я поймал наш куст.

Вылезая из-под кровати, я шибанулась головой второй раз и, потирая гудящий затылок, процедила:

– Не смей скалиться!

– Я сочувствую, – покачал он головой, но наглые глаза смеялись.

– Ты всегда скалишься, когда сочувствуешь? – проворчала я, широко открыла дверцы шкафа и сморщилась от резкого запаха согревающей растирки, пролившейся из перевернутой бутылочки. Наш кустик лежал в коричневатой липкой луже и казался бы полностью довольным жизнью, если бы отросток с листьями не трясся, как припадочный.

– Это ведь не предсмертные конвульсии? – прошептала я.

– Хочешь сделать прямой массаж сердца? – хмыкнул Илай и, выказывая поразительную смелость, двумя пальцами поднял растение, до жути похожее на человечка. Конечности-корешки обвисли, словно кустик потерял сознание... или сильно опьянел от снадобья.

– Надо бы его посушить и засыпать землей, – рассудила я, но даже не успела взять с полки салфетку, как Форстад встряхнул маграцию. Вместе с каплями растирки на пол свалился малиновый отросток с листьями...

Длинная драматическая пауза была тяжелой и печальной, как на похоронах. Подозреваю, что хруст моих рухнувших амбиций можно было расслышать даже в опечатанной защитными заклетьями оранжерее.

– Ты только что убил мое «превосходно» по флоре Рейнсвера... – нарушила я молчание.

– Эден, ты веришь в волшебную силу слова «зато»? – для чего-то спросил Илай и, пока не прозвучало в ответ пару ласковых, попытался продемонстрировать эту самую «волшебную силу»:

– Зато мы можем посадить его в горшок побольше.

– Зато теперь ты сам его посадишь, в какой хочешь горшок. Да хоть в ведро из железного дерева! – отрезала я и выставила подлеца вместе с малиновым корешком мандрагоры, стаканчиком с рейнсверской почвой, свитером и дурацким словом «зато», обладающим единственной силой – вызывать глухое раздражение.

Утром под дверью стояло ведро из железного дерева, доверху засыпанное свежей землей. В центре была воткнута записка: «Здесь растет фамильяр для ведьмы». Без шуток, у меня задергался глаз!

«Ты издеваешься?!»

– полетело к Илаю разозленное послание, которое назвать «приветиком» не решился бы даже отчаянный оптимист. Нет, это был вовсе не приветик, а обещание долгой и мучительной смерти получателю!

«Пока я сплю»

, – последовал ответ.

– Нет, ты издеваешься! – огрызнулась я, обращаясь к ладони. Честное слово, едва не надорвалась, пока волоком втаскивала в комнату сворованное непонятно из какого чулана неподъемное ведро.

Во время «окна», в расписании обозначенного, как время для самостоятельной работы, я все-таки отправилась в библиотеку за книгой по ботанике. Неважно какой, лишь бы она открывала секрет, как оживить издохшую рейнсверскую мандрагору без помощи магистра Ранора.

Утром в читальном зале царила приятная пустота. В начале учебного года здесь в любое время находились свободные места, но теперь столы с лампами, мягко рассеивающими пронзительный магический свет, оказались поделены между старшекурсниками. Остальным приходилось довольствоваться или продуваемым холодными сквозняками залом для самостоятельных работ, или ждать неурочного часа.

Я подошла к высокому шкафу с каталогом библиотечных книг и произнесла:

– Отдел ботаники. Уход за маграцией или рейнсверской мандрагорой.

После щелчка пальцами один из ящичков сам собой выдвинулся, и в воздух вылетело несколько плотных коричневых карточек с «адресом» и названием фолиантов. И вроде несложное колдовство, но оно завораживало тонкостью.

Вооружившись предложенными вариантами, я пошла по длинному проходу между книжными стеллажами и на повороте со всего маха столкнулась с Марлис Нави-Эрн. От неожиданного удара карточки посыпались на пол, а бывшая подружка отпрянула и наскочила спиной на стеллаж.

Молча я собрала плотные коричневые карточки и, не одарив Тихоню ни единым взглядом, прошла мимо.

– Я знаю, о чем ты думаешь! – бросила она мне в спину.

Откровенно сказать, меня ужасно волновало, что все книжки по уходу за маграцией стояли на верхних полках, а лестница нигде не маячила. Мысленно представлялась печальная картина, как я с помощью магии пытаюсь заставить выдвинуться один томик, а на голову с полки сыпется беспощадный книгопад тяжелых книжек. Дурочкой бы после такого оглушительного вколачивания «знаний» не остаться.

– Ты знаешь, где взять лестницу? – удивленно оглянулась я через плечо.

Замешательство, мелькнувшее в лице Марлис, мгновенно сменилось ледяным высокомерием. Будучи ниже меня, она пыталась смотреть сверху-вниз, но получалось паршиво. Дело не в росте – сложно кичиться перед человеком, которому плевать на чужое происхождение, даже если оппонент считает, будто постулат, приравнивающий магов, – редкостная муть.

– Вы все обречены! – пафосно объявила она.

– Стать победителями? – сыронизировала я.

– Вас выставят до зимы. Всех, кроме Форстада.

– Ладно.

– Ты зря смеешься, – зло вымолвила Марлис, раздражаясь тем, что не выходит меня задеть. – Он предаст вас всех, тебя в первую очередь, не задумываясь ни на секунду.

– Любишь примерять на других свою рубашечку?

Я развернулась на пятках и направилась туда, куда шла – за книгами по ботанике, но оказалась в заброшенном отделе некромантии. Ни иначе как подсознание сыграло злую шутку, предлагая нам с ним – с подсознанием – придумать какую-нибудь убийственную гадость для заклятой подруги.

До нужных полок я все-таки добралась и выбрала учебник, на котором стояло имя магистра Ранора. Если верить его словам, кустик нам с Илаем достался самый обыкновенный, ничем не примечательный, и на побег его толкнула вовсе не придурь и не скрытые магические способности, а древний инстинкт выживания.

В любой непонятной ситуации, будь то неожиданная засуха, наводнение или тесный цветочный горшок, маграция выкапывалась и шустренько мигрировала на своих двоих в место попроще. Природных катаклизмов растению переживать не доводилось, значит, корешки в тесном стаканчике-рассаднике затекли и отчаянно захотелось мигрировать в просторный шкаф, поближе к растирке, густо пахнувшей чайным деревом. Не знаю, может, этот сногсшибательный, слезоточивый аромат пробуждал воспоминания о родном мире?

Еще в книжке упоминалось, что зацветшая маграция начинала напоминать приснопамятную мухоловку из кабинета Армаса...

– Ладно цвести, ожило бы, – проворчала я и шустренько перелистнула учебник, пытаясь отыскать что-нибудь похожее на наркоманский ритуал по пробуждению свежего трупа мандрагоры.

Когда я вернулась после занятий в общежитие, то меня ждал сюрприз. Куст ожил без всяких обрядов! Земля оказалась разрыта, а след из черных комочков вел к шкафу. Подкравшись на цыпочках, я открыла створку. Малиновый уродец с любовью обнимал почти опустевший флакон с согревающей растиркой. Из макушки на тоненькой ножке-ниточке торчал цветочек с красными лепестками, похожий на злой глаз.

Стоило протянуть руку, как в середине соцветья открылась самая настоящая пасть с острыми иголочками-клыками, и кустик попытался впиться мне в палец! От неожиданности я щелкнула ногтем по «физиономии» обнаглевшего растения. Кустик брыкнулся назад, уселся на зад, как битый с ног человек, и тряхнул сжатым бутонем.

– Кто кусает кормящую руку, глупое создание? – нравоучительно проговорила я, потрясая чудом уцелевшим пальцем. – Если у тебя похмелье, то не надо срывать на хороших людей!

Вскоре выяснилось, что без согревающей настойки наше «превосходно» по флоре Рейнсвера решительно издыхало. Заявив, что теперь я должна не два, а три сорима, Илай притащил пяток бутылочек из лазарета. В общем, с настойкой, ругательствами и с помощью богов параллельного мира до дня сдачи мы дотянули.

Отчет пришлось ваять напарнику. Он проиграл спор о том, кто наш кустик: мальчик или девочка. Форстад орал, что только бабы способны скovyрнуться без сознания и в обмороке отрастить клыки, а я доказывала, мол, девице никогда не придет в голову поиться тем, чем нормальные люди растираются от ушибов. Рассудил нас учебник магистра Ранора, где черным по белому написали, что в природе цвет мужских растений варьируется от бледно-розового до ярко-малинового.

– Вообще нелогично, – буркнул Илай, в сердцах захлопывая книгу.

– Форстад, все к лучшему. У меня ужасный почерк, нам бы снизили баллы за грязь, – ухмыльнулась я. На радостях поцеловала бы учебник, но обложка была слишком замызгана.

– Эден, давай на камень-ножницы-бумага, кому отчет писать? – попытался вывернуться он.

– Нет!

На занятие по флоре Рейнсвера я принесла маграцию в стаканчике. Хотела из вредности заставить Мажора тащить неподъемное ведро, но в последний момент сжалилась.

Мы оказались единственными, у кого растение не только взошло, но и выжило. Жизнерадостный кустик вытаскивал зубастый цветок и с любопытством осматривал сородичей, которые спокойно сидели в земле и не пытались делать ноги, если им что-то не нравилось или очень хотелось приложиться к бутылочке с настойкой.

Магистр пришел в восторг, вцепился в аккуратно завязанную папку с отчетом, словно ему в руки попали секретные документы.

– Это поразительно, друзья! – воскликнул он, удивив тем, что мы из «вандалов» неожиданно превратились в «друзей», очевидно, дикой природы Рейнсвера и магистра лично. – Цветущая маграция! Как вы сумели добиться удивительного результата всего за несколько дней?

Я наступила Илаю на ногу, чтобы не вздумал брякнуть что-нибудь о растирке. Он кашлянул в кулак, стараясь сдержать смех, и серьезным тоном ответил:

– Мы очень старались.

– Превосходно! – восхитился Ранор.

– Вы нам поставите «превосходно»? – обрадовалась я.

– За работу ставлю «хорошо». – Он зажал папку под мышкой и потянул руки к стаканчику с кустиком. Кустикую страсть как не понравилось, что его пытается сцапать чужая человеческая особь, и он щелкнул пастью.

– Почему? – осторожно отвела я стакан от подрагивающих от нетерпения узловатых пальцев магистра.

Со стороны Илая раздалось издевательское фырканье. Пришлось подавить веселье в зачатке, снова незаметно наступив насмешнику на ногу.

– Вы травили арауст, – напомнил Ранор и снова захотел забрать стаканчик.

– Он на нас напал. – Я не позволила дотянуться до вожаковой маграции.

Магистр одарил нас с напарником раздраженным взглядом, пожевал губами и буркнул:

– Пожалуй, вы заслужили «превосходно».

– За зачет, – подсказала я.

– Перебор, – душевно улыбнулся он, – но за маграцию непременно поставлю.

Магистра, что-то объяснявшего о болотистых растениях, я слушала вполуха. Взгляд то и дело останавливался на кустике, стоящем на полке среди остальных растений. Зубастый цветок, похожий на злобный глаз, высовывался над краем стакана, медленно ходил туда-сюда, как маятник, а потом, сомкнувшись в плотный бутон, спрятался. Стыдно сказать, но меня страшно заботила судьба собственноручно выпестованного создания.

Занятие закончилось, народ потянулся из учебного класса в оранжерею, а я подошла к магистру, собирающему папки с отчетами. За его спиной тряпка сама собой стирала с грифельной доски рисунок какого-то уродливого корешка. Впрочем, сомневаюсь, что существовали растения, уродливее, чем маграция, похожая на человечка с растущим из макушки цветочком.

– Что вы хотели, адептка... – Ранор примолк и напряг память, чтобы вспомнить мою фамилию.

– Эден, – не стала я мучить старика. – Магистр, те растения, которые мы сегодня принесли, их высадят в оранжерее?

– Нет, – мягко улыбнулся он. – Откровенно говоря, они не представляют собой особой ценности.

Страшно обрадовавшись, я уже открыла рот, чтобы попросить мой кустик-зубастик назад, в конце концов в комнате его дождалось неподъемное ведро земли, полтора флакона согревающей растирки и естественное освещение из окна без штор, но Ранор добавил:

– Все, кроме маграции.

– Вот как... – пробормотала я и вдруг поймала себя на том, что по-детски расковыриваю на пальце заусенец. – Значит, его высадят.

– Что вы! Зацветшая мандрагора является ценнейшим компонентом для лечебных снадобий. У меня вытянулось лицо.

– Подождите, магистр, – изменившимся голосом вымолвила я, – хотите сказать, что мой кустик порежут на кусочки, высушат и отправят на алхимические вытяжки? Он же живой!

На лице Ранора появилась добрая, вкрадчивая улыбка серийного маньяка.

– Маграция или рейнсверская мандрагора – это просто корень. Она не обладает сознанием и нервной системой, не испытывает боли. Понимаете, адептка...

– Эден, – невольно напомнила я.

– Вы же не пугаетесь, когда кто-нибудь выкапывает из земли батат, и не падаете в обморок, если чистят морковь.

– Но маграция не похожа на морковь, – не согласилась я.

– Ваши суждения ошибочны и противоречат науке, но «превосходно» за выращивание растения я все еще готов поставить, – непрозрачно намекнул он, что дальнейшая дискуссия может привести к снижению балла, и выразительным жестом подхватил со стола папки. – Всего доброго, адептка...

– Да уже неважно, – страшно расстроенная махнула я рукой.

Вечером у моей двери обнаружилась метла! Самая обычная истрепанная метла из чулана кастеляна, перевязанная красной ленточкой. В прутья была воткнута сложенная вчетверо записка. Когда я развернула послание, почувствовала, как мелко задергался глаз.

«Какая ведьма без метлы?»

– задавался насущным вопросом Илай.

– Готовая убивать, демоны тебя дери! – прорычала я и, схватив подарочек, бросилась на восьмой этаж.

Пока неслась по лестнице, перепрыгивая через ступеньку, придумала три способа умерщвления белобрысого аристократа и почти десяток, как незаметно прикопать труп в парке. В плане имелось единственное тонкое место: без подельника незаметно оттащить здорового парня не удавалось даже мысленно, разве что сразу выбросить в окно.

По дороге мне встретился Дживс, вечно мешавшийся под ногами, когда я планировала укокошить его лучшего друга.

– Ведьма, почему не летишь, а тащишь метлу? – паскудно хохотнул он.

– Сломалась!

Ручка на двери у Форстада горела красным цветом. Без колебаний я постучалась ногой, грохот стоял такой, будто дверь выламывают. Ждать меня не заставили, открыли. Илай оказался полностью одетым и почему-то страшно довольным.

– Одна? – быстро спросил он.

– С метлой!

Секундой позже я оказалась затащенной в комнату.

– Молись, Форстад! – процедила сквозь зубы. – Я придушу тебя красной ленточкой и похороню вместе с этим орудием труда!

– Чем я провинился?

– Идиотским чувством юмора!

И тут на столе я обнаружила знакомый стаканчик с торчащим и трясущимся цветочком. Ярость мигом утихла.

– Что это? – почему-то зашептала, а не сказала в голос.

Волоча за собой дурацкую метлу, я приблизилась к столу и проверила кустик. Он сидел, скрюченный и очень несчастный. Поперек горла вдруг встал комок... Я оглянулась к Илаю. Скрестив руки на груди, он следил за мной, и, казалось, будто в его глазах танцевали звезды.

– Я просто подумал, метла у тебя уже есть, а фамильяра еще нет. Несправедливо как-то. Магистр со мной согласился и отпустил твой фамильяр на все четыре стороны.

– Дорого заплатил? – догадалась я.

– Тебе до конца учебы придется писать за меня доклады, – согласно кивнул он.

– Нет.

– Не сомневался, что ты откажешься, но предложить альтернативу стоило. Просто отдашь деньгами.

– Я просто заберу кустик, и тебе не придется за ним присматривать, – выдвинула я встречное предложение. Мол, пожалей и себя, и кусаку.

– Договорились.

Наши взгляды встретились. Я не знала названий странных, незнакомых чувств, больно теснящих грудь. Казалось, что меня сжимало горячим кольцом и в животе завязывались крепкие узлы. А я всегда была толстокожей, ни на кого не рассчитывала, ни у кого ничего не просила, ничего не принимала.

Академия Дартмурт заставляла меня меняться. Наверное, в лучшую сторону.

Глава 8. Свет на дне кроличьей норы

В день проверочного испытания небо над замком Дартмурт прояснилось и выглянула бледное, удивленное, что его допустили до земли, солнце. Оно проникло в мою комнату через окошко, рисовало на полу квадраты и окутывало фигуру Илая, сидящего на подоконнике и угощающего согревающей растрепкой жадный кустик. Сама не знаю отчего, но лишь усилием воли я не позволяла себе следить за лицом парня, выразительным и спокойным.

От нетерпения магия полностью выкопалась из земли и тянула к флакону корешки, которые я условно считала лапками – к-хм – ручками. Угощать фамилляр «вкусняшкой» Бади считал личной привилегией, право провести ритуал отдал с большой неохотой и теперь ревностно следил, чтобы конкурент не перестарался, иначе нежный кустик впадал в ажитацию и начинал зверски кусаться.

– Ну, посидели на удачу, пора на каторгу, – скомандовал Флемминг.

Все поднялись. Когда мы выходили, то кустик выскочил из ведра и галопом бросился за нами. Я успела прикрыть дверь прежде, чем он мигрировал в коридор, спасаясь от гипотетической засухи или наводнения. Бедняга вытащил из щели под дверью пушистый цветочек и попытался выяснить, что происходит «в большом мире».

– Ну-ка, спрячься, пока цветок не отдавили! – присев, щелкнула я пальцем по лепесткам.

– Превратили растение в демон знает что, – ворчал Ботаник, пока мы направлялись к лестнице.

– Теперь не отобьешься, – фыркнула Тильда.

– Где-то я это уже слышала, – задумчиво пробормотала я и тут меня осенило:

– У пифии! Смотри-ка, не обманула, а казалось, что несла ересь.

– Когда вы успели к предсказательнице сгонять? – сморщился Флемм. Перед испытанием умник сильно нервничал и брюзжал активнее, чем обычно.

– Еще до распределения, – охотно поделилась Тильда. – Она предупреждала, что нельзя кусты поить растрепкой. Еще говорила, что я попаду в команду победителей, поэтому не трясись, Ботаник, сегодня нас точно не отчислят.

– Или отчислят всех, кроме тебя, – мрачно предрек он.

– Ужасный настрой, – поцокала она языком. – Предложила бы сходить на сеанс, но корабль уже отчалил.

– Пифия бросила предсказания и занялась вязанием? – сыронизировал Илай.

– Выгнали из академии, – пожала плечами Тильда. – Смотрю как-то, дверь нараспашку. Заглянула, а в комнате ни одной вещи. Поспрашивала соседей, говорят, что она уехала тихонечко, ни с кем не попрощалась. Между прочим, народ к ней до зимы был записан.

– Какая трагедия, – ехидно хмыкнул Илай.

В круглом зале подземелья царила напряженная атмосфера. Вились нервные шепотки, кое-кто пытался предсказать, какого демона нам подсушит в этот раз. Из уст в уста передавалась страшная байка, будто у хранителей второго потока исчезла целая команда, но так и не появилась. В общем, адепты боялись провалиться.

– Перед тем, как начнутся проверочные испытания, проведем инструктаж, – объявил Армас, заставляя всех замолчать. – Наблюдателей – не бить, комнаты испытаний – не крушить, даже если очень хочется вырвать какую-нибудь палку! Все услышали? Внимательно следить, чтобы все участники вышли из лабиринта. На этом все.

Впятером мы коллективно сделали вид, будто не понимаем, в чей огород летели камни. Пальцем-то не показывал. Может, в прошлый раз кто-то еще отличился.

Сегодня тринадцатый номер в шаре натрясла Тильда. Нас встретила знакомая комната с дощатым полом и каменными стенами.

– Переворачивай, – скомандовал Илай, когда мы обступили песочные часы.

– Считать до трех? – обратилась я к Флемму.

– Да не тни уже, – буркнул он.

Помещение затопила непроглядная темнота, а следом раздался короткий нарочитый визг. Секундой позже свет вновь вспыхнул. Мы по-прежнему стояли в комнате номер тринадцать, а

Тильда крепко-накрепко прижималась к Бади, обшаривая его руками. Надо отдать должное здоровяку, он оказался не промах, и с большим удовольствием обнимал девушку сильной рукой за талию, видимо, благородно не позволяя этой руке опуститься чуть пониже. Хотя не уверена, что подруга порядочность оценила.

– Матильда? – вкрадчиво проговорила я.

– Ботанику можно, а мне нельзя? – Она отцепилась от парня и поправила скособоленные очки.

– Как понимаю, далеко мы не перенеслись. Что делать будем?

Песок в светящихся часах бодро отсчитывал время испытания.

– Может, квест на смекалку? – предположил Флемм.

– Придумать, как попасть в лабиринт? – подколот Илай.

– И как выйти, – вполне серьезно согласился умник, совершенно не настроенный на юмор.

– По-моему, в комнате просто магия не пробудилась, – вздохнула я и добавила:

– Скажу Армасу, что у нас тут... заминка.

– Любят они унижать, – ругнулся Илай.

Я толкнула дверь комнаты, перешагнула через порог... На меня немедленно нахлынуло почти непреодолимое желание завизжать и, зажмурившись, повиснуть на Бади. По другую сторону было вовсе не подzemелье академии, а маленькая гостиная, утопавшая в неестественной, мертвой тишине.

Эта комната над маленькой артефакторной лавкой служила хозяевам еще и кухней, и столовой. Угол занимал очаг, на крюках висели старые чугунные сковородки. Стоял диванчик и большое кресло с аккуратно приколотой к спинке салфеткой, добротный стол с широкими лавками вместо стульев, застеленный вышитой скатертью. Ее я помнила очень четко, эту скатерть... Парадокс, но мамино лицо размылось, превратилось в пятно, а вышивки, какими она любила украшать вещи в нашем доме, засели в памяти.

Преданные забвению воспоминания никого и никогда не терзали. Не знаю, чего добивались в Дартмурте, сталкивая нас с прошлым, ведь мне повезло, что добрые боги были милосердны и позволили позабыть, как мы жили. Не бедно, но и не богато, в обыкновенном тихом счастье, не кичась им и не выпячивая.

– Эден? – позвал меня Илай из-за спины.

– Парни, квест идет, – вздохнула я и сделала пару нерешительных шагов.

Друзья вошли следом, замялись на пороге, словно чувствуя себя незванными гостями.

– Где мы? – проговорил Флемм.

– Это дом моих родителей, – проговорила я, стараясь не замечать, что слова застревали в гортани комом. – В смысле, иллюзия, похожая на дом моих родителей.

– Козлы, – не глядя на меня, едва слышно процедил Илай, очевидно, имея в виду создателей лабиринта и наставников, согласившихся его использовать в учебной программе.

– Что нам искать? – спросил Ботаник.

Я кашлянула, понимая, что в этой комнате боюсь дышать.

– Предполагаю, что шкатулку. Круглая, белая, на крышке нарисованы бабочки. Ничего особенного, просто поделка артефактора. Внутри лежит брошь из рубинов. Простенькая... Видимо, она и есть ключ от следующей комнаты.

Друзья немедленно взялись за поиски. Открывали шкафы, проверяли полки, заглядывали в углы. Ворошили мое прошлое в гробовом молчании, как-то по-особенному подчеркнутым тишиной мертвого лабиринта. Я была нечеловечески благодарна, что они не задали ни единого вопроса. Вспоминать о тех днях было даже не больно и не обидно, скорее неприятно.

Когда после смерти родителей меня забирали в приют, то позволили взять только одну вещь. Помню, я сначала схватила тряпчатого зайца, купленного в лавке игрушек, но потом вдруг осознала, что от него мало прока, его даже не мама шила, и вцепилась в шкатулку. В ней хранилась, пожалуй, единственная принадлежавшая матери ценность – рубиновая брошь.

Шкатулку разломали еще в приюте, а брошь я успела спрятать, но в итоге Надин сдала драгоценность в ломбард. Пару лет назад кухарка Бринни вдруг разоткровенничалась и рассказала, что в то время тетка прогорела и возвращала крупные долги. По сей день мне нравится думать, что мы спасли друг друга. Надин меня – от приюта, а я ее – от окончательного разорения, ведь денег от продажи опустевшей артефакторной мастерской хватило, чтобы открыть таверну.

Страшно повезло, что шкатулку нашла не я. Вещицу отыскал Илай в нише очага, где когда-то мама раскаливала камни для обогрева комнат. Камин был сложен только на первом этаже, а спальни с наступлением холодов выстуживались, приходилось нагревать, чем придется. Родители мечтали когда-нибудь оплатить услуги мага-стихийника и сделать в доме живое тепло, но не успели.

– Она? – Илай поставил шкатулку на стол.

– Угу. – Я подошла и привычным движением отыскала потайной замочек. Нажала на пружину, крышка с щелчком открылась, а следом раздался душераздирающий скрип, заставивший всех резко оглянуться. Единственная дверь в комнате чуточку приоткрылась, за ней разливалась беспросветная темнота.

– Это точно по мою душу, – простонал Флемм и нервно засунул палец за ворот рубашки, словно спасаясь от удушья.

– Хочешь, я подержу тебя за руку? – спросила Тильда. Ботаник истерично покачал головой, мол, справлюсь, но побледнел в цвет белой простыни. По всему было заметно, что марку он держал только из мужской гордости.

Команда начала исчезать в темноте следующей квест-комнаты.

– Подержу дверь, – кивнул Илай. – У тебя минута, иначе Ботаник...

– Ага.

Он бросил на меня задумчивый взгляд и оставил один на один с домом родителей. Я быстро вытащила брошь и сжала в кулаке. На ощупь вещица оказалась холодной, булавка чувствительно уколола ладонь, словно настоящая. Пожалуй, создатель иллюзии заслужил «превосходно» за реалистичность, но украшение развеялось темным дымком, едва вернулось на дно шкатулки. Все верно. Прошное должно оставаться в прошлом.

– Закончила? – спросил Илай.

– Да... Спасибо.

Он кивнул. Я перешагнула через порог чужой жизни и чужих плохих воспоминаний. Дверь закрылась с грохотом, и меня обступила ослепляющая, дезориентирующая темнота.

– Где мы? – тихо спросила, отчего-то побаиваясь говорить в голос.

– Подозреваю, что в подполе, – с трудом отозвался Флемминг. – Как-то пришлось провести веселую ночь в одиночестве. Понятия не имею, что мы здесь должны искать...

Раздался щелчок и во мраке на кончике пальца Илая вспыхнул огонек, похожий на пламя свечи, разве что голубоватого цвета. Вокруг заплескали уродливые тени, превратили лица в страшные маски. Заклинание стихийной магии отбирало много сил и, чтобы пламя горело ровно, не перекидывалось на предметы, никого не обжигало, требовало неусыпного контроля. Форстад блестяще с ним справлялся.

Мы сидели в каменной, глубокой коробке. Потолок (или это скорее был пол комнаты сверху) в противовес ощущениям, находился довольно высоко. Возле потемневшей от черной плесени стены валялась лестница, прогнившая, с несколькими сломанными перекладинами.

– Похоже, нам просто надо найти выход, – предположил Илай.

– Где-то должна быть дверь... люк... – голос Флемма звучал глухо. Было заметно, что парень держался из последних сил, чтобы не сложится бубликом и не упереться лбом в колени.

– Простучим, – коротко предложил Бади.

Подозреваю, что Тильда получила бы больше удовольствия, взгромоздившись ему на плечи, но я была легче и ниже подруги. Правда, все равно ударилась головой о потолок, вернее, пол... Ну, вы поняли.

Мы побывали в музыкальной комнате Бади с напрочь расстроенными клавишинами и беспрерывно щелкающим метрономом. С разнесчастным видом здоровяк неумело сыграл какую-то путанную мелодию, и нас заставили перейти в огромный зал, где, по всей видимости, случился пожар. Со стен слезла почерневшая ткань, проваленный паркет щерился острыми щипами, висели обгорелые занавески. Самое страшное, что печальное пожарище пахло затхлостью учебного лабиринта.

– Подозреваю, что нам надо вылезти через окно, – проговорила Тильда. – В тот день в особняке случился большой пожар, на окнах были решетки. Паршивое воспоминание.

Решетку выбили парни с помощью магии. Дымовая завеса стояла такая, словно мы опять всей командой вскрывали методичку Хилдиса.

Первым на подоконник взобрался Илай, спрыгнул с другой стороны и невесело проговорил:

– Дом, милый дом.

Он протянул мне руку и кивнул:

– Добро пожаловать, Эден, в аристократический особняк.

Я спустилась и обнаружила, что оказалась на чердаке, пыльном, старом, заставленном сундуками и мебелью, накрытой потемневшими от грязи чехлами. Ребята залезли следом.

– Сначала меня считали непослушным ребенком и запирали, потом я решил, что сидеть запертым просто так – несправедливо, и действительно стал непослушным ребенком, – прокомментировал Илай, хотя никто ни о чем не спрашивал, на вопросы мы, не сговариваясь, поставили строгое табу. – Нужно найти отмычки. Я прятал их под половицами.

Но тайник оказался пуст. Нам пришлось перерывать кучу пыльных, ничем не пахнущих вещей. Первая отмычка нашлась в учебнике по стихийной магии, забытом в старой ученической парте, а вторая – на дне одного из пустых сундуков. Некоторое время Илай со сноровкой вора-домушника ковырял замок. Наконец раздался щелчок.

Ребята начали выбирать в комнату с песочными часами.

– Эден, шустрее! – позвал меня Илай.

В последний раз я оглядела большой чердак. Сегодня в лабиринт не выпустили рейнсверского чудовища, нас заставили лицом к лицу столкнуться с собственными демонами.

Подземелье Дартмурта встречало ярким светом. Армас в глубоком одиночестве дожидался адептов в центре зала. С холодным безразличием он следил, как мы приближались. Неподвижный, высокомерный, бездушная статуя, а не человек.

– Поздравляю, команда, – проговорил он. – Вы первые, кто вышел через дверь, а не через портал.

Несмешная шутка. Возможно, остальным командам досталась столь глубокая кроличья нора, что оказалось проще попросить наблюдателя вытащить из нее за шкуру, чем пытаться выбраться сами.

– Я задам вам тот же вопрос, что и остальным. Чему учит прохождение лабиринта иллюзий? – торжественно спросил он, ни с того ни с сего надумав устроить посреди подземелья нравоучительную лекцию.

Эй, магистр, не видишь? Мы справились и плевали на нравоучительные тирады. Ужасно хотелось его ударить. Не в челюсть, я для этого была слишком труслива, а наподдать по голени носком ботинка и броситься наутек, как в детстве.

– Делиться секретами, – съехидничал Илай.

– Иллюзии выстраивало ваше подсознание. Лабиринт учит умению отбрасывать лишние эмоции и сосредотачиваться на главной цели, – менторским тоном отчитал куратор. – Вы справились на оценку «превосходно» и теперь можете отдыхать. Желаю хороших выходов... Вы что-то хотели сказать, адептка Эден?

Божечки, неужели на моей физиономии так выразительно нарисовалась клокотавшая внутри злость?

– Вы проходили подобный квест? – тихо спросила я, специально используя эртонское хулиганское название, каким наградили лабиринты адепты.

– Все адепты факультета хранителей магии проходят испытания на силу духа, – дал он понять, что когда-то имел честь провалиться в собственную кроличью нору.

– Что вы поставите создателям квеста и наставникам, его одоббившим? – резко спросила я.

– Простите?

– Я ставлю «отвратительно».

В глазах магистра блеснул лед.

– И за что, позвольте узнать?

– За отсутствие человечности.

Я развернулась на пятках и направилась к широкой каменной лестнице без перил.

– Адептка Эден! – остановил меня Армас, вынудив обернуться. – В Дартмурте учат копить, преумножать и использовать магические знания, а магия и человечность понятия не всегда совместимые.

– В школе меня тоже учили копить и преумножать знания, но почему-то говорили, что у магии человеческое лицо. Какое? Решать магу.

– Не нравится лицо мага, которому доверили вас наставлять? – резко спросил он.

Я промолчала. Пусть думает, что хочет.

– Если считаете, что для вас подобные испытания слишком, просто вернитесь в отеческий дом к любящим родителям.

– Предлагаете снова запрыгнуть в квест-комнаты? – не хотела огрызаться, ведь сказала уже достаточно, но вырвалось помимо воли.

Пожалуй, смущение замаявшего Армаса оказалось самым приятным событием сегодняшнего паршивого дня. Согласитесь, что наставнику, кичащемуся идеальной памятью и цитирующему выдержки из личных грамот своих подопечных, чуточку неловко предлагать сироте прямой дорогой отправиться к родителям.

– И вам хороших выходных, магистр.

Илай нагнал меня на лестнице, подхватил под локоть, словно боялся, что я промахнусь мимо ступенек, скачусь обратно в подземелье и всенепременно сверну шею. Или сломаю ногу, что тоже не особенно приятно.

– Не одобряешь? – отрывисто бросила я.

– Не осуждаю, – спокойно поправил он.

– Хочешь сказать, что надо было промолчать, так?

– Даже не думал. Ты заслужила право выплеснуть эмоции и наплевать на все цели, даже самые главные.

– Спасибо.

– Просто... я был в лабиринте и видел твое лицо.

И снова наступили длинные выходные. Тильда звала меня в гости, но деньги стремительно заканчивались, а отдыхать за счет подруги не позволяла гордость. Поездку в шумную столицу, какой бы соблазнительной не казалась возможность хотя бы на пару дней сбежать из замка, пришлось отложить до следующего месяца. Отговорившись, будто совершенно не успеваю с домашними заданиями, я осталась в общежитии в компании учебников по высшей магии и нелепого кустика. Его же и прихватила с собой в читальный зал, приятно пустующий по случаю свободных от занятий дней.

Только углубилась в решение сложной задачи из третьего года обучения, как над ухом прозвучал голос Форстада:

– Выгуливаешь фамилльяр?

От неожиданности я чуть не откусила кончик пера, который вдохновенно грызла, пока думала. Подперев щеку кулаком, Илай сидел рядом и с любопытством следил за моим испугом.

– Ты что тут делаешь?

– Присматриваю за плотоядным кустиком, пока ведьма ест самописные перья.

Малиновый человек, замороженный светом библиотечной лампы, высовывался из стаканчика и всем зубастым цветочком тянулся к стеклянному колпаку. Он словно находился под гипнозом и точно не собирался мигрировать куда-нибудь под книжную полку, где его ждала засуха и холодные сквозняки.

– Вкусно? – У Илая смеялись глаза.

– Не очень, – хмыкнула я, поймав себя на том, что отчаянно рада его видеть, и теперь эта возмутительная радость непривычно щекочет где-то в районе живота. – Почему ты не уехал домой? У тебя же закончился домашний арест.

– Хотел провести выходные в хорошей компании.

– Только не говори, что имеешь в виду Дживса с Остадом? Считала, что у тебя вкус получше.

Илай пропустил остроту мимо ушей.

– Почему ты не поехала с очкастой? Ботаник говорил, что она звала.

– Если Тильда услышит, как ты ее называешь, то смертельно обидится.

– Хорошо, что она не услышит, – согласился он, откидываясь на спинку стула. – Так почему ты осталась?

– Хотела провести выходные в хорошей компании учебников.

– Значит, наши желания совпадают.

– Ты не похож на учебник.

– Зато я очень хорошая компания, – парировал он.

– Утверждение не выдерживает критики. – Я поймала себя на том, что наслаждаюсь каждой секундой шуточной пикировки.

– Брось, Эден. Мы заслужили праздник, – заявил Илай.

– Есть поводы?

– Считаешь, что их нет? – Он соорудил удивленную мину. – Вечер выдался холодный, мы прошли испытание, у меня закончился домашний арест, твой фамилляр влюбился в лампу.

– Если кустик влюбился, то захочет мигрировать в библиотеку и мне придется своровать лампу. Понимаешь? Куча поводов устроить поминки, – заключила я.

– Мы остались в замке вдвоем, – закончил Илай многозначительной паузой.

Вблизи он казался ужасно красивым. Волосы падали на лицо, капризные губы были готовы вот-вот изогнуться в обаятельной улыбке. Почему я раньше не замечала, как обольстительно он улыбается?

Божечки! Кажется, у меня в глазах начинали взрываться в фейерверки, а в голове вариться малиновый джем. Немедленно очнись, Аниса Эден, пока не превратилась в Амаду-четыре сорима!

– Ты сейчас потрясла головой? – удивленно указал он в меня пальцем.

– Тебе показалось.

– Давай на камень-ножницы-бумага. Выиграешь ты – помогу своровать из библиотеки лампу и осчастливорю твой фамилляр. Выиграю я – ты осчастливишь меня.

– Нет.

– Не хочешь сделать счастливым кустик?

– Страшно представить, что сделает счастливым тебя.

– Я буду счастлив провести время где-нибудь не в академии.

– Ты мухлюешь в камень-ножницы-бумага.

Он все-таки улыбнулся, открыто, красиво. На щеке появилась забавная ямочка, какой я раньше не замечала.

– Тогда подбросим монетку? – Он вытащил из кармана серебристый сорим.

– Ты собираешься играть соримом?

– Что сказать? Привилегия столичных мажоров. – Илай покрутил монету. – Орел, решка? Быстро, Эден!

– Орел! – выпалила я. Тьфу! Переговорил.

– Послушная, девочка, – ухмыльнулся он.

Сорим подлетел в воздух, красиво завис, перевернулся, словно дразня зрителей, и упал на широкую мужскую ладонь чеканным королевским профилем. Решка. Илай точно мухлевал, но я была не против.

– Надень что-нибудь удобное, – довольный собой он поднялся.

– Ты же не заставишь меня в холод таскаться по городу. Предупреждаю сразу, ненавижу пешие прогулки и свежий воздух! А если мне что-то не нравится, то люди вокруг сами собой становятся несчастными.

– У меня идея лучше. Тебе понравится, – подмигнул он. – Встретимся в холле через полчаса.

Задавить странное ощущение, будто у нас всамделишное свидание, удалось лишь усилием воли. И не спрашивайте, почему я галопом неслась в общежитие, едва не потеряв по дороге кустик. Честный ответ прятался в том же далеком уголке подсознания, что и воспоминания о родительском доме. В смысле, настолько глубоко, что я туда лишний раз не совалась.

На дружеские посиделки собиралась без особого старания.

Всего лишь

выпрямил волосы с помощью заклятья разгоряченными, как утюги ладонями...

Посмотрела на себя в зеркало, шмыгнула носом и завил пряди на палец. Локоны не понравились, с ними я отдаленно напоминала Аманду-четыре сорима, если бы она превратилась в брюнетку с ореховыми глазами. Пришлось выпрямить заново, от усердия из-под ладоней даже пошел жиденький дымок. Как лысой сама себя не оставила, большой секрет.

К выходу комната оказалась перевернутой вверх дном. На кровати валялся ворох сдернутой с вешалок и безжалостно забракованной одежды. В рядах аккуратно сложенных в корзинку бутылочек случился косметический взрыв. Кустик от греха подальше жался в ведре.

Мы встретились с Илаем ровно через полчаса, минута в минуту, и некоторое время молчали, обескураженно разглядывая почти одинаковые красные шарфы. Наверное, со стороны выглядело, будто мы двое, как глупые влюбленные, носили парные вещи. Оставалось только выйти из общаги, крепко взявшись за руки...

С утра небо прояснилось, но к вечеру на улице опять заморосило. Царили грязноватые сумерки, стремительно перезревающие в хмурый холодный вечер. Осень достигла своей середины. Она осыпалась на землю разноцветными листьями, оставив деревьям редкие неряшливые серьги, непокорно цепляющиеся за голые ветви. Мне пришлось взять Илая под руку, чтобы спрятаться под одним водонепроницаемым щитом.

Ни одна капля дождя не проникала под невидимый контур, но я в тайне радовалась, что подвела глаза водостойкой угольной пастой. Между прочим, стрелочки удались: ровные, кокетливые, абсолютно одинаковые. Всего лишь с третьего раза нарисованные.

– Возьмем кеб? – немедленно предложила я, заметив на противоположной стороне улицы свободного извозчика.

– Эден! – Илай ловко перехватил мою поднятую руку. – Не лови.

– Идти недалеко?

– Далековато, – признался он, – но погода отличная.

Я невольно оглядела мокрую печальную улицу, фонари с дрожащими магическими светляками в колпаках. Обычно уличные огни сами собой зажигались с наступлением сумерек и гасли утром, но в последнее время окрестности Дартмурта накрывало плотное одеяло облаков, фонари, бывало, горели круглые сутки.

– Считаешь?

– Да, – кивнул он. – Помню, что ты ненавидишь прогулки, но, может, прогуляемся?

– Ладно, – дернула я плечом.

Мы зашагали по вымощенной пешеходной мостовой. Дождь капал, рисовал на лужах круги. Холодный ветер студил, забирался под одежду.

– Никогда не носишь перчатки? – прервал молчание Илай.

– Забываю.

Неожиданно он и сам снял перчатки. Думала, что захочет широким жестом предложить мне погреться, даже сжала кулаки, заранее отказываясь от привилегии покрасоваться в его вещах, но ошиблась. Илай обнял мои пальцы теплой широкой ладонью, спрятав в уютный кокон. Ошарашенная я даже не стала возражать, так и шли, крепко сцепив руки в единый замок, в одинаковых красных шарфах, точно были влюбленной парочкой.

И после двадцатиминутной прогулки бодрым шагом, а идти медленно просто не позволял ледяной сквозняк, налетавший на прямом и длинном, как труба, проспекте, меня привели – демон дери – в самое затрапезное заведение, какое выдывал свет! На его фоне теткина таверна – столичная ресторация, не меньше.

Клянусь, без слез не взглянешь. Особенно на бочки с жалкими высохшими стебельками, стоявшие по обе стороны от обшарпанной двери. Наверное, хозяева полагали, что посетители решат, будто цветочная красота увяла с приходом осени, но наверняка растения издохли еще в засушливое лето, случившиеся во всем королевстве три года назад.

Все соображения на этот счет я немедленно вывалила на Форстада. С самодовольной ухмылкой, словно привел девушку в вертеп исключительно, чтобы попугать, и теперь испытывал прилив счастья, он открыл дверь:

– Добро пожаловать.

– Пожаловали, – согласилась я, входя.

В центре просторного, но тускло озаренного зала стояли широкие лохани из железного дерева – арены для игры в магические волчки. Конусы-волчки, собранные из металлических колец и острия, пробуждались с помощью колдовства и, ведомые магом, вертелись по игровому полю, сталкивались, танцевали, выбивали искры. Проигрывал волчок, разлетевшийся на части первым.

Самое приятное, что в отличие от подпольных кулачных боев, битвы магическими волчками законом запрещены не были. Бейся сколько душевнее угодно буквально под стенами академии, пока не зарябит в глазах.

– Как тебе идея? – спросил Илай.

– Неплохо, – одобрительно кивнула я. – Часто сюда заходишь?

– Бывает, – согласился он. – Остад с Дживсом любят побиться, но играют оба отвратительно.

Илай отошел к хозяину за волчками, а я придирчиво проверила арены. Выбор пал на самую широкую лохань с исчерченным кругами дном. В ней было достаточно места для маневра.

Пока я разделась и закатала рукава рубашки, напарник вернулся с горстью разобранных выщербленных деталей, прошедших не один турнир. Профессиональные игроки, зарабатывающие деньги на боях, обычно заказывали артефакторам собственные волчки с шипами на кольцах, с замысловатыми надсечками, тонко настроенные на магию хозяина. Мы довольствовались самыми простенькими, без особых выкрутасов.

– Помочь собрать? – спросил Илай.

– Справлюсь как-нибудь, – с высокомерием профессионала отказалась я и ловко, словно объемный пазл, сложила острие с металлическими кольцами. «Юла» размером с мой кулак оказалась довольно тяжелой.

– Умеешь играть? – Парень бросил быстрый взгляд из-под ресниц.

– Приходилось когда-то.

В средней школе, когда я еще не успела загореться идеей о поступлении в Дартмурт, постоянно выигрывала у одноклассников монетки на леденцовую карамель. «Лавочку» прикрыл преподаватель по стихийной магии, в то время крайне идейный и не считавший хмель пятой стихией. Тетка устроила мне страшную выволочку за азартные игры и, пораскинув мозгами, поставила арену для боев в таверне. Что сказать? Она всегда отличалась странными представлениями о воспитании детей. Иногда мне кажется, что Надин считала племянницу-сиротку чем-то вроде рейнсверской магии, зубастым кустиком жизни, вечно пытающимся куснуть ее за палец.

К слову, арена продержалась недолго, развалилась после приезда столичных боевых магов. Надин заявила, что в гробу видела развлечения для одаренных, некоторых вообще альтернативно, и повесила безобидную мишень для дротиков. Истыканный «до мяса» круг в прошлом году незаметно сняли со стены, и мы не сумели вычислить вора.

Разделенные широкой ареной мы с Илаем встали друг напротив друга. Я сжимала волчок, напитывая его магией.

– Играть ради игры скучно, – заявил противник. Кольца волчка в его руке от любого движения вспыхивали яркими цветами.

– В средней школе тетка мне доходчиво объяснила, почему девочки не должны играть на деньги, – отказалась я делать ставки.

– А на что играют девочки?

– На интерес.

– Эден, в нашей команде может быть только один зануда и это Ботаник. – Он мотнул головой, убирая постоянно падающую на глаза длинную челку. – Если выигрываешь ты, то я прошу долг.

– Нет никакого долга! – взбунтовалась я. – Из-за тебя меня в женском туалете едва не избили! И кустик напугали! Он до сих пор при любом шуме мигрирует под кровать.

– Ты же сама понимаешь, что те стерв... милые дурочки были обречены, как только заперли в уборной дверь.

– Ну, хорошо. – Я выразительно закатила глаза. – Если выигрываю я, ты списываешь несуществующий долг, а если ты...

– То тебе покупать нам обоим содовую воду.

– Содовая вода? – с иронией уточнила я.

– Все, что крепче, обязан покупать мужчина, – развел он руками.

– Ты имеешь в виду кофе?

– Особенно кофе, – подмигнул он.

Глядя на парня, расслабленно сидящего на высоком стуле, я к собственному ужасу начинала понимать, почему девчонки рядом с ним сначала дурели, а потом, отлученные от тела, зверели. Он умел завлекать: лукаво смотрел из-под длинной челки, ухмылялся уголкем рта, закидывал за голову руки, язвил, подтрунивал и вдруг резко, буквально на пустом месте, возвращал раздражающе-высокомерный вид столичного сноба. Другими словами, Илай Форстад выглядел неприступной горой, которую хотелось всенепременно покорить.

– Согласна, – кивнула я и отвела взгляд. От греха подальше, а то, знаете, думается всякая чушь.

Ставки были сделаны, сделка заключена. Первый бой начался!

Мы выбросили волчки одновременно, но если у Илая конус провернулся буравчиком и, оставляя в воздухе светящийся след, разноцветным мерцающим вихрем легко заскользил по арене, то мой еще в полете развалился и рассыпался по дну частями. Противник остановил игру, заставив волчок застыть в воздухе, и с ироничной улыбкой развел руками:

– Эден, я восхищен.

А я чувствовала себя полной дурой. Совершенно не ожидала, что подло растеряла навыки. Как же мышечная память?! Как же это их хваленое: голова забыла, а руки помнят? Ничегошеньки они не помнят. Предатели!

– Схожу за напитками, – вздохнула я и сбежала к стойке, за которой маячил хозяин игрового заведения.

Содовая вода в кружках булькала и исходила белесым дымком. На вкус она была чуть кисловатой и ужасно, просто катастрофично колючей, царапала горло мелкими пузырьками. В восточных долинах напитков не особенно любили, даже на ярмарках, где, казалось бы, пили и ели абсолютно все, даже то, что не стоило пробовать, к палаткам с содовой никто не приближался. Простой народ не принимал столичных изысков и уважал традиции: предпочитал питье послаще и покрепче. То самое, за которое, если верить Форстаду, обязательно платили мужчины.

– Держи. Мое тоже. – Я поставила обе кружки на бортик арены рядом с Илаем (в тайной надежде, что он толкнет угощение локтем, когда будет бросать волчок, и тоже проиграет бой еще до его начала).

– Все мне? – удивился он.

– Не люблю содовую воду.

– Зачем купила две?

– Чтобы ты упился и лопнул, – съязвила я, хотя просто не хотела ставить парня в идиотское положение, что напиток ему покупала девушка.

Не притронувшись к угощению, Илай с любопытством следил, как я споро собирала игровой конус, прилаживала кольца, закрепляла снизу острие.

– Может, тебе дать парочку уроков? – принялся подтрунивать он. – Клянусь, абсолютно безвозмездно.

– Это был не проигрыш, а досадная случайность! – начала злиться. – Я даже деньги раньше выигрывала!

– Не очень-то верится, учитывая, что ты, Эден, не донесла волчок до арены.

– Пф-ф! – насмешливо фыркнула я. – Поднимем ставки?

– Ты сама предложила! – моментально уцепился он за брошенные в сердцах слова. – Делай ставку.

Вдруг стало очевидным, что Форстад очередной раз меня провоцировал, а я, глупая золотая рыбка, вытаращила глаза, схватила наживку и попала на крючок. Опять!

– Если я выиграю, то ты поставишь у заклинателя печать от курения, – выдвинула совершенно невообразимое требование. Хотела предложить подстричься и превратиться в порядочного ботаника, по крайней мере внешне, но ставка показалась не особенно притесняющей мужские слабости.

– Ла-а-адно. Принимаю. – Илай уперся ладонями в бортик арены, состроил вид, будто сильно задумался над ставкой, некоторое время разглядывал меня, словно что-то просчитывая в уме, но наверняка давно все решил. – Если выиграю я, то ты меня поцелуешь.

У меня вспыхнули щеки.

– Нет.

– Струсил, Эден?

– Можно подумать, я никогда ни с кем не целовалась.

Дура, ты действительно никогда и ни с кем не целовалась, кроме Илая Форстада!

– Признайся, ты боишься, что тебе понравится.

– Не испытываю желания за один раз поцеловать всю академию Дартмурт.

– Спасибо, мне польстило, – ни капли не обиделся он. – Сыграем на деньги?

– Хорошо, я согласна на ставку! – воскликнула, чтобы остановить поток дурацких шуточек.

– На деньги? – Он издевался.

– На этот твой поцелуй.

– На твой поцелуй, – с преувеличенным педантизмом поправил Илай. – Начинаем бой?

Гудящие от магии волчки, расплескивая вспышки света, подлетели в воздух и коснулись арены. Управлять моим было тяжело, как неповоротливой повозкой. Непослушный и тяжеловесный, он не хотел принаравливаться и слышать приказов, однако теснил противника. Неожиданно сверкающий смерч пошел юзом и от сильного удара противника разлетелся на части. Собрать волчок с помощью магии удалось в последний момент. Детали сошлись неровно, образовав кривую фигуру, но верчение продолжилось.

– Это против правил! – возмутился Форстад.

– Покажи, где написаны правила игры в волчки? – справедливо заметила я.

– Ты жульничаешь.

– У тебя научилась.

Удар! Волчок Илая разлетелся, части прыснули в разные стороны. Потухшее кольцо вылетело за пределы арены, и парень ловко его поймал. Я остановила конус. Тускло мерцая, он медленно вращался вокруг своей оси, изредка злобно вспыхивал и желал продолжить бой.

– Я что, выиграла?

Резким жестом я ослабила силу магии и волчок сорвался на дно.

– Признаю, ты мастер, – развел руками Илай, соглашаясь с победой. – Ты доказала, что когда-то действительно обдирала детишек как липки.

Только почему-то этот мастер в обтягивающих штанах, специально надетых, чтобы подчеркнуть стройные ноги, неожиданно ощутил разочарование из-за собственного триумфального выигрыша.

Через полчаса мы стояли на крыльце местного заклинателя и стучали медным молотком во входную дверь. На окне шевельнулась занавеска, потом нам открыли. На пороге появился невысокий сухопарый старичок с лысиной, прикрытой легким седым пухом волос, и с круглыми очками в тонкой оправе на длинном носу.

– Добрый вечер, – бодро поздоровался Илай. Признаться, он вел себя так, словно давным-давно мечтал бросить дурную привычку, но не хватало силы воли, и вдруг подвернулся удобный случай.

Старый маг осмотрел нас от макушки до пяток, задержал взгляд на переплетенных замком пальцах. Мы стояли под жестяным козырьком и по-прежнему держались за руки, хотя водонепроницаемый магический щит был давно погашен.

– Храмовник живет тремя домами ниже. – Принял он нас за влюбленных, желающих немедленного благословения.

– К храмовнику в следующий раз, – не очень-то умно пошутил Илай и крепче сжал мою руку, не давая расцепиться. – Сегодня мы к вам, господин заклинатель. Моя девушка...

– Я тебе не девушка! – шикнула.

– Моя женщина, – немедленно поправил он, едва не заставив меня зарычать, – выиграла спор и требует печать от курения. Немедленно.

– В начале девятого вечера? – удивился заклинатель. Согласна, нормальные люди в разгар вечера дурными привычками наслаждаются, а не избавляются от них.

– По горячим следам, – подтвердил Илай.

– Девушка, приходите завтра утром, – устало посоветовал маг.

– Я?

– Вы-вы. Зачем прятаться в потемках? Стесняться нечего, дело-то житейское. Поставим мы вам печать от неожиданностей, а если настаиваете, то и от курения.

– Каких еще неожиданностей? – искренне заинтересовалась я, покосившись на Илая, будто задавала вопрос именно ему. В ответ он кашлянул в кулак, стараясь скрыть смех. В отличие от единственной дамы в нашем трио, он, похоже, прекрасно понимал, о чем толковал заклинатель.

– Тех самых, которые потом ножками бегают, кушать просят и растут как на дрожжах, – печально вздохнул старый маг. – Еще и печать от пьянства можно сообразить.

– Но я не страдаю пьянством, – ошалела я от щедрого предложения, а заодно от идиотской ситуации.

– Очень жаль, – заключил заклинатель. – У меня правило: если клиент ставит сразу три печати, то четвертая – в подарок.

– Господин заклинатель, а можно сегодня только от курения, – проговорил Илай, с трудом сохранявший серьезность. – Мне. Я доплачу за внеурочную работу.

– Ах, так это вы решили пристраститься к здоровому образу жизни. – Старик поскущел. – По двойному тарифу.

– Естественно, – обаятельно улыбнулся заядлый курильщик, вставший на путь выздоровления.

Когда мы входили в дом, я тихо спросила:

– Говоря бегают и кушать просят, он кого имел в виду? Кустик, что ли?

– Ага, – хмыкнул Илай. – Цветущие кусты жизни.

– Божечки!

Смущаться постфактум было глупо, поэтому я просто мысленно ругнулась нехорошим словом, в тысячный раз нарушив данный в начале учебного года зарок.

– Девушка будет присутствовать на магическом ритуале? – над стеклышками очков строго посмотрел заклинатель.

– Девушка воздержится, – буркнула я и выразительно плюхнулась на истерично скрипнувший стул.

– Молодой человек, вы хорошо подумали? – начали пытать Илая. – Потом снять печать будет дороже.

– Ее можно снять? – возмутилась я, не дав молодому человеку открыть рот. – А такая, чтобы не снималась существует?

Так и знала, что дело нечисто! Слишком просто он согласился избавиться от пагубной привычки!

– Кто платит, тот заказывает музыку, – развел руками заклинатель.

Илай что-то хотел вставить, но я немедленно выпалила:

– Доплачу!

– Ведьма, – буркнул он.

– Печать для усмирения нрава тоже можно поставить, – оживился маг, неожиданно в начале девятого получивший двух горяченьких клиентов с целым букетом пагубных привычек и отвратительных черт характера. Просто золотая жила, а не клиенты!

– Хорошая идея, – кровожадно улыбнулся Илай. – Скидочку сделаете?

– И ткнете ему на лоб! – рывкнула я. – Вы всех сильно обяжите. Спасибо, что предложили. Про скидку не забудьте!

Но последнее наставление они уже не услышали, дверь в соседнюю комнату закрылась, а я осталась в тесной приемной с блеклой тканью на стенах.

Некоторое время разглядывала трещащий светильник, потом заметила на высоком столике ворох объявлений об услугах «профессионального заклинателя с сорокалетним стажем», такие обычно привешивали на столбы и заборы. Прислушавшись, не собираются ли мужчины вернуться, я быстро сцапала листовку, сложила и убрала в напоясный кошель. Не поймите неправильно, на всякий случай. Девушка должна быть предусмотрительной.

Илай пробыл у мага не больше десяти минут. Он вышел и начал немедленно надевать пальто.

– Поставил? – с подозрением уточнила я, как будто действительно волновалась, а не обманул ли.

– Хочешь проверить? – с неожиданной охотой он снова вытряхнулся из пальто, задрал правый рукав и продемонстрировал мне внутреннюю сторону предплечья без каких-либо знаков.

– Какая замечательная печать! Незаметная только, – хмыкнула я, но все-таки подошла и с любопытством исследователя аккуратно пальцем провела по бледной коже с выпуклыми прожилками вен. В том месте, где заклинатель поставил метку, вдруг вспыхнул зеленоватым цветом мудреный знак, силуэтом напоминающий паука.

– Смотри-ка, не соврал, – стараясь скрыть смущение от этого неожиданно-интимного прикосновения к мужской руке, съязвила я и немедленно, чтобы совершенно точно никто не заметил, что ведьма в замешательстве, поступила как натуральная ведьма – ткнула в печать кончиком пальца.

– Боже мой, Эден! Ты зачем в меня пальцем тычешь? – поморщился Илай от боли. – Я не статуя!

– Очень, очень жаль, – наигранно вздохнула я. – Статуи просто стоят и загадочно молчат. Тебе бы пошло. Не узнавал, у заклинателя есть печать немоты?

– И я уже готов ее тебе оплатить, – пригрозил он.

До академии доехали на кебе и благополучно успели до закрытия ворот. Дождь усилился и хлестал по въездной площади, ледяной ветер продувал до костей, а мы, держась за руки, неторопливо дошли до здания общежития, прикрытые магией от буйствующей стихии.

В выходные дни лестницы и пролеты были безлюдны, коридоры пусты и окутаны полумраком. Смотритель специально приглушал светильники для экономии магических светляков, нет-нет, но норовивших потухнуть. Илай, выказывая удивительные манеры, проводил меня двери. В закутке как всегда царил темнота, видимо, лампа мне не светила до самого выпуска. При том, в прямом и переносном значении этого слова.

Я полезла в напоясный кошель за ключом и... сложенное вчетверо объявление о возможности хитро предупредить всякие жизненные «неожиданности» – выпало. Недолго думая, придавила листовку ботинком и начала с деятельным видом совать ключ в замочную скважину. Обычно попадала с первого раза, но после долгой прогулки руки замерзли и меткость несколько увяла.

– У тебя из сумочки выпала бумажка, – проговорил Илай.

– Тебе показалось, – отмахнулась я. Божечки, зачем ты сделал его таким глазастым? Нет бы одарить куриной слепотой.

– И ты на нее наступила.

– Да не может быть!

– Подвинься, – сдвинул он меня и лично поднял объявление. На губах моментально вспыхнула ехидная усмешка знакомого белобрысого придурка.

– Я взяла листовку для тебя! – вывернула я. – Подумала, мало ли твоим девушкам пригодится. Знаешь, жизнь длинная, учеба долгая, а кому хочется, чтобы неожиданности начали бегать и просить есть...

– Какая предусмотрительность, – протянул он, помахав листочком.

– Забирай-забирай, – кивнула я. – Потом спасибо скажешь.

Божечки, да что этот замок никак не отпирается? Замок, не видишь, мы сейчас с девичьей гордостью скончаемся от конфуза. Гордость уже издает предсмертные хрипы!

Неожиданно Илай накрыл мою руку ладонью, заставив замереть.

– Не нервничай.

Он отпер замок, открыл дверь. Я юркнула в комнату и с вющим ужасом обнаружила страшный хаос. На подоконнике тускло горела приглушенная лампа. Свет приходилось оставлять из-за нервного кустика-зубастика, чтобы во мраке он не решил, будто наступил конец свет, и не мигрировал в какой-нибудь укромный уголок. В общем, скрыть бардак благородными потемками было невозможно даже теоретически, а после сборов остались натуральные руины.

– Спокойной ночи. Надеюсь, что сегодняшним вечером сделала тебя счастливым! – протараторила я и попыталась закрыть дверь у Илая перед носом. Не очень вежливо, но лучше выглядеть поганкой в глазах парня, чем продемонстрировать, с каким рвением, достойным лучшего применения, наряжалась на обычную дружескую прогулку.

Он резко перехватил дверь. От тяжелого, незнакомого взгляда я, кажется, перестала дышать: набрала в грудь воздух, а выдохнуть забыла.

– Аниса.

– Что, Илай?

Расстояние между нами было ничтожно, и я не сопротивлялась, когда теплые ладони обняли мое лицо. Он целовался с раскрытым ртом, влажно и долго. Дразнил языком, прикусывал. На мгновение отрывался, позволяя сделать короткий вздох-всхлип, и снова целовал, совершенно не так, как в холле академии на глазах у десятков зрителей. Абсолютно по-другому. Страстно, настойчиво, умопомрачительно сладко, до дрожащих коленей, лихорадочного желания забраться руками под одежду и прикоснуться к горячему мужскому телу.

Отстранившись, Илай осторожно обвел большим пальцем контур моих горящих губ.

– Спокойной ночи, – произнес хриловато. – Сегодня я действительно был счастлив.

Он ушел. Ошеломленная и растерянная, я таращилась в закрытую дверь и не могла отвести взгляда.

«Поцелуй со всей академией случится скоро. И он будет жарким!»

– как издеваясь, прозвучал в голове голос пифии... И она опять не соврала!

На следующее утро неожиданно вернулась Тильда. Без стука вломившись в мою комнату, она с порога заявила, что едва не издохла от скуки в папочкинском особняке и спасла жизнь благородным бегством обратно в академию.

В этот раз вместо традиционной облепиховой настойки подружка привезла огромную бутылку согревающей растирки. Клянусь, таким количеством снадобья можно было вылечить целый табун рейнсверских летающих коров от ревматизма крыльев! Тильда искренне верила, что если задобрить кустик, то малиновая зараза перестанет ей грызть пальцы. Бади-то хищный фамилляр никогда не кусал!

Не откладывая подкуп в долгий ящик, она щедро окропила землю воняющей чайным деревом растиркой и едва успела одернуть руку от щелкнувшего зубами цветка.

– Неблагодарное создание! – Тильда в сердцах шваркнула бутылку на подоконник. – Захлебнись!

– Он тебя кусает, потому что чувствует агрессию и защищается, – нравоучительно выговорила я.

– Он меня кусает, потому что безмозглый куст! – так громко рявкнула она, что несчастный кустик стремительно закопался по макушку, в смысле, по цветочек.

Полдня мы провели в городке. Денег у меня по-прежнему было как кот наплакал, но я так боялась столкнуться с Илаем, что без раздумий согласилась сопровождать подругу в забеге по торговым лавочкам. О том, что он заходил, недвусмысленно намекало прилепленное к двери с помощью простенького заклятья вчерашнее объявление...

Мы столкнулись только на следующий день, когда я спускалась по лестнице в главном учебном корпусе. Шагающая рядом Тильда с упоением костерила магистра Гарифа, заставляющего нас заниматься в промозглую погоду на полигоне, а Илай с компанией парней входил в парадные двери. С высокомерной усмешкой слушая треп приятелей, ленивым взглядом он окинул холл и остановился на мне, замершей на ступеньках.

Весь вчерашний день я боялась, что увижу Форстада и вдруг пойму, что он мне нравится. По-настоящему, до душевных мук, мурашек на спине, бабочек в животе, трубящих фанфар в голове. И что?! Увидела и поняла, что нравится. Именно так: с мурашками, бабочками и прочей чухню!

– Ведьма, ты чего вросла в пол? – позвала меня Тильда. – Забыла что-нибудь в кабинете?

– Да! – Я резко развернулась и натуральным образом бросилась наутек, чувствуя, как горит лицо.

– Эден! – крикнул мне в спину Илай. В его голосе звучал смех. Оставалось притвориться глухой, слепой и резво вскарабкаться по лестнице.

– Подожди, – пробормотала запыхавшаяся Тильда, когда толпа народа спрятала нас в коридоре. – Если ты что-то забыла в кабинете старомagического, то мы его уже проскакали, а если убегала от подозрительно улыбчивого Мажора, то он нас не догоняет, поэтому... дай выдохнуть. У меня бок колет!

Я смущенно переминалась с ноги на ногу и на всякий случай поглядывала, не маячит ли где-нибудь знакомая мужская фигура.

– Мне очень любопытно, что у вас произошло, но я промолчу из уважения к твоим проблемам с доверием, – по-умному объявила она.

– Нет у меня проблем с доверием. Он меня поцеловал! – на одном дыхании без пауз выпалила я. – Как думаешь, блудом можно заразиться через поцелуй?

В ответ Тильда прыснула в кулак, помахала перед лицом ладошками, видимо, стараясь сдерживать обидный хохот, и объявила:

– Ведьма, если ты ничего нигде не забывала и просто сбежала от Форстада, то вернемся.

Возле кабинета философии нас поджидал Илай. Подруга, активно жестикулируя, еще рассуждала о собачьем холоде на полигоне, а меня уже утянули в пустую аудиторию, где однажды нам с Форстадом удалось со вкусом и огоньком поцапаться. Только я открыла рот, чтобы спросить, какого демона он творит среди бела дня, как этот самый рот оказался заткнут поцелуем.

Из моих рук выпала папка с докладом по истории. Соскользнула с плеча сумка с учебниками, сначала повисла на локте, а потом тоже отправилась на пол. Зачем лишние вещи, если они мешают цепляться за шею парня? Я отвечала с задором и огоньком, взлохматила ему волосы, чуть не отодрала пуговицу на мантии. Никогда бы не подумала, как забавно заниматься жаркими глупостями в пустых аудиториях, прижимаясь спиной к тонкой двери, пока за этой самой дверью ходит толпа народа.

Наконец, когда у меня закончилось дыхание, а тело наполнилось незнакомой истомой и требовало совершенно иных касаний, о каких лучше думать в душной темноте под одеялом, Илай оторвался от моих губ. Некоторое время я не поднимала глаз и пыталась вернуть исчезнувший дар речи.

– Ты хотел со мной поздороваться? – хриловатым голосом наконец вымолвила я.

– И еще сказать, как сильно ты мне нравишься, – прозвучало буднично и очень просто.

Вскинула голову, посмотрела в потемневшие глаза, напряженное лицо, сжатые губы, умеющие жарко целовать. В этот момент все изменилось. Я осознала, что влюблена в Илая Форстада, невыносимого, высокомерного... самого лучшего.

Вскоре за окнами академии закружился первый снег. Подхваченные воздушными вихрями, метались крупные белые хлопья, липли на стекла, немедленно таяли, а если добирались до земли, то немедленно растворялись, оставляя холодную влагу. Первый снег был слаб и не знал, как укутать согретый живым теплом Дартмурт. Зима наступила с приходом второго снега, прокралась на цыпочках, тихо-тихо, неощутимо, подменив мрачное межсезонье. Никто толком не заметил, как она утвердилась, развернула огромные белые крылья, заморозила воздух ледяным дыханием, накрыла окрестности снежным одеялом.

Я вела себя смирно, вежливо, ни с кем ни разу не поругалась (один раз и не по моей вине, все вокруг жутко нервные). Влюбленная ведьма зачехлила метлу и отдала ее кастеляну. Забыв снять бантик. Вредный старик решил, что над ним издеваются и орал, как потерпевший. До сих пор не понимаю, чего он взбеленился. Форстад купил у него списанную метлу, но орудие труда вернулось совершенно бесплатно. Прибыль на лицо, вернее, в кармане. Чего еще желать?

Ведьмовская собственность вообще досталась ему случайно! Сорвался обмен метелки на коридорный светильник. Смотритель общежития в последний момент надумал изъять ее нахрапом, вот из вредности и отдала кастеляну. А что с ленточкой? Так метла домашняя, ухоженная и облагороженная. Радоваться надо, а не вопить дурниной до хрипоты в голосе.

Я была слишком занята, чтобы думать о мелочах, даже о самых насущных и банальных. С приходом холодов вдруг понадобились сапоги, ведь по какой-то возмутительной причине зима не подумала их принести в корзиночке под дверь и не материализовала в сундуке, где хранились теплые вещи, переданные теткой Надин с нарочитым.

Обо всем этом и чуточку о том, как в середине ночи выставляла из комнаты белобрысого сноба, я думала, пока шагала из обувной лавки обратно в академию. День выдался солнечный и студеный. Настроение было преотличное, что со мной вообще случалось исключительно редко. Пальцы леденели, в сумке дубели новые сапоги с натуральной меховой подстежкой и устойчивым аккуратным каблучком.

Вместе с замерзшей толпой, ожидавшей разрешения постового перейти оживленную улицу, я шагнула на мостовую и почувствовала резкий, сильный удар в спину. Еще один шаг сделала по инерции... и оказалась нос к носу с Илаем в общежитской комнате, щедро залитой прозрачным дневным светом.

От внезапной смены декораций голова пошла кругом. Но страшнее было смотреть на парня. Он стоял неподвижный, словно окостенелый. Руки спрятаны в карманы штанов, голова склонена к плечу, словно он чем-то ужасно заинтересовался, но лицо не выражало никаких эмоций, а в пустых безразличных глазах отражалось пламя. Понимаете? Самое настоящее пламя!

Я порывисто обернулась. В воздухе полыхал бумажный комок. Вокруг кружил пепел, затухающие мелкие обрывки слетали на пол. Огонь стремительно съедал основное блюдо, дрожал, надеялся на продолжение банкета – хоть куда-нибудь перекинуться, но маг держал пламя в узде.

Сквозь гул в ушах звучал чужой слабый голос, словно доносящийся из-за глухой каменной стены:

– Адептка Эден, придите в себя!

На мгновение перед лицом мелькнула перекошенный Армас с покрасневший от холода носом. Кажется, он тряс меня за плечи. Я была бы рада вернуться на морозную улицу, сбежать из чужой комнаты, прекратить подглядывать за чужой жизнью через замочную скважину, но не могла вырваться из оков странного видения.

– Очнись, демон тебя дери! – тряхнули меня от всей души.

Я вернулась в собственное тело, с изумлением уставилась на магистра, стискивающего мои плечи. Видимо, обнаружив, что взгляд у адептки стал осмысленный, он рывкнул мне в лицо:

– Маленькая идиотка, какого демона ты остолбенела посреди мостовой! – От его дыхания шел пар, и почему-то это простое обстоятельство, доказывающее, что первостатейный маг Армас, самый обычный человек и дышит, как простые смертные, меня страшно удивил.

– Здравствуйте, магистр, – очень вежливо поприветствовала я, хотя, наверное, было глупо здороваться.

– Здравствуйте? – охнул он. – Тебя чудом не сбили. В последний момент оттащил за шкуру.

Справедливо говоря, он точно тащил, а не нес на руках, как благородный герой. Платок у меня съехал с головы, волосы торчали в разные стороны, лезли в глаза и рот, а на теплом пальто под воротником не хватало пуговицы. Видимо, оторвалась, когда я подвергалась решительному спасению.

– Спасибо большое, магистр.

– Спасибо?

– Ага. За то, что оттащили меня за шкуру. Мне пора. Да?

– Я... – Он потряс красным от холода пальцем, что-то желая высказать, но только процедил:

– Идите, адептка Эден. С глаз моих. Подальше.

Уходила действительно быстро, скорее галопом, чем торопливым шагом. Добравшись до общежития, первым делом ринулась на восьмой этаж, с трудом заставляя себя не перепрыгивать через ступеньки, и перед комнатой Илая от непрерывного марафона вдруг почувствовала, что готова скончаться от усталости.

Только я занесла кулак, чтобы постучаться, но дверь открылась.

– Сегодня хороший день, – улыбнулся он.

– Почему? – пропыхтела я, опираясь на косяк и пытаюсь перевести дыхание.

– Аниса Эден так хотела меня видеть, что неслась вприпрыжку. Ты выглядишь очаровательно взъерошенной.

Еще небрежно расстегнутой, не очень приятно распаренной и совсем нехорошо задохнувшейся – плохой образчик очаровательности, но, если парню нравится, зачем переубеждать.

– Вообще я неслась, чтобы похвастаться новыми сапогами, – потрясла сумкой. – Ты же заинтересован в женских сапогах?

– Не особенно, но я с большим удовольствием полюбуюсь на женские ноги в этих сапогах, – промурлыкал он.

Комната выглядела обычно. Воздух холодный, свежий, видимо, окно только закрыли, но Илай вообще был любитель устроить северную долину и вечную мерзлоту. Пол чисто выметен, ни намек на то, что недавно здесь разгоралось злое пламя. В нерешительности я оглядывалась, пытаюсь найти доказательства, что вовсе не сошла с ума, и со мной приключилось видение, а не галлюцинация.

Решительно повернувшись к Илаю, я произнесла:

– Хочу кое-что спросить, и ты сделаешь вид, будто совершенно не удивлен. Договорились?

– Спрашивай, – согласно кивнул он.

– У тебя все хорошо?

Ты в порядке?

Вдруг он поменялся в лице. Думала, что прямо сейчас меня выставят за дверь и предложат не лезть в чужую душу, но Илай растерялся. Кажется, впервые на моей памяти. Он не дрогнул даже в лабиринте иллюзий, когда обыскивал чердак родительского особняка и глотал пыль с чехлов, прятавших старую детскую мебель, но сейчас любой дурак, если он не слепец, угадал бы, что у парня неприятности.

– Скоро все познакомится с господином Форстадом-старшим. Он приезжает, – бесцветным голосом проговорил он. – А в остальном все отлично.
– Отец решил тебя навестить?
– Мой отец никогда никого не навещает, Аниса, – сухо ответил Илай. – Он появляется, когда ему что-то сильно не нравится.
– И что ему не нравится? – у меня пересохло во рту.
– В Дартмурте ему не нравится только один человек.

В голове мелькнуло испуганное:
«Высокородный папочка приедет по мою, что ли, душу?!»

– Я, – спокойно признался Илай.
Никогда не знала, не умела и не училась поддерживать людей, поэтому действовала наобум, понятия не имея, правильно ли успокаиваю. Да и примет ли он такое вот странное успокоение? Я бросила сумку с сапогами на пол, подошла к парню близко-близко и обхватила руками. Наверное, это было сложно назвать объятиями, скорее невысказанными словами.
Все хорошо.
Я с тобой.
Жизнь длинная, она все и всех расставит по местам.

Глава 9. Обреченные стать победителями

Послание от Армаса настигло меня в середине второй лекции. В аудиторию заглянул помощник магистра, как всегда измученный жизнью и рейнсверской мухоловкой и рукой с тремя красноречиво перевязанными пальцами передал преподавателю записку. С тех пор, как на моем подоконнике поселился зубастый фамилляр, я очень часто вспоминала парня из приемной, даже заочно прониклась симпатией и, кстати, разорилась на пару мотков перевязочной ткани, заговоренной на заживление ранок. Он тихонечко покинул аудиторию, под нарастающий гул преподаватель прочел записку и поднял глаза на слушателей:

– Адептка Эден, после занятия, пожалуйста, зайдите к магистру Армасу. Продолжим лекцию!

Божечки, что такого срочного случилось, что куратор официально вызвал меня в кабинет в разгар учебного дня? Внутренне я была готова обнаружить в логове тирана кого угодно, начиная от торгаша Хилди, узнавшего правду о взломщиках и трясущегося от гнева, до тетки Надин. Правда, ее появление возможно разве что в страшной сказке, где сироту непременно хотят отдать замуж за кровожадного герцога-дракона.

Вопреки ожиданиям магистр был один. Не нарушая молчания, он указал на кресло для гостей и внимательно наблюдал, пока я устраивалась на краешке, укладывала сумку с учебниками на колени, потом на пол и снова на колени. В общем, нервничала. И от того, что он смотрел, тело переставало слушаться и двигалось, как на несмазанных шарнирах. Наконец я обратила взгляд на мужчину за столом.

– Я знаю, что с тобой происходит, – тихо, размеренно, без нажима, словно боялся меня спугнуть, вымолвил он.

– Не уверена, что понимаю вас, – надеюсь, что прозвучало холодно.

Со мной происходила куча разных вещей: кустик-зубастик в ведре из железного дерева, непрерывная зубрешка к большой проверочной по мироустройству, отшибающая мозги и чувство самосохранения первая любовь, идиотский доклад по истории, который легко написал бы Ботаник, но почему-то отказывался, хотя я перерешала ему почти половину учебника по высшей магии и научила заклятью «приветиков». О чем именно говорил магистр?

– Раздвоение сознания, – подсказал он, и я почувствовала, что меняюсь в лице.

Эти астральные перемещения воспринимались мной, как симптомы неприятной болезни, которую в себе подозреваешь, но к лекарю не идешь – страшненько, а вдруг действительно

придется долго лечиться. И, кажется, что если не замечать проблемы, то она сама собой рассосется.

Все внутри меня сопротивлялось и кричало о том, что надо держать язык за зубами. Я никогда не умела делиться личным. Возможно, пришло время и мне принять чью-то помощь, а в том, что Армас предлагал свою помощь не возникало никаких сомнений.

– Что вы об этом знаете? – тихо спросила я.

– Что
ты
об этом знаешь?

– Кроме того, что испытала удовольствие на себе? Ничего. Я никогда не страдала видениями, не выкрикивала в толпе предсказания и не увлекалась ментальными практиками. Я нормальный маг.

– Ты сильный маг, по крайней мере, станешь в будущем, и тебе действительно стоит подумать о ментальных практиках.

– От этого можно избавиться?

– У некоторых выходило, – согласился он.

– И раздвоением сознания можно управлять? – быстро спросила я.

– Безусловно.

Армас поднялся из-за стола и, открыв книжный шкаф, вытащил с полки фолиант, простой черный томик без названия, имени автора или других опознавательных знаков, доказывающих, что передо мной невинный учебник, а не какой-нибудь гримуар по иссиня-черной магии, грозящей высылкой за грань к рейнсверской плотоядной флоре и фауне.

Я послушно протянула руку, но магистр не позволил забрать томик. Он крепко держал. Получилось глупо, мы хватались с двух сторон за одну книгу, словно не могли решить, кому она достанется.

– Если захочешь, я готов стать твоим наставником, – будто небрежно предложил Армас, пряча хищный, заинтересованный взгляд. Будь я чуточку наивнее, наверное, его не заметила бы.

– Спасибо, я подумаю, – ответила ровным голосом.

Он вежливо улыбнулся и позволил забрать томик, оказавшийся неожиданно тяжелым:

– Ты всегда знаешь, где меня можно найти.

Когда я вышла из приемной, на ходу пряча фолиант в сумку, обнаружила Илая. Спрятав руки в карманы, он опирался спиной о стену и разглядывал носы туфель.

– Что ты здесь делаешь? – улыбнулась я.

– Слышал Армас тебя вызывал, – ответил он. – Что хотел?

– Дал кое-что для внеклассного чтения, – отшутилась я.

В середине дня в академии появился Андрон Форстад. Главу магического совета встречало руководство в полном составе, даже кастелян, сменивший потрепанную мантию на пиджак, отвечивал низкие поклоны. Однако, и это обстоятельство удивляло, по правую руку от дорогого гостя шел вовсе не ректор, а магистр Верден Армас. Ректору отвели играть роль провожатого, семенящего впереди и беспрестанно проверяющего через плечо не слишком ли быстро он трусит.

Мы с Тильдой случайно очутились на балконе во время процессии. Торопились в столовую перехватить что-нибудь перед лекцией, но оказались свидетелями грандиозного явления. Андрон, высокий, плечистый господин в дорогом пальто, стремительно поднимался по лестнице. Нам пришлось потесниться к балюстраде. Знаете, наверное, себя так чувствуют рейнсверские крикуны неожиданно оказавшиеся на пути игуанодонов: проще подвинуться, чем, пригибаясь и не чувствуя под собой конечностей, с паникой в глазах бежать впереди.

Возле нас Андрон, не обращавший никакого внимания на возбужденную толпу адептов, резко остановился. Ледяной взгляд сначала полоснул по мне, потом резанул Тильду, нервно поправившую очки, потом вернулся ко мне.

Они были поразительно похожи, сын и отец. Одинаковый рост, телосложение, светлые холодные глаза, черты лица, даже жесты, хотя вряд ли когда-нибудь Илай в этом признается.

– Здравствуйте, господин Форстад, – неожиданно вырвалось у меня. Честное слово, сама испугалась.

Армас закашлялся в кулак, маскируя смехок.

– И вам. Здравствуйте, – неожиданно снизошел Андрон, отвернулся и продолжил триумфальное шествие. И знаете, что? От самого влиятельного мага королевства, веяло вовсе не силой, не бурлящей энергией, а простым человеческим снобизмом. Сплошное разочарование.

Сидя на следующей лекции, под партой я быстро начертила на ладони пустым пером «приветик» к Илаю:

«Виделись с отцом?»

«Нет»

, – через несколько долгих минут пришел короткий ответ. А он, Форстад-младший, умел провести черту и намекнуть, где заканчивается поддержка и начинается вторжение в личное пространство. Похоже, из лучших побуждений я не просто вторглась, а вломила в это самое пространство, как неповоротливый крылатый скифолл, и еще полку копытами станцевала.

– Адептка Эден, – прозвучал скрипучий голос профессора старомagического языка, – возможно, под столом вы ищите ответ на мой вопрос?

– А? – подняла я голову. Народ захихикал.

– Итак? – гаденько улыбнулся он.

– Напомните, пожалуйста, вопрос?

С семинара я выходила с совершенно противоестественным, более того, возмутительным, самым первым в своей жизни «неудовлетворительно». Однако впасть в уныние отличницы, по собственной глупости потерпевшей оглушительное фиаско, и насладиться страданием не успела – на двери общежитской комнаты висела карточка с приглашением на вечер к ректору в честь приезда главы магического совета королевства.

Как выяснилось, позвали всю команду. Перед званым ужином мы с Тильдой, как и полагается приличным девицам, спустились в столовую, чтобы поесть, пусть не очень вкусно, но точно сытно. Как заметила подруга, жрать отбивные или хрустеть гренком с паштетом из утиной печенки за одним столом с ректором – ужасно неприлично. Я ничего не имела против паштетов, но подозревала, что вряд ли сумею проглотить хотя бы кусочек в присутствии Форстада-старшего, а оставаться голодной ради какого-то там сноба желания не испытывала.

В каменный особняк ректора, стоящий в отдалении от других зданий, пришлось идти через парк, словно не определившийся: он уже сдался зиме или пока предан поздней осени. Среди деревьев кое-где попадались черные кляксы непокрытой земли, а верхушки кустов, сохранившие засохшие листья, обросли тонкой снежной корочкой. Холод стоял страшный (или просто без пальто он казался очень страшным), обледеные дорожки предупреждающе поблескивали в тусклом фонарном свете.

Мы с Ботаником цеплялись друг за друга, старательно передвигали ноги и почти с ненавистью поглядывали на Тильду, успевшую отхватить Бади. Казалось, здоровяк, одетый в импозантную форму выпускника училища боевых магов, не замечал, что вокруг происходил гололед. В отличие от нас, он ступал твердо и спокойно, ни разу не поскользнувшись. Вообще, я была бы совсем не против идти и даже поскользнуться в паре с Илаем, но перед выходом получила «приветик», что он сопровождает отца. Что-то подсказывало, что вряд ли им придется демонстрировать фигурное катание на туфлях по местным дорожкам.

Наконец добрались, поднялись по ступенькам и постучали бронзовым молоточком. В холл наспустила экономка. Я осматривалась украдкой, исподтишка, чтобы никто не догадался, что в аристократических домах никогда не бывала. Обстановка отличалась подчеркнутой дороговизной и не верилось, что для главы Дартмурта этот красивый дом являлся временным пристанищем, почти как общежитие для адептов.

– Проходите в гостиную, – указала экономка нужное направление.

Едва мы оказались в одной комнате с деканами, преподавателями, детьми аристократов и избранными адептами, мне немедленно захотелось сбежать обратно в общежитие. Атмосфера тихих разговоров, серьезных лиц, ревнивых взглядов от подающих надежд выпускников ужасно нервировала. Прости рейнсверский бог, но кто готовил подавальщицу к светскому рауту? Оставалось действовать согласно постулату моей тетки: молчи, если хочешь сойти за умную.

У камина терлись Дживс с Остадом, так что, вежливо поздоровавшись с хозяином дома, мы дружно сбежали в уголок для случайно залетевших в гостиную «почтовых голубей». Пока обменивались вялыми колкостями, появился главный гость вечера. Он вошел в сопровождении Армаса и Илая, громко всех поприветствовал, обменялся несколькими ничего не значащими репликами с деканами, пожал руки паре преподавателей, видимо, из избранных. Из уголка я следила, как к нему подвели знакомиться «цвет» Дартмурта и все еще недоумевала, какого демона оказалась в столь колоритном месте. Всю жизнь ненавидела ощущение чужого стула под задом, а сейчас этот самый стул еще и припекало!

За целый час мы с Илаем не обменялись даже быстрыми взглядами, и я закономерно полагала, что в присутствии отца он решительно продолжит не замечать друзей, но ошиблась. Когда всех пригласили в столовую, он проигнорировал место по правую руку от Форстада-старшего и с непроницаемым видом уселся в противоположный конец стола, рядом со мной.

– Чудесно выглядишь, – прошептал Илай, подвигая мне стул.

– Старалась, чтобы понравиться.

Нет правда старалась. Вытащила из сундука тысячу лет назад подаренную Бринни книжку о красоте и по схеме заплела сложную косу. Надела лучшее платье, в смысле, все платья были так себе, откуда взяться дорогим нарядам, но из двух нормальных выбрала самое нормальное. Капнула на запястья благовонием с любимым запахом пиона, хотя последнее было лишним, ведь не станут же меня здесь обнюхивать. Встала перед наколдованным в полстены зеркалом и вдруг поняла, что не только духи, но и все это: платье, красивая коса, накрашенные ресницы, туфли на каблучке – абсолютно лишнее. Как говорят в восточных долинах, желтый одуванчик с красной розой не перепутаешь.

– Кого хотела впечатлить? – ревниво спросил Илай.

– Само собой, Дживса, но подумала, что лучше впечатлять столичную принцессу, – пошутила я. – Рада, что получилось.

И, казалось, ужин шел своим чередом. Разнесли закуски, разлили вино. За столом задавались вопросы, звучали ответы. Мы все словно сидели на грандиозном собеседовании перед главным магом королевства и делали вид, будто едим. Впрочем, Хилдис, тоже приглашенный на вечер, действительно пользовался ректорской щедростью, заправлялся утиным паштетом и ни разу не заикнулся о том, что какие-то подлецы осквернили дело всей его жизни. Узнай ограбленный торговец, что подлецы в полном составе делили с ним трапезу, подавился бы деликатесами.

– Господин Квинстад, – проговорил Армас, – является победителем трех королевских турниров по мироустройству.

– Учитывая, кем при жизни являлся его отец, это не удивительно, – отозвался Форстад-старший. – Он был прекрасным ученым и замечательным человеком. Многие в совете вспоминают его добрым словом. Как поживает ваша матушка?

Напряженный, как сжатая пружина, Флемм выдавил вежливую улыбку:

– У нее все благополучно. Благодарю.

Я не сводила с него глаз. Казалось, что прямо сейчас Ботаник воткнет в стол серебряную вилку, пробив зубцами шелковую скатерть, или же переломит пополам нож.

– А вы?

– Госпожа Эден!

Я не сразу сообразила, что обращались ко мне и порывисто оглянулась на другой конец стола. Отец Илая проткнул меня тяжелым взглядом.

– Простите?

– Чем занимаются ваши родители? – спросил он.

– Моих родителей не стало много лет назад, – тщательно выбирая слова, ответила я и спрятала нервные руки под стол, где принялась с наслаждением расковыривать заусенец на пальце. – Мама преподавала в средней школе общую магию, а папа был артефактором.

– Я пытаюсь припомнить, но пока не выходит. – Он сделал вид, будто действительно задумался. – Какие из его артефактов попадали в королевскую сокровищницу?

– У папы была маленькая мастерская в провинции, господин Форстад. В основном заказывали волчки для магических боев.

– Вот как, – снисходительно заключил Андрон. Как просто, оказывается, унижить человека парой пренебрежительных слов.

– Да, так, – корчась внутри от злости, со спокойной улыбкой ответила я, когда, казалось бы, разговор уже закончился. – Здорово спасать мир на разломах грани, но, согласитесь, кому-то нужно печь хлеб, обжигать горшки или хотя бы делать волчки для магических боев. Иначе у нас не было бы этого замечательного развлечения.

Неожиданно я почувствовала, как Илай под столом сжал мою руку, крепко, сильно, не позволяя расковыривать дурацкий заусенец.

– Госпожа Эден – исключительно талантливый маг, – неожиданно принялся нахваливать меня Армас, словно безуспешно пытался объяснить покупателям на рынке, что покалеченный однокрылый скиффолс лучше здоровой телушки. – Она освоила сложнейшие заклятья разрушения и созидания в двенадцать лет.

Ах, конечно! Директор средней школы внес сей прискорбный факт в мою личную грамоту. Божечки, а я успела подзабыть, как он орал, когда в школе сами собой разбивались стекла, а потом слетались обратно. Не всегда собирались полностью, бывало один или два кусочка терялись или рассыпались в необратимый пепел, поэтому директор бесился.

– Прекрасный результат, – зашушукались гости.

– Даже Илай освоил только разрушение. Да и то в семнадцать лет, – заметил Форстад-старший.

Все. Сил моих участвовать в этом балагане больше нет! Глотайте паштеты, господа маги, нахваливайте учеников, хватайтесь за выгодное знакомство, но без меня. Только собралась встать из-за стола и удалиться под благовидным предлогом, как Флемминг отложил приборы, с преувеличенной аккуратностью пристроил на столе салфетку и громко произнес:

– Прошу прощения, но я вынужден отлучиться.

Не дожидаясь разрешения, он встал и вышел из столовой, едва не задев лакея с подносом очередных закусок. Я осторожно освободила пальцы, сжатые Илаем, и поднялась:

– Простите.

Злосчастная салфетка упала. Первой мыслью было поднять, но вряд ли кто-нибудь в приличном обществе бросался под стол, чтобы на карачках доползти до упавшей тряпицы или вилки. Двустворчатые двери в гостиную открылись сами собой. Я сбежала, ни на кого не глядя и не испытывая ни капли неловкости.

Ботаника удалось нагнать в парковой аллее. Тихо ругаясь под нос, он старательно выписывал на льду ногами крендели и упорно продвигался в сторону общежития.

– Флемм, стой! – От дыхания в воздух уходили облачка пара. Тело сковывало ледяным холодом. Отвратительная осень в этом году выдалась, такая снежная и ледяная.

– Сбежала, Ведьма? – бросил он через плечо и, поскользнувшись, взмахнул руками.

– Осторожно! – кинулась я на выручку и едва не растянулась поперек дорожки. Мы схватились друг за друга.

– Как он смеет смотреть на нас свысока? – неожиданно выкрикнул взбешенный Ботаник мне в лицо. – Он не спас мир на изломе, не придумал ни одного стоящего артефакта, не написал ни одной книги. Он даже не самый сильный маг королевства, его просто назначали. Понимаешь?! Они обокрали нас, не оставили ни одного отцовского атласа, продать было нечего. Я жилы рвал, чтобы поступить в проклятый Дартмурт, потому что отец так хотел. Понимаешь? И как он может смотреть на меня свысока?

– Флемм, они всегда так жили.

– То есть тебе нравится быть ручной мартышкой в цирке его сына?

– Мы не цирк, а команда! Друзья! Разве нет? Илай не похож на отца.

– А я-то считал тебя умной, – невесело усмехнулся Флемминг. – Посмотри на них. Они одинаковые, с одной разницей, что по одному ты сохнешь, а второго боишься. Тебе не обидно за себя, Ведьма?

– Ты не прав, Ботаник, – прозвучал голос Илая.

Мы оглянулись. Он шел с уверенностью человека, не подозревающего, что под ногами вообще-то стелется лед.

— Она по мне не сохнет и точно не боится моего отца, — объявил Форстад-младший и как-то ловко подхватил нас обоих под локотки. — За первое, к слову, обидно. Влюбленная ведьма — большая честь для любого мужчины. И если мы пятеро цирк уродцев, то, клянусь, из нас вышел самый горячий цирк этой академии. Проводить до общаги, барышни?

В следующий миг он поскользнулся и кувыркнулся спиной назад, утянув нас на обледенелую дорожку. Проводил называется, костыль недоделанный! От сильного удара у меня, кажется, хрустнули все кости, и как-то подозрительно в районе пояса треснуло лучшее из всего гардероба платье. Безусловно, не замечать льда под ногами никто не запрещает, но потом не стоит удивляться, отчего больно сверзился на землю, а соломки под зад не подстелено.

— Бади, ты посмотри! Мы за них волновались, а они спокойно себе загорают в парке, — хмыкнула откуда-то сверху Тильда. — Хочу вас расстроить, ребята, под фонарем загореть невозможно.

— Зимой, — философски заметил Бади.

В поздний час купальня была пуста, и я подольше постояла в кабинке, отогреваясь в струях горячей воды. Перед мысленным взором проносились картины безобразного ужина, наверняка половине сотрапезников стоявшего несварения. То и дело всплывал образ Андрона Форстада с этим его пронизывающе-режущим взглядом. Препарирующим. И, кажется, глава совета магов задавал банальные вопросы, но почему-то от них выворачивало наизнанку.

—
Ты засунул меня в Дартмурт, я подчинился
, — четко и ясно, прозвучал голос Илая.

Он словно говорил за хлипкой дверью помывочной кабинки. Не веря собственным ушам, я быстро закрутила кран, завернулась в полотенце и выглянула. В пустой влажной купальне, плохо освещенной запотелыми лампами, было пусто.

—
Я дал тебе выбор
, — ответил Андрон Форстад. Было очевидным, что беседа проходила не в женской купальне.

Собственное тело снова дало мне призрачный пинок под зад и отправило на другой конец общаги... От сильного удара в спину я полетела вперед и проскочила между отцом и сыном, стоящими в общежитской комнатухе. Присутствия призрачного шпиона мужчины не замечали. Они были открыты, не маскировались под вежливость, как того требовали правила приличий, и смотрели с одинаковым выражением невозможного отвращения. Родные люди не имеют права смотреть так, словно много лет друг друга люто, неистово ненавидят.

— Выбор — это когда ты предложил убраться или в Нозерфейд, или Дартмурт?

Божечки. Нозерфейд? Да на уроках географии я не всегда с первого раза находила на карте это маленькое северное королевство! Честное слово, быстрее до Рейнсвера добраться. До мира за гранью всего три минуты порталом, а до севера — седмицу на летающем корабле. На экипаже, наверное, вообще не доедешь, состаришься на середине пути.

— У тебя был единственный шанс восстановиться в Эртонской академии, но как поступил ты? Просто не сел на воздушный корабль. Что еще ты от меня хотел? — в ровном голосе Форстада-старшего зазвучал металл.

Похоже из-за того, что в одной провинциальной таверне сын главы магического совета нарвался на мстительную подавальщицу, его выперли из престижного учебного заведения, отчего-то страшно почитаемого нашими аристократами.

— Справедливо говоря, пыльный Дартмурт не сильно похож на Эртонскую академию, но я рад, что не попал на корабль и оказался здесь. Что тебя теперь не устраивает?

— Как ты посмел молча встать и уйти из-за стола?

— Кусок в горло не лезет, когда оскорбляют моих друзей.

– Эта, с позволения сказать, команда тебе не друзья! У тебя не может быть друзей, тебе нужны конкуренты. Только они заставляют расти и продвигаться по жизни. Ты знаешь, что мое место не унаследовать. Ты обязан его заработать!

– И да, мы не конкуренты, а друзья. – Илай словно не слышал отца. – Им наплевать, в чей семье я родился, но не наплевать на меня. Поэтому я предпочел молча встать и уйти из-за стола...

Внезапно меня словно дернули за веревку. Легким одуванчиковым зонтиком я перенеслась обратно, в помывочную кабинку, но в тело не вернулась. В страшной панике смотрела, как завернутая в полотенце и с мокрыми волосами валяюсь на плиточном полу. Лицо белое, глаза раскрытые, пустые – ни дать ни взять покойница. И в голове ни одной мысли, как пробудиться.

В купальню кто-то зашел, взвизгнула от страха девушка... Мгновением позже я поняла, что утыкаюсь носом в мокрый ледяной пол и вообще-то мне очень холодно. Пошевелилась и обнаружила, что когда свалилась, то ударилась несчастным травмированным плечом, но боль не печалила, а радовала. Чувствовать все, что происходило с телом, пусть даже подозрительный скрип в суставах, было страсть как приятно.

– Эй, ты в порядке! Ведьма... Аниса, ты чего валяешься? – забормотала девушка, боясь ко мне приблизиться из суеверного страха.

– Заснула, – соврала я, поднимаясь на нетвердые ноги. – Мылась, мылась и заснула. Бывает же.

Оказавшись в комнате, первым делом хлебнула из бутылочки валерьяновой настойки, чтобы успокоить нервы, и вытащила из сумки книгу, врученную Армасом. Потом все-таки натянула теплую пижаму, уселась на кровать и начала читать...

Если верить сочинениям по ментальной магии, раздвоению сознания нормальные люди учились долгие годы, целенаправленно и по собственному желанию. Другими словами, мало кто внезапно вылетал из тела через раззявленный рот, случайно подслушивал чужие разговоры, а потом паниковал, глядя на себя, распластанного на полу в женской купальне.

В шестой главе автор уверял, что стихийное умение раздваивать сознание, если не тренировать в поте лица и каждый день на пять минут не подлетать к потолку, затухало само по себе. Паниковать вообще не стоило. Подумаешь, вылетела из собственного тела. Самое главное, научиться воссоединяться с физической оболочкой. Боль, громкие звуки, чужие прикосновения – все помогало вернуться.

Другими словами, люди вокруг должны понимать, что происходит, и немедленно незадачливого путешественника будить. Дурная новость, мягко говоря! Наверное, следовало разволноваться, но настойка валерьянового корня уже прилично меня успокоила. Я просто сладко зевнула и заснула с ленивой мыслью, что без ста капель сиропа подорожника или всезнающего Армаса вряд ли разберусь с проблемой...

На следующий день стало очевидным, что злосчастный ужин у ректора кое-что изменил: у всех появилось ощущение полного уныния. Учитывая, что до финального испытания оставалось рукой подать, терять присутствие духа не следовало и ссориться тоже было глупо. Жаль, никто этого не понимал.

Впервые за долгое время за нашим столом появились свободные места, и никто не толкался локтями. Флемм пересел к приятелям по историческому клубу, Илай за целый день не появился, а его верные «почтовые голуби» упорхнули в городскую таверну. Ужинали мы втроем.

Вокруг Бади запорхала очередная бумажная птичка, на сей раз золотистого цвета. Он отмахивался от надоеды, но она мельтешила крыльями и мешала работать вилок, с каждой минутой бесполового полета становясь все настойчивее. Наконец у непробиваемого парня сдали нервы. Он поймал прилипчивую птичку, как муху и, не разворачивая, сунул в карман.

Невольно я заметила двух девчонок из группы поддержки Аманды, некоторое время назад пытавшихся зажать меня в туалете. Они сверкали новыми заколками в волосах и с откровенным разочарованием таранились на здоровяка, без колебаний проигнорировавшего любовное послание.

– Тебе пишет сама Аманда или ее перевоспитанные подруги? – поинтересовалась я.

– Перевоспитанные, – неожиданно признался Джер и указал вилок в Тильду, готовую разразиться градом язвительных комментариев:

– Ешь!

– Да что ты мне все время рот затыкаешь? – обиделась она.

– Шумная очень, – отозвался Бади.

Демоны меня дери, если это был не полноценный спор! Только я приготовилась с азартом слушать многословную подругу и односложно отвечающего молчуна, как над головой запорхала бумажная птичка.

С подпрыгнувшим сердцем я решила, будто написал Илай, но, когда записка послушно легла в ладонь и, демонстрируя прекрасные манеры отправителя, начала сама собой разворачиваться, стало очевидным, что она от Армаса. Я пыталась зайти к нему перед занятиями, но помощник с неприкрытой радостью в голосе объявил, что магистр нет в академии.

«Если появились вопросы, я в кабинете».

Чернильные строки стремительно побледнели и исчезли, намекая на большой скандальный секрет.

– Мне надо к Армасу, – объявила я друзьям, поднимаясь из-за стола.

– Ведьма, с таким стремлением к знаниям стоит называть тебя Ботаником, – съехидничала Тильда.

– Ведьма мне больше нравится, – парировала я, – сразу хочется соответствовать.

Время приближалось к семи вечера, в решетчатые окна заглядывала сизая темнота. Занятия уже закончились, в коридорах учебного корпуса и в преподавательской башне приглушили огни. При моем появлении в пустой приемной плотоядная мухоловка, словно хищница перед нападением, резко повернула десяток головок и с подозрением проследила за перемещениями «слабой жертвы». Хорошо, что она не выпрыгивала из горшка, как мой чудной кустик, сегодня гонявшийся за плавающими в солнечных лучах пылинками. Не прав магистр Ранор, заявляющий, будто рейнсверские растения не обладают сознанием. Мухоловка точно считала себя драконом или, на худой конец, скифолсом. Кем считал себя кустик оставалось загадкой, но то, что он страдал бытовым пьянством было неоспоримым фактом.

Я тихонечко постучалась и заглянула в окутанный полумраком кабинет. Рабочий стол пустовал.

– Магистр?

– Аниса, – позвал он из глубины комнаты, – проходи.

С книгой в руках Армас стоял возле открытого шкафа. Меня магистр встретил коротким кивком, словно не писал полчаса назад никакой записки.

– Я хочу знать, как вернуться в тело без чужой помощи.

– Садись, – предложил магистр, указав на кресло.

Армас неторопливо приблизился, бросил поверх бумаг книгу и присел на краешек стола. Я испытывала неловкость и не могла выкинуть из головы абсурдную мысль, что он не просто преподаватель по высшей магии, а по-настоящему привлекательный мужчина, не сводящий с меня странного гипнотического взгляда. Хотя высшая магия безусловно сексуальна сама по себе, во всех проявлениях. Не понимаю, почему Илай предпочитает стихийную.

– Проще не возвращаться, а не выходить из тела, – заговорил Армас, не догадываясь, как далеко мои мысли ушли от урока ментальной магии. – Перемещение несложно распознать, признаки всегда есть. Если почувствуешь приближение, то можно сжать большой палец, ущипнуть себя, уколоть булавкой.

– Ущипнуть? – Я поерзала в кресле.

– Показать?

Вкрадчивым жестом он протянул руку. Я разглядывала короткую линию жизни, едва достигающую середину открытой ладони, и всеми фибрами души противилась прикосновению.

– Не бойся. Я не кусаюсь. – На его губах расцвела медленная, изысканно-любезная улыбка.

– И что, по-вашему, вы тут делаете? – раздался голос Илая.

Вздвигнув, я резко повернулась. Он стоял в дверях, держался за косяк, словно боялся упасть, и полосовал нас яростным взглядом. Страшно представить, как мы выглядели со стороны. Девчонка, как дурочка, хлопает глазами, а магистр коварно скалится, словно уже получил разрешение на законное соблазнение. Ужас ужасный!

– Добрый вечер, господин Форстад, – спокойно поздоровался Армас.

– Какого демона вы делаете? – с ледяными интонациями вновь спросил он.

– Рассказываю о пользе хороших манер, – зло сыронизировал мужчина. – Если зайдешь попозже, то и тебе подробно расскажу.

Я оцепенела в кресле, вцепилась в подлокотники, не в силах пошевелиться или подать голос. Мы не делали ничего предосудительного... не успели сделать ничего такого, за что могло быть стыдно или неловко, но почему-то меня опутывал липкий страх.

Одарив нас последним холодным взглядом, Илай вышел и с треском закрыл дверь. В кабинете воцарилась непроницаемая тишина.

– Извините магистр, – вскочила с кресла. – Отложим до следующего раза.

– Аниса, позволь ему успокоиться. – Армас не выглядел встревоженным. – Сколько мы знакомы с Форстадом-младшим, столько он страдает дурным нравом.

– Что вы, магистр, – оглянулась я. – Он вовсе не страдает от дурного нрава, он им вдохновенно наслаждается! Пойду тоже наслажусь... его нравом.

Найти взбешенного парня в учебном корпусе не удалось. Послание на ладони он подчеркнуто проигнорировал. Не открыл на громкий стук, способный разбудить даже тугоухого кастеляна на другом конце замка, и я нахальным образом взломала замок на двери с помощью магии, но в общежитской комнате его не оказалось.

Здравый смысл подсказывал, что следовало выдержать паузу. Я так и поступила, а что в середине ночи поднялась на восьмой этаж, чтобы проверить, не горит ли ручка красным цветом, так это просто не спалось, кустик слишком громко копался в земле...

Мы столкнулись только на следующее утро на балконе холла. Пожалуй, хуже места для выяснений отношений придумать было сложно, но меня разбирало. Недолго думая, я схватила Илая за рукав:

– Давай поговорим!

Взгляд, каким он окатил мои пальцы, крепко сжимающие его мантию, пожалуй, можно было занести в книгу самых надменных взглядов, если таковая где-нибудь существовала.

– А есть о чем? – бесцветно вымолвил он.

– Я догадываюсь, как вечером... мы выглядели со стороны, но совершенно точно ты все неправильно понял! – выпалила скороговоркой, пока меня слушали. Надеюсь, что еще и слышали.

– Ясно, – коротко ответил он. – Ты закончила со мной говорить?

– Илай, не веда себя как кретин!

С него слетела бесстрастная маска, глаза потемнели от гнева, на лице заходили желваки и даже на расстоянии ощущалось, как тело напряглось, словно сжатая, готовая в любой момент развернуться пружина. Он схватил меня за запястье.

– Хочешь поговорить, Эден? – процедил сквозь зубы. – Поговорим.

Вообще-то, вовсе не обязательно было тащить меня на глазах у любопытных сплетников, готовых сочинить столько слухов, что хватит на толстенный том графических новелл, но от чувства вины и большого желания прояснить глупое недоразумение я смолчала.

Илай толкал каждую дверь в поисках свободной аудитории. Наверное, это была судьба снова оказаться в кабинете философии. Вообще, в нашей академии философию преподают или просто для вида держат табличку на кабинете, где можно уединиться, предаться легком разврату или выяснить подпорченные недоразумением отношения? Надеюсь, что обойдется без заклатья разрушения, ведь портреты известных ученых-мыслителей, издавших нас в разном настроении, вовсе не виноваты, что мы тут чуток повздорили.

– Начинай говорить, – кивнул Илай. Прозвучало, как призыв поорать.

– Не заставляй меня оправдываться, – огрызнулась я. – Не происходило ничего, за что мне было бы стыдно!

– Ладно. – Он усмехнулся. – Я неправильно понял, ничего не происходило. Верю. Только скажи мне, Аниса, почему ты так сильно испугалась?

Интересный вопрос, сама им задаюсь.

– Я не знаю.

– И я не знаю, – кивнул он.

Некоторое время мы молчали. Надо просто честно рассказать, что несколько раз я за ним подсматривала, и Армас пообещал помочь справиться со странным то ли недугом, то ли

магическим браком. Быть откровенной несложно, делиться проблемами нормально, но почему-то не для меня.

Только решилась и открыла рот, чтобы признаться, как на духу, но Илай опередил:

– Я смертельно устал от присутствия отцовского выкормка в своей жизни и хочу держаться от него подальше. Давай на этом остановимся.

– Что ты имеешь в виду? – оторопела я, вдруг почувствовав, как живот сводит болезненной судорогой, а в груди перестает биться сердце. – Нас? Команду? Что именно?

– Все, – бесстрастно уронил Илай и вышел, самоустранившись от разговора.

Некоторое время я переваривала это его категоричное «все». Поперек горла стоял горький комок, сердце болезненно сжималось. Не верилось, что Илай просто хлопнул дверью у меня перед носом!

Неожиданно даже для себя я всхлипнула и осторожно, боясь подступающих слез, перевела дыхание. Следовало выйти из аудитории, вернуться в общежитие, надеть мантию, отправиться на занятия – сделать кучу обычных банальных дел, занимавших утро, но хотелось съехать по стене, уткнуться лбом в колени и разрыдаться.

– Не плачем, Аниса! – приказала я сама себе. Перевела дыхание и дернула дверь аудитории. Лить слезы на людях мне никогда не позволит гордость.

Не успела я сделать и нескольких шагов в коридоре, как пол под ногами мелко задрожал. С недоумением я помедлила, огляделась вокруг. Адепты проходили мимо, не замечая тревожной вибрации учебного корпуса. Пространство начало меняться стремительно и резко, как в прошлый раз, когда нас с друзьями перенесло в кабинет Армаса из квест-комнаты. Исчезали люди, яркие цвета глохли до полутонов, воздух стремительно остывал и в шерстяном платье становилось зябко.

Не прошло и десяти секунд, как я оказалась в абсолютно пустом коридоре с погашенными огнями, закрытыми кабинетами, наполненном полумраком, глубокими тенями и мертвой тишиной. За окнами разливалась туманная дымка, словно мир исчез и Дартмурт дрейфовал в безвременье, которому во взломанной методичке Хилдиса посвящалась целая глава.

Нас предупреждали, что финальный проверочный квест для адептов факультета хранителей всегда является неожиданным сюрпризом. Я считала, что оставалась еще минимум учебная декада, но, видимо, ради высокопоставленного гостя испытание перенесли и для зрелищности превратили в лабиринт целый замок. Что сказать? Совершенно точно от шока мне расхотелось плакать.

В сизом воздухе засветилась точка. Она быстро росла и вдруг взорвалась ослепительной вспышкой, заставив меня сморщиться и прикрыть ладонью глаза. На расстоянии вытянутой руки повисли две карточки с мерцающими контурами. На одной было написано «найти команду»
, на другой
«найти выход»
.

– Какой богатый выбор, голова идет кругом.

Карточка для бравых эгоистов растворилась черным дымком, едва вторая оказалась в моих руках. На плотной, словно специально состаренной бумаге нехотя проявилась кривоватая цифра. Некоторое время я пыталась сообразить, что именно от меня хотят добрые, чтобы их всех несварением пробрало, наставники.

– И чего? – посмотрела на потолок, словно ожидая божественного озарения или голоса свыше, готового прийти на помощь тугодумке, в смысле, адептке, растерявшейся от ударившего по затылку приключения. Потолок, конечно, смолчал, но взгляд зацепился за номер кабинета философии, совпадавший с цифрой на карточке.

– Спасибо, – для чего-то поблагодарила я потолок.

Дверь аудитории открылась с пронзительным скрипом, какого пять минут назад петли не демонстрировали. Портреты исчезли, вместо них в рамках висели черные квадраты. На учебной доске мелом была начертана схема этажа сверху, мерцал жирный крест на кабинете высшей магии.

Только хотела повернуться спиной, как план замерцал и стремительно изменился. Появилась новая карта и горящая неподвижная точка – это была я, залипшая на доску в кабинете философии. Через секунду рисунок стал иным, следующая «точка» напрасно не теряла драгоценное время и споро двигалась. В итоге мне показали четыре участника. Четыре, а не пять. Один из нас решил плюнуть на команду и просто найти выход.

– Ну, и вали за грань, столичная принцесса! – рявкнула я в пустоту и от жгучей, как красный перец, обиды так шарахнула дверью кабинета, что грохот наверняка долетел до тех этажей, где бродили остальные.

В конце коридора меня ждала каменная стена, какой еще утром в замке и в помине не было. Препраду следовало преодолеть с помощью смекалки, но голова от недосыпа совсем не соображала, а пользоваться магией никто не запрещал.

Без колебаний я прислонила руку к кладке, сосредоточилась и вышибла силовой волной дыру. В такую легко поместился бы ребенок, но кто запрещает свернуться бубликом и подобрать худой живот. Мысленно ругая на чем свет стоит наставников, я протиснулась в щель, чуть не кувыркнулась на пол, поскользнувшись на осколках камней, и внезапно заметила, что в темноте лестничного пролета кто-то шевелиться.

– Кто там?

Тень затаилась и промолчала.

– Ты крикун или наблюдатель? – позвала я.

– Наблюдатель, – прогудели в ответ.

– Тогда сделаем вид, что мы не встречались, – пообещала и уже хотела рвануть вверх по лестнице, но схватилась за перила и свесилась вниз, пытаюсь разглядеть человека в темноте:

– Я сильно извиняюсь, но, как говорится, пользуясь случаем. Дайте подсказку, куда бежать?

– Вверх.

– А дальше?

– Может мне за вас лабиринт пройти? – рявкнули в ответ, неожиданно напомнив, как я сама рычала на братьев-хранителей, когда те вломились в мою комнату и потребовали у злой ведьмы дать подсказку.

– Да нет, я не настолько жестока. Кстати, где мы? В безвременье?

– Адептка, – проворчали снизу, – иди уже, а я сделаю вид, что ты стену подвинула, а не разрушила.

– Ее можно было сдвинуть?

– Ее нужно было сдвинуть!

– Ну, ладно. Победителей не судят, да?

Взбежав по лестнице на два пролета, я вышла в сумрачный коридор. Кажется, воздух стал еще холоднее, словно живое тепло заснуло и каменный замок стремительно остывал.

Остановившись возле аудитории высшей магии, я глубоко вздохнула и медленно потянула на себя дверь. Кто знает, какая гадость поджидала внутри?

Ослепительный свет, словно запертый в помещении и ожидавший, когда его наконец освободят, выплеснулся в сумрачный коридор, брызнул в лицо, заставляя зажмуриться. Стараясь справиться с танцующими перед глазами желтыми кругами, я сделала шаг и едва не скатилась по длинной лестнице. Пришлось обожать и проморгаться. Внизу лежал дышавший холодом зеркальный лабиринт.

Осторожно спустившись по обледененным ступенькам, я прикоснулась к зеркалу, ладонь обожгло. Пластины были вырезаны из льда и настолько отполированы с помощью магии, что отражали людей и предметы. Сейчас в них рассыпались десятки моих двойников в скромных, заметно перепачканных каменной пылью платьях.

– Ребята, вы здесь? – Эхо подхватило выкрик и разнесло по лабиринту.

– Я с Бади! – прилетел пронзительный голос Тильды. – Он нашел меня еще в коридоре.

– Куда идти?

– Демон его знает! – ответила подруга.

– В центр! – Бади тоже знал.

– Здесь дверь, но она пока не открывается! – снова выкрикнула Тильда. – Зайдем вместе, но Ботаника еще нет!

Они не сомневались, кто именно ушел, но не знали причины. А Илай послал всех лесом из-за меня.

– Иду к вам!

Продвигаться среди собственных отражений, перебегавших с одной зеркальной стены на другую, было по-настоящему жутко. Голова кружилась, сердце колотилось. Несколько раз я сбивалась, влетала в зеркало и не сразу понимала, что оно стояло перед носом. Приходилось разворачиваться и закрывать глаза, чтобы осознать, в какую сторону следовало поворачивать.

Страшно представить, сколько времени оказалось потеряно на глупые блуждания! Распиховавшись, я наколдовала на раскрытой ладони клубок энергетической нити, жиденькой, конечно, но лучше пока не умела. С каждым шагом потихонечку ее разматывала, но хитрость не сработала – я все равно запуталась в зеркалах и впала в отчаянье.

– Потерялась! – крикнула я и услышала истеричный визг Тильды. – Что случилось?

– Крикуны! – вместо подруги ответил Бади. Казалось, что его голос звучал совсем близко. – Не беги!

Да я и не могла бежать! Ноги окостенели. Существо, отдаленно напоминающее человека, отражалось в зеркалах. Казалось, что оно подползало со всех сторон, рыча и пригибаясь к каменному полу. Демон прыгнул. С воплем я опрокинулась на каменный пол и, истерично отползая, следила, как у крикуна расширялась пасть.

Пожалуй, если бы он завизжал, то мне грозила глухота на пару седмиц и на оба уха. Но неожиданно, сбитый мощной воздушной волной, демон врезался в зеркальную стену. По ледяной пластине пошла трещина, разрезавшая надвое отражение Илая.

– Аниса, вставай шустрее! – проговорил он, помогая мне подняться. – Здесь нельзя оставаться надолго.

Крикун жался к стене, пытался расширить пасть, но, казалось, у него заклинило челюсти.

– Демон сожрет, если рот откроет? – пошутила я.

– Простудишься.

Крепко держась за руки, мы бросились вдоль зеркально коридора. В спину понесся истошный злобный визг, даже на расстоянии вызывавший желание спрятать голову под подушку, заткнуть уши и съежиться. По ледяным пластинам с хрустом рисовались трещины. Казалось, что распад преследовал и стремился переброситься на живых людей.

И мы не успели выскочить из лабиринта. С глухим хлопком зеркала рассыпались, в разные стороны брызнули ощеренные осколки. В панике я сделала то, что подсказывал инстинкт самосохранения – использовала заклятье разрушения. Сотни острых кусков взорвались черным пеплом, грозящим вполне реальным удушением.

Секундой позже Илай крепко прижал меня к себе. Я утыкалась носом в его грудь, ничего толком не видела, но ощущала, что мы словно находились в гудящем стеклянным пузыре.

– Извини, – пробормотала я.

– За что?

– За заклятье разрушения. Нельзя его было использовать.

– А я думал, что ты просишь прощение за Армаса, – невесело усмехнулся он.

– Кто о чем, а лысый о панаме! – разозлилась я. Нашел время для выяснения отношений, право слово! У нас тут квест, как бы, приключается.

Дождаться, пока весь пепел осядет, не имело смысла. Мы расцепились и щит истаял. Вместо зеркал теперь стояли гладкие черные стены, кое-где поблескивающие вросшими фрагментами льда.

– Эй, Ведьма! Ты лабиринт, что ли, порушила? Звон стоял, как при землетрясении! – крикнула Тильда.

– Рушила с Илаем, – огрызнулась я.

Вскоре мы вышли. В центре лабиринта зеркальные стены были повернуты изнанкой, и в воздухе сама собой висела гладкая белая дверь. Ни косяка, ни стен, только коробка, петли и самая обыкновенная ручка. Заходи с какой хочешь стороны!

– Из-за крикуна у меня лопнули очки, – пожаловалась Тильда, пытаясь рассмотреть нас через покрытые трещинами стеклышки. – Сделаешь, Ведьма?

Она стянула очки и во взгляде появилась растерянность несчастного человека, видящего вокруг лишь размытые пятна. Бади молчаливо обнял девушку за плечи.

– Я здесь!

– Ага, а то что-то страшненько сделалось, – проямлила та.

[illegible]